

БОР. СУВОРИНЪ.

№ 693.

ЗА РОДИНОЙ.

Героическая эпоха Добровольческой Арміи
1917—1918 гг.

Впечатлѣнія журналиста.

Парижъ.

1 9 2 2.

БОР. СУВОРИНЪ.

ЗА РОДИНОЙ.

Героическая эпоха Добровольческой Арміи

1917—1918 гг.

Впечатлѣнія журналиста.

Парижъ

1 9 2 2.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Alle Rechte vorbehalten.

Tous droits réservés.

Предисловіе.

Четыре года раздѣляютъ насъ отъ того дня, когда безумная чернь, предводительствуемая кучкой фанатиковъ и пришлыхъ, чуждыхъ Россіи, захватчиковъ власти, воцарилась надъ нашей несчастной, потрясенной бездарной революціей, Родиной.

Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось связать свою жизнь съ той Арміей, которая три года честно боролась противъ краснаго засилья на Югѣ Россіи. Мы знали и радость побѣды и горечь тяжкихъ разочарованій.

Эти три года можно раздѣлить на три опредѣленныхъ періода. Первый героическій періодъ эпопеи ген. Алексѣева и ген. Корнилова, который закончился вторымъ Кубанскимъ походомъ и смертью основателя Арміи ген. Алексѣева, второй періодъ борьбы ген. Деникина и третій борьбы ген. Врангеля въ Крыму.

Есть и четвертый періодъ великаго страсотерпѣнія Арміи на чужбинѣ.

Въ этой книгѣ я касаюсь только перваго періода — основанія Арміи, перваго легендарнаго Кубанскаго похода и событій съ ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г.

Пусть мой читатель не ищетъ въ моихъ очеркахъ исторіи или историческихъ мемуаровъ. Я настаиваю

на томъ, что это только „впечатлѣнія“ журналиста, близкаго свидѣтеля этой, мало знакомой читателямъ, героической эпохи Добровольческой Арміи, подвигъ которой оцѣнить когда нибудь много позднѣе.

Моя цѣль была рассказать то, что я видѣлъ и что слышалъ. Я не историкъ и не критикъ.

Какъ казались мнѣ эти событія, иногда крупныя и историческія, иногда просто незначительные эпизоды, такими и заносилъ я ихъ въ свою записную книжку.

Эти скромныя записныя книжки, съ которыми я не расстаюсь, и дали мнѣ возможность набросать въ этой книгѣ впечатлѣніе о тревогахъ и мученіяхъ, о рѣдкихъ радостныхъ дняхъ и о томъ могучемъ духѣ, который царилъ въ нашихъ Вождяхъ и въ ихъ маленькой героической Арміи.

Я не хочу судить; придутъ послѣ меня болѣе освѣдомленные люди и скажутъ всю правду объ этой удивительной эпопеѣ. Я-же, надѣюсь, что въ моихъ очеркахъ читатель найдетъ только то, что я ему обѣщаю — только подлинныя впечатлѣнія русскаго человѣка, которому Богъ послалъ великое счастье раздѣлить великія испытанія, на которыя позвали насъ Алексѣевъ и Корниловъ.

Парижъ, 15 октября.

Бор. Суворинъ.

I.

ДВА БРИДЖА.

Я никогда не былъ игрокомъ, хотя едва-ли есть игра, въ которую я не играю или не могъ-бы играть, но бриджъ, который обыкновенно заставляетъ меня послѣ трехъ или шести роберовъ зѣвать и искать попутчика въ мѣста, гдѣ не нужно думать о тузахъ, короляхъ, дамахъ и валетахъ, объ онерахъ и „безъ-kozyрей“, всетаки сыгралъ въ моей жизни удивительную роль.

Дважды случайно въ бриджъ я проставилъ свою жизнь и оба раза случайно выигралъ.

17-го ноября (1-го декабря) 1917 года вечеромъ меня посѣтилъ Г. Щетининъ, который предложилъ мнѣ отъ имени Генерала Алексѣева, который уже былъ на Дону, приѣхать къ нему въ Ростовъ на Дону и тамъ стать во главѣ большой антибольше-вистской газеты.

Наши газеты и „Новое Время“ и „Вечернее Время“ были уже закрыты большевиками. Я не принималъ участія въ искусственныхъ образованіяхъ, названныхъ „Утро“ и „Вечеръ“, которыя должны были замѣнить дорогія для меня названія. Большевики меня какъ-то забыли, и я не торопился уѣзжать. Тогда у насъ царилъ увѣренность въ

томъ. что власть Ленина и Бронштейна совершенно наносное и не длительное явленіе.

Глубоко чтя нашего великаго мудреца ген. Алексѣева, гордый его выборомъ, я немедленно согласился. Мы уже стояли въ передней, прощаясь, когда зазвонилъ телефонъ.

„Типографія захвачена большевиками, газеты больше не выйдутъ.“ говорилъ чей-то взволнованный голосъ.

Надо было выяснить положеніе, и я спѣшно покинулъ свой „home“, что-бы больше никогда къ нему не возвращаться.

Тогда я и не думалъ о такой возможности. Я просто ѣхалъ къ нашему управляющему А. И. Грамматикову, къ которому я былъ кстати приглашенъ на бриджъ, чтобы посовѣтоваться, что намъ дѣлать и передать ему извѣстіе о моемъ отъѣздѣ. Я и онъ фактически стояли тогда во главѣ всего нашего огромнаго дѣла, съ такой любовью разрушеннаго впоследствии большевиками.

Мой извозчикъ Иванъ, съ которымъ я не разставался почти двадцать лѣтъ, величайшій и скрытнѣйшій изъ всѣхъ моихъ повѣренныхъ, ждалъ меня. Дорога была прекрасная. Было холодно и снѣжно.

Мелкой въ три ноги — такая у Ивана была повадка — шла некрупная кобылка. Покачивался на облучкѣ на тугихъ возжахъ мой Иванъ, котораго я больше не видалъ съ этой памятной ночи. По пустой Сергіевской, обрамленной особняками, по прекрасной, несравненной набережной вдоль мощной, даже скованной, Невы, мы проѣхали съ нимъ черезъ Троицкій мостъ и очутились, минуя нашъ кусочекъ „Champs-Elyssés“, какъ я его называлъ на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Мой другъ былъ человѣкомъ большой рѣшимости и немедленно поѣхалъ въ пасть льву въ Смольный, гдѣ засѣдали наши новые владыки, за объясненіями, а мы сѣли играть въ бриджъ.

Прошло часа два пока Грамматиковъ не вернулся и не выяснилъ мнѣ, что дѣйствительно наша типографія и дома захвачены, и мы должны быть арестованными. Онъ самъ видѣлъ бумажку о своемъ арестѣ, но съ презрѣніемъ заявилъ малограмотному солдату, что онъ самъ пріѣхалъ въ Смольный по важнымъ дѣламъ и что не о чемъ приставать къ нему съ пустяками. Солдатъ, самъ не вѣря еще своей власти, подчинился и Саша, какъ звали мы его, спокойно вернулся къ намъ.

Но было уже поздно. Надо было или ѣхать домой, или оставаться ночевать у гостепріимнаго хозяина. Это было не новостью съ порядками нашей „Великой безкровной Революціи“, выкинувшей намъ Керенскаго, и черезъ неполныхъ девять мѣсяцевъ разрѣшившейся близнецами Ленинымъ и Бронштейномъ.

Саша уговаривалъ меня остаться, но я рѣшилъ такъ. Если Иванъ меня ждетъ, я ѣду домой, если-же нѣтъ, я остаюсь.

Въ той игрѣ случайностей, въ которую ввязалась моя жизнь, судьба захотѣла, чтобы мнѣ повезло, и мой милый Иванъ, не стерпѣвъ мороза, уѣхалъ къ себѣ, чтобы на другой день подать мнѣ на мою Кирочную № 40.

Гдѣ ты, мой милый, хорошій Иванъ, со своимъ незаблемымъ спокойнымъ красивымъ русскимъ лицомъ? А снѣ былъ Эстонцемъ!

Утромъ въ 7 часовъ меня разбудилъ мой секретарь. У меня былъ обыскъ. Меня ночью приходили аресто-

вать матросы, какъ называютъ ихъ Бронштинь — краса и гордость русской революціи, за то, что они разстрѣливали своихъ беззащитныхъ офицеровъ. Домъ мой оцѣпленъ.

„Ce l'ais chape'belle,“ какъ говорятъ французы. Мой первый бриджъ съ большевиками былъ выигранъ.

Оставаться дальше у Грамматикова нельзя было и я, не скажу, чтобы вполне спокойно, пѣшкомъ прошелъ къ одному вѣрному другу, котораго, какъ и многихъ другихъ изъ уваженія къ юстиціи товарищей, я не назову.

Черезъ дней пять я уже былъ въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ указаній отъ нашей южной организаци. За это время мои большевистскіе коллеги „распечатали“ объявленія о томъ, что я арестованъ и посаженъ въ тюрьму-Кресты.

Никогда на моей ^{тѣмъ} памяти журналиста эта утка не показалась мнѣ такой подходящей къ моему положенію и поэтому товарищи, слѣпо вѣрившіе въ свою печать, бросили искать меня и мнѣ не надо было скрываться.

Да, кромѣ того, какой я конспираторъ! Я жилъ въ Москвѣ болѣе или менѣе открыто и только перешелъ отъ общей залы любимаго ресторана въ кабинетъ и то подъ угрозой метр-д-отеля не дать мнѣ вина, если я не подчинюсь его требованію.

„Je m'inclinais“.

Вотъ тутъ-то въ Москвѣ я увидалъ то удивительное честное отношеніе, которое Claude Fauéré такъ очаровательно описалъ въ своихъ „Pelites alliées“, Я спокойно жилъ, а когда мнѣ неожиданно по приказу съ Дону пришлось уѣхать, не простившись

съ милой хозяйкой моего гостепріимнаго крова, я нашелъ свой чемоданъ, полный закусокъ, пироговъ и вина. Мой поѣздъ былъ послѣднимъ, выходящимъ въ Ростовъ на Дону съ вагономъ Международнаго Общества.

Неувѣренная въ себѣ, выкатившая съ Кавказскаго фронта чудо-дезертировъ, Совдепія не рѣшалась еще рѣзко порвать съ Донскими казаками, а слова „Internationale“ дѣйствовали магически на разнузданную толпу, убѣжденную въ томъ, что въ этомъ международномъ вагонѣ и ѣздитъ тотъ „Интернаціональ“, которому теперь поцѣловали руку европейскіе коммунисты! О эти talons rouges, какъ похожи вы, на эту отвратительную дикую толпу, пугавшуюся словъ „Интернаціональный вагонъ“.

Однако и среди этихъ, потерявшихъ обликъ воинскій и человѣческій людей, нашелся одинъ молодой вольноопредѣляющійся еврей, комиссаръ, ѣхавшій на Кавказъ въ Баку. Онъ ворвался въ нашъ вагонъ и очутился въ нашемъ купѣ. Насъ стало четверо. Одинъ офицеръ, я, одинъ изъ служившихъ въ нашей типографіи и большевикъ. Я ѣхалъ съ документами метранпажа и ни въ чемъ, казалось мнѣ, не возбудилъ подозрѣнія своего опаснаго сосѣда. Однажды только онъ удивился тому, что я былъ въ Америкѣ, но, будучи увѣренъ въ его неопытности я легко убѣдилъ его въ томъ, что метранпажъ это должность фактическаго помощника управляющаго типографіей, и я былъ посланъ туда за машинами. Я немедленно открылъ свои запасы яствъ и напитковъ представителю новой власти, который снизошелъ до нихъ.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ купѣ ѣхали два моихъ знакомыхъ, оба съ сіятельными именами. Какимъ-

то образомъ у нихъ бумаги были въ порядкѣ и они не вызывали подозрѣнiя у большевиковъ.

Мы уже проѣхали почти всѣ опасныя мѣста. Оставалась узловая станція Лиски. Слѣдующая станція нѣкотораго значенiя Чертково, какъ извѣстно было мнѣ, была въ рукахъ казаковъ. Между ними было нѣчто вродѣ нейтральной зоны. Мой комиссаръ объ этомъ ничего не зналъ и твердо былъ увѣренъ, что и Ростовъ и Новочеркасскъ уже находятся въ рукахъ большевиковъ. Я не разубѣждалъ его въ этомъ заблужденiи.

И вотъ, не доѣзжая Лиски, Кн. О. предложилъ мнѣ сыграть съ нимъ и съ Гр. Г. въ бриджъ. Нашъ комиссаръ просилъ разрѣшенiя посмотрѣть на игру. Мы конечно согласились. Мои партнеры были предупреждены, что моя фамилiя вовсе не Суворинъ а Мякинъ, и мы сѣли играть.

Это былъ мой второй бриджъ съ большевиками. О. вель счетъ и послѣ перваго робера выяснилось, что я выигралъ.

„О. проигралъ 3,“ — заявилъ онъ, „Г. проигралъ. а Суворинъ выигралъ...“ и онъ остановился.

„Одиннадцать“, пришлось мнѣ сказать, и я не помню, прибавилъ-ли я ему нѣсколько пожеланiй.

Мой комиссаръ обвелъ всѣхъ удивленными глазами и вышелъ. Думать оставалось очень мало времени. Мы подходили къ Лискамаъ, какъ и всѣ станции запруженной „усталыми“ солдатами, которые теперь четыре года борются съ „контръ-революцiей“ подъ флагомъ Бронштейна. Надо было принимать какое-нибудь рѣшенiе. Я рѣшился взять быка за рога и подошелъ къ моему комиссару.

„Да, дѣйствительно я Суворинъ“, сказалъ я ему, „но прошу Васъ меня не выдавать“.

На чемъ я основывалъ свою просьбу, я не зналъ, я говорилъ о томъ, что я даромъ не дамся, что вообще не нужно выдавать людей, вообще что-то говорилъ несуразное.

„Но вѣдь писали, что вы арестованы,“ сказалъ онъ мнѣ нѣсколько растерянный.

„Мало-ли что пишутъ въ газетахъ“, отвѣтилъ я. „Но я прошу Васъ меня не выдавать“.

Онъ вдругъ завернулся въ тогу благородства и весьма высокомерно заявилъ мнѣ, что хотя я его политическій врагъ, но онъ никогда не занимался доносами и т. д.

Въ это время мы подъѣзжали къ Лискамъ. Я ушелъ въ свое купэ, обдумывая свое дурацкое положеніе, въ которое поставилъ меня О. Комиссаръ ушелъ на станцію. Я не помню, сколько времени стояли мы въ Лискахъ, но знаю, что эта остановка была для меня ужасно тяжелая. Быть въ нѣсколькихъ часахъ отъ „предѣловъ досягаемости“ и вдругъ изъ за какого-то бриджа рисковать жизнью. У О. была старая польская водка и мы съ помощью закуски нашей „petiteallié“ стали ее уничтожать. Но вотъ вдругъ явился комиссаръ съ бутылкой молока и бубликами. Мы не сразу повѣрили ему, но тутъ прозвучали звонки и мы тронулись.

Мы стали чествовать нашего комиссара. Чувство прошедшей опасности подняло настроеніе и на перебой старались мы напоить большевика. Это было не трудно. Онъ былъ изъ слабенькихъ еврейчиковъ, а „старая водка“ О. была очень жестокая. Вскорѣ мы уложили его спать и, выпивъ нѣсколько стакановъ за мое избавленіе отъ опасности, поругавъ О. за его ненужную откровенность, мы тоже отошли ко сну.

* * *

Рано утромъ мы были въ Чертковѣ. Когда я взглянулъ въ окно, я увидѣлъ браваго казацкаго вахмистра съ чубомъ, съ фуражкой на ухѣ и съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. Я все понималъ.

Мы были внѣ сферы досягаемости.

Быстро я досталъ изъ сапога свои настоящіе документы и бросился въ корридоръ. Въ это время меня кто-то тронулъ за плечо.

Сзади меня стоялъ блѣдный комиссаръ. Онъ былъ въ погонахъ старшаго унтеръ-офицера. Онъ былъ такъ несчастенъ и блѣденъ, что ему многого не пришлось мнѣ говорить, и я увѣрилъ его, что мы его не выдадимъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ могъ выбросить меня на растерзаніе солдатской черни, теперь онъ былъ въ моихъ рукахъ.

Моя біографія двигалась съ безсмысленной быстротой и непоследовательностью кино-фельетона.

Мой второй бриджъ былъ вновь выигранъ. Оба раза, въ лучшемъ случаѣ, тюрьма была совсѣмъ близко, въ первый разъ бриджъ меня спасъ, во второмъ чуть чуть не погубилъ, но всетаки я его выигралъ. Вотъ тутъ и дѣлайте выводы: надо или не надо играть въ бриджъ?

Комиссару я предложилъ вернуться къ большевикамъ въ Царицынъ, не желая его пускать въ маленькій Новочеркасскъ. Онъ съ радостью меня послушался.

Поздно ночью мы шли въ гору Новочеркаска, и я проснулся на другой день въ Арміи, съ которой мнѣ не пришлось расставаться почти до самаго конца ея существованія на Югѣ Россіи.

II.

РОЖДЕНІЕ АРМІИ.

Новочеркасскъ, столица Дона, потроенъ на высокой горѣ, увѣнчанной прекраснымъ златоглавымъ соборомъ. Говорятъ, что какой-то ревнивый атаманъ построилъ здѣсь свой городъ, чтобы лучше охранить свою возлюбленную. Казаки любятъ поэтическія легенды, и пѣсни ихъ, всегда почти связанныя съ войной, полны удивительной поэзіи и какой-то полу-военной, полу-любовной музыкальности.

Этотъ казачій городъ былъ воспріемникомъ Добровольческой Арміи. Всѣ, кто причастился этому великому движенію, кто попалъ въ первые дни ея существованія, помнятъ небольшое, совершенно заполненное помѣщеніе на Барочной ул. 26, гдѣ была главная квартира ея основателя ген. Алексѣева.

Генераль Алексѣевъ, бывший начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, находился въ Петроградѣ во время возстанія большевиковъ, въ концѣ октября. Онъ былъ призванъ изъ Смоленска, гдѣ онъ отдыхалъ среди своей семьи послѣ тяжелыхъ трехъ лѣтъ войны и почти года нравственныхъ страданій, которыя принесла ему революція, какъ и всѣмъ честнымъ военнымъ, не собиравшимся дѣ-

латъ себѣ карьеры на демагогіи и заигрываніи съ солдатской чернью.

Благодаря настойчивости генерала М. В. Алексѣева, изъ Бердичева, гдѣ былъ заточенъ Керенскимъ ген. А. И. Деникинъ, удалось перевести ген. Деникина въ Быховъ (Могилевскій), гдѣ содержался подъ стражей другой герой нашей Арміи — ген. Корниловъ.

Чтобы ни говорили наши социалисты, факты всегда останутся фактами, и они принуждены будутъ признать когда-нибудь, что лучшіе русскіе люди не могли служить при нихъ и что лучшихъ генераловъ сніи просто сажали въ тюрьму. Народный социалистъ Іорданскій держалъ генерала Деникина въ Бердичевѣ и заставилъ его подвергаться оскорбленіямъ и смертельнымъ угрозамъ со стороны грязной разнузданной толпы, среди которой торжествовалъ этотъ комиссаръ.

Честная русская печать, благодаря ген. Алексѣеву, заставила Керенскаго и его социалистическое правительство перевести ген. Деникина въ Быховъ, что способствовало въ послѣдствіи его бѣгству въ Добровольческую Армію. Останься онъ въ Бердичевскомъ застѣнкѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ бы жертвой этой черни, на которую опирались въ мечтахъ Керенскій и его клика. У меня лично есть основаніе предполагать, что въ дѣлѣ перевода ген. Деникина въ Быховъ нѣкоторую благопріятную роль сыграли союзныя миссіи.

Ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петроградъ въслѣдствіи приглашенія отъ Арміи участвовать въ предварительномъ собраніи (что то въ родѣ репетиціи Учредительнаго собранія), въ такъ называемомъ предъпарламентѣ. Въ тоже время съ кружкомъ вѣрныхъ

людей онъ энергично заглялся организаціей офицерскихъ кадровъ, которые могли бы дать возможность возродиться, если не всей разлагающейся Арміи, то тѣмъ ея элементамъ, которые не могли не видѣть, въ какую бездну позора ведетъ ихъ юмористическій „главнокомандующій“ Керенскій, трусь и неврастеникъ и неминуемый большевизмъ.

Предпарламентъ былъ разогнанъ большевиками 27 октября и только „оплошность“ большевитскаго офицера не дала имъ возможности арестовать нашего Вождя, который настойчиво приказывалъ пропустить себя въ Маріинскій дворець, уже занятый большевиками.

Друзья генерала съ большими трудностями уговорили его скрыться и, благодаря настойчивости и энергіи его адъютанта ротмистра Кирасирскаго (Его Величества) полка (нынѣ ген. маіора) Шаперона дю Ларре и удивительной русской женщины Н. П. Щетининой, ему удалось добраться до Новочеркаска.

Генеральъ ѣхалъ на Донъ подъ видомъ купца. Онъ не былъ способенъ къ конспираціи и чуть ли не въ первый же день пути кондукторъ, знавшій его, уже назвалъ его „Ваше Высокопревосходительство“. На удивленный вопросъ генерала, откуда его знаетъ кондукторъ, тотъ отвѣчалъ ему, что какъ же ему не знать начальника штаба Государя, да кромѣ того въ открытомъ чемоданѣ „купца“ лежалъ китель съ погонами генерала отъ инфантеріи. Я надѣюсь, что когда-нибудь генераль Шаперонъ расскажетъ намъ о первыхъ шагахъ въ дѣлѣ основанія Добровольческой Арміи и о глубокой патриотической работѣ покойнаго ея вождя и основателя.

Желая строго держать планъ своей книги-

именно только изложенія своихъ личныхъ впечатлѣній журналиста, я не хочу затрагивать сферу дѣятельности нашего геніальнаго вождя, болѣе точно извѣстную его близкимъ людямъ.

Ген. Алексѣевъ 2 (15) ноября 1917 года прибылъ въ Новочеркасскъ. Этотъ день принято считать днемъ основанія Добровольческой Арміи, хотя названіе „добровольческой“ она оффиціально получила въ концѣ декабря. По странной игрѣ судьбы послѣдніе остатки нашей арміи въ 1920 году покинули Крымъ тоже 2 (15) ноября 1921 года. Итакъ отъ первыхъ дней трудовъ ген. Алексѣева до ухода ген. Врангеля прошло ровно три года — 1096 дней борьбы, лишеній, унесшихъ столько благородныхъ жизней.

Среди тѣхъ, которые положили начало Арміи, нѣтъ ни ген. Алексѣева, ни Корнилова, ни Каледина, ни Маркова, но русская Армія никогда не забудетъ этихъ святыхъ именъ и навсегда они останутся тѣмъ свѣточемъ, за которымъ пойдутъ наши будущія военныя поколѣнія.

Какъ я писалъ уже, я былъ вызванъ ген. Алексѣевымъ, который предлагалъ передать мнѣ организацию печатнаго органа въ Ростовѣ. Но въ это время Ростовъ былъ въ рукахъ большевиковъ и я не подымалъ объ этомъ разговора.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Питера, я принялъ порученіе отъ казачьяго союза, переданнаго мнѣ есауломъ Самсоновымъ. Нужно было подробно спросить ген. Алексѣева, что онъ думаетъ о положеніи въ казачьихъ земляхъ и дать союзу отчетъ.

Я никогда не забуду этого интервью, или вѣрнѣе лекціи, которую прочелъ мнѣ нашъ мудрый старикъ. Все положеніе было совершенно яснымъ для меня

послѣ него и теперь, вспоминая мои три года, проведенные съ арміей, я вижу, какъ тогда уже правильно понялъ казачью психологію ген. Алексѣевъ и какъ мѣтко охарактеризовалъ онъ многихъ изъ его дѣятелей, проявившихъ свое истинное лицо много, много позднѣе.

Генераль не рассчитывалъ на подъемъ казачества. Онъ отдавалъ должное высокому чувству долга Каледина, блестящаго генерала и выборнаго атамана Донскаго войска, но онъ видѣлъ, что его старанія поднять казачій духъ не могутъ увѣнчаться тѣмъ успѣхомъ, который можно было ожидать. Онъ очень симпатично отозвался о Митрофанѣ Богаевскомъ, прекрасномъ ораторѣ, искреннемъ казакѣ и русскомъ человѣкѣ, но боялся того, что его утопятъ въ демагогической болтовнѣ, которая стала такъ захватывать и казачьи политическія организации. Очень характернымъ было одно его сравненіе. „Знаете, говорилъ онъ, когда говоришь съ казаками, вѣчно боишься наступить на какую-то казачью мозоль, обойти ихъ трудно, потому что эти мозоли вездѣ“.

Калединъ застрѣлился въ концѣ января 1918 года, видя неминуемое разложеніе казачества, а Богаевскій былъ подло разстрѣлянъ большевиками безъ суда въ Нахичевани около Ростова въ мартѣ того же года.

Ген. Алексѣевъ говорилъ и о кубанцахъ. Они, пожалуй, крѣпче Донцовъ, но эти такъ называемыя самостійныя группы (онъ очень рѣзко отозвался о Бычѣ и братьяхъ Макаренкахъ) играютъ въ скверную политику личныхъ честолюбій.

Терцы были, по его словамъ, крѣпче другихъ, но они мало были съ организованы и ихъ атаманы

Карауловъ, человѣкъ, хотя и смѣлый, но недостаточно сильной воли, чтобы подчинить ихъ своему вліянію.

Черезъ мѣсяцъ или два Карауловъ, членъ Г. Думы нѣсколькихъ созывовъ, былъ убитъ солдатской чернью, дезертировавшей съ Кавказскаго фронта.

У меня, къ сожалѣнію, не сохранились во время моихъ скитаній мои дневники первыхъ дней моей жизни на Дону, и я, боясь ошибиться, не стану настаивать на другихъ подробностяхъ этого интервью.*) Впрочемъ не могу не указать на то, что ген. Алексѣевъ, говоря о видномъ социалистическомъ казачьемъ дѣятелѣ, хорошемъ ораторѣ, игравшемъ, къ сожалѣнію, крупную роль среди казачества. Павлѣ Агѣевѣ, высказался въ томъ смыслѣ, что онъ является опаснѣйшимъ дѣятелемъ въ казачествѣ. Вся дѣятельность Агѣева только доказала справедливость мнѣнія генерала, но только въ 1920 году Агѣевъ былъ объявленъ измѣнникомъ казачеству, когда онъ уже пересталъ скрывать свое политическое лицо.

Во время моего разговора съ ген. Алексѣевымъ, явился ординарецъ и доложилъ ему, что наши войска уже вошли въ Нахичевань.**)

„Сегодня будемъ въ Ростовѣ,“ сказалъ генераль и перекрестился, мы послѣдовали его примѣру. На этомъ счастливомъ извѣстіи я расстался съ генераломъ и черезъ часъ или два въ Новочеркасскѣ

*) Все, что я пишу, можетъ повторить есаулъ Самсоновъ, которому я послалъ подробный докладъ.

**) Нахичевань составляетъ одинъ городъ съ Ростовомъ на Дону, являясь какъ бы его восточной окраиной. Ростовъ отъ Новочеркасска находится въ 48—50 верстахъ.

было получено радостное извѣстіе о томъ, что наши войска, имѣя во главѣ Атамана Каледина, вошли въ Ростовъ и что большевики, несмотря на помощь матросовъ Черноморскаго флота, стремительно бѣгутъ.

Но позвольте Вамъ рассказать, чѣмъ была наша „армія“, которая смогла взять Ростовъ. Ее было бы смѣшно такъ назвать, если бы въ ней не было, несмотря на всю ея малочисленность, того высокаго духа, который заставлялъ ее дѣлать чудеса.

Съ ноября мѣсяца отовсюду изъ Россіи на Донъ, гдѣ гремѣло имя Атамана Каледина, къ казачеству, которому вѣрили всѣ патріоты, стали стекаться офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты, студенты и семинаристы. Какимъ-то образомъ распространилось извѣстіе о томъ, что тамъ уже ген. Алексѣевъ и что туда ждуть Корнилова, бѣжавшаго изъ Быхова, во главѣ своихъ вѣрныхъ Текинцевъ.

Многіе изъ этихъ молодыхъ людей погибали въ дорогѣ отъ руки, потерявшей голову, большевистской черни, на станціяхъ жел. дорогъ и въ пути, но ничто не останавливало горячаго патріотизма этой прекрасной молодежи, покрывшей себя неувыдаемой славой.

* * *

Какъ-то разъ я вышелъ изъ своей гостинницы. Въ гору поднималась кучка кадетъ. Старшему было не больше 17-ти лѣтъ, другимъ лѣтъ 14—15. Они нерѣшительно подошли къ гостинницѣ и, не довѣряя „штатскому“ („вольному“, какъ говорили солдаты), стали разсматривать списокъ живущихъ въ гостинницѣ. Я вернулся и спросилъ ихъ, что имъ нужно? „Мы ищемъ Г-на Х.“, и они назвали первое

попавшееся имя, котораго, конечно, не было въ спискѣ.

„А вы развѣ не ищите Армію ген. Алексѣева?“ спросилъ я. Глаза ихъ загорѣлись прекраснымъ молодымъ блескомъ. Впереди стоялъ мальчикъ въ знакомомъ мнѣ мундирѣ.

„Вы кадетъ Михайловскаго Воронежскаго корпуса? Мой отецъ былъ кадетомъ перваго выпуска вашего корпуса.“

Ледъ растаялъ. „Такъ точно!“ „А я Орловскаго корпуса,“ „я Московскаго“ и они весело сознались, что именно пріѣхали изъ разныхъ мѣстъ Россіи, чтобы поступить въ Армію ген. Алексѣева и Корнилова.

Какъ пробирались эти милые дѣти, какъ бросили они свои семьи, какъ нашли они послѣ многихъ трудовъ эту обѣтованную Армію!

Я далъ имъ адресъ штаба, но раньше посовѣтовалъ имъ пойти на гауптвахту, которую охраняли тоже кадеты (!) Новочеркаскаго корпуса, чтобы тамъ ихъ казачьи товарищи накормили ихъ.

Также слеталась сюда другая молодежь.

Офицеры Арміи занимали мѣста въ строю рядовыми рядомъ съ маленькими кадетами и великовозрастными семинаристами. У всей этой молодежи былъ одинъ порывъ, одна мечта, жертвовать собой для Родины. Этотъ духъ и велъ къ побѣдѣ и этимъ только и объяснялись успѣхи этой кучки людей въ борьбѣ съ врагомъ въ десятки разъ сильнѣйшимъ. Святая любовь и вѣра въ своихъ вождей вела ихъ отъ одного подвига къ другому. И этимъ, повторяю, мы обязаны были именно ихъ благородной и чистой молодости.

Старшее поколѣніе думало не такъ. Я не говорю

о военныхъ, я говорю о тѣхъ, кто равнодушно смотрѣлъ на гибель и жертву этихъ лучшихъ отпрысковъ русской молодежи.

Трагедія „Отцовъ и дѣтей“ встала съ необычайной яркостью передъ нашими глазами.

Какъ-то разъ ген. Алексѣевъ присутствовалъ при похоронахъ нѣсколькихъ убитыхъ мальчиковъ. На ихъ могилѣ онъ сказалъ:

„Я вижу памятникъ, который Россія поставитъ этимъ дѣтямъ. На голой скалѣ разоренное орлиное гнѣздо и убитые орлята. А гдѣ же были орлы?“

Это трагическое восклицаніе останется навсегда памятникомъ подвигу молодости и равнодушію старшаго поколѣнія.

Когда послѣ взятія Ростова Арміи понадобились деньги, то богатѣйшій многомилліонный Ростовъ собралъ что-то около тысячи рублей, а когда въ Ростовъ вошли большевики, Ростовцы на блюдѣ поднесли имъ 2 милліона.

Какъ-то много позднѣе, когда лѣтомъ 1918 года мы вернулись въ Ростовъ, я отправилъ своего сотрудника къ одному крупному общественному и финансовому дѣятелю переговорить съ нимъ объ оказаніи помощи Арміи.

Онъ былъ очень предупредителенъ и далъ цѣлый рядъ указаній.

„Мой сынъ гимназистъ (или студентъ) самъ въ Добровольческой Арміи, былъ два раза раненъ, но опять возвращается въ строй, сказалъ онъ, а потомъ сталъ умолять не называть его имени въ газетѣ, такъ какъ къ нему могутъ плохо отнестись, если „что“ случится.

Вотъ вамъ образчики нашего молодого фронта и нашего стараго тыла.

Армія, которая ушла съ Алексѣевымъ и Корниловымъ въ первый незабываемый Кубанскій походъ, насчитывала не болѣе 3-хъ тысячъ человекъ, а когда въ Ростовъ пришли нѣмцы и приказали всѣмъ офицерамъ явиться для регистраціи, ихъ набралось едва ли не вдвое больше.

Я не хочу никого осуждать. Я только хочу подчеркнуть то холодное отношеніе, которое встрѣтила наша маленькая Армія, что однако не могло сломить ея духа и ея вѣры въ Родину.

* * *

У такого предпріятія не могло не быть и обратной стороны медали и она заключалась въ томъ, что вокругъ этого святого дѣла стали слетаться люди, жаждущіе авантюры. Еще до пріѣзда ген. Корнилова, въ нашей гостиницѣ я замѣтилъ людей, которые довольно явно старались пробиться къ власти, пользуясь именемъ ген. Корнилова. Во главѣ ихъ былъ Завойко, бывший ординарцемъ у ген. Корнилова, игравшій при немъ во время Керенщины крупную и не очень выигрышную роль.

Появился Добрынскій, таинственный господинъ, съ таинственной репутаціей, впоследствии бывшій на побѣгушкахъ у нѣмцевъ, и даже нѣкій господинъ М., говорившій о своихъ милліонахъ въ Парижѣ, мечтавшій организовать политическую комбинацію подъ названіемъ „Ракъ“.

Слагалась она изъ первыхъ буквъ именъ председателя Думы Родзянко, ген. Алексѣева и атамана ген. Каледина. Я предложилъ ему хотя бы измѣнить эту неблагозвучную комбинацію на „АКРЪ“ или „Каръ“, но онъ стоялъ на своемъ и вскорѣ, обижен-

ный общимъ недовѣріемъ, уѣхаль къ своимъ милліонамъ со своимъ „Ракомъ“.

Сѣхались и нѣкоторые политическіе дѣятели. Пріѣзжалъ Милюковъ, тогда еще не увѣровавшійся въ необходимость дружбы съ нѣмцами, о чемъ онъ писалъ ген. Алексѣеву лѣтомъ 1918 г. Пріѣзжалъ Струве и вѣчный неудачникъ, до старости оставшіяся политическимъ вундеркиндомъ, М. М. Федоровъ. У всѣхъ этихъ дѣятелей, кромѣ профессорскаго таланта Милюкова, ничего не было и ихъ работа въ Арміи осталась незамѣтной. Для меня она оказалась крайне непріятной, такъ какъ кадеты, подкрѣпленные своимъ лидеромъ, не дали мнѣ возможности открыть газету въ Ростовѣ, такъ какъ они никакъ не могли допустить мысли, чтобы печать не была-бы въ ихъ рукахъ. А вѣдь отъ нихъ что-то ждали, какъ и теперь отъ нихъ кое-что ждутъ, какъ отъ тѣхъ молодыхъ людей, которые вѣчно подають надежды и ничего больше.

Нынѣшній другъ Милюкова, Керенскій, тоже какъ-то прискакаль въ Новочеркасскъ, послѣ своего бѣгства отъ большевиковъ, но его никто не приняль и онъ немедленно скрылся съ тѣй поспѣшностью ловкаго трансформатора, которая позволяетъ ему такъ же неожиданно и выскакивать изъ русской политической коробки съ сюрпризами.

Изъ другихъ политическихъ дѣятелей здѣсь были М. В. Родзянко, Н. Н. Львовъ и пріѣзжалъ Савинковъ. Родзянко былъ въ личной обидѣ на ген. Алексѣева за то, что тотъ не призываль его къ активной дѣятельности. Н. Н. Львовъ — этотъ прекрасный образецъ честнѣйшаго политическаго дѣятеля, самоотверженнаго и глубокаго патріота, не ищущаго ничего для себя, до самаго послѣдняго часа и до нынѣ, когда

я пишу эти строки, оставшийся съ Арміей, какъ вѣрный ея другъ, всегда пользовался общими симпатіями и только слѣдуетъ сожалѣть, что его скромность не позволяетъ ему сыграть болѣе крупной роли.

Самую интересную роль ждали отъ Савинкова. Онъ пріѣхалъ въ Январѣ. У Савинкова быть ореолъ революціоннаго дѣятеля, за которымъ могли бы пойти революціонныя войска. Онъ не пользовался симпатіями ген. Алексѣева, а ген. Корниловъ послѣ своего Августовскаго выступленія, когда Савинковъ, во всемъ поддерживавшій Корнилова, остался въ станѣ Керенскаго и измѣнилъ Корнилову, не могъ относиться къ нему съ прежнимъ довѣріемъ.

Корниловъ пробрался на Донъ въ серединѣ или въ первой половинѣ Декабря. Его ждали въ Арміи, но всетаки его пріѣздъ былъ довольно неожиданнымъ. Этотъ человѣкъ желѣзной воли вышелъ изъ Быхова съ кучкой своихъ вѣрныхъ Текинцевъ. Но, попавъ въ окруженіе, не рассчитывая пробится, не желая рисковать своими людьми, онъ распустилъ ихъ и самъ, переодѣвшись крестьяниномъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на подводѣ, гдѣ на поѣздѣ среди солдатъ, возвращавшихся съ фронта, проклинавшихъ Корнилова за поддержаніе дисциплины, проѣхалъ на Донъ.

Онъ самъ рассказывалъ, какъ въ вагонѣ его ругали солдаты, не подозрѣвавшіе того, что этотъ маленькій мужиченка и есть ихъ бывший Верховный Главнокомандующій.

Несмотря на чувство антипатіи, Савинкова все-таки приняли и съ нимъ совѣщались, но ничего изъ этого не вышло. Очень скверное на всѣхъ впечатлѣніе произвелъ его помощникъ или адъютантъ Вендзягольскій — типъ необычайно самонадѣяннаго и

самоувереннаго поляка, хваставшійся тѣмъ, что за нимъ пойдутъ „корпуса“. Эти корпуса такъ и остались въ мечтательномъ распоряженіи этого господина, сохранившаго отъ всѣхъ тайну своего военнаго обаянія.

Съ Савинковымъ на Дону я встрѣтился два раза. Въ первый разъ, это было въ маленькомъ кавказскомъ погребкѣ „Араратъ“ въ Новочеркасскѣ. Познакомилъ меня съ нимъ мой сотрудникъ К.

Мы поужинали и говорили о многомъ. Савинковъ указывалъ на недостаточное довѣріе къ нему, незаслуженное по его словамъ, со стороны генераловъ и какъ будто-бы вѣрилъ въ свое вліяніе и силу. Вендзягольскій просто хвастался.

Въ концѣ бесѣды я обратился къ Савинкову съ вопросомъ, который крайне меня интересовалъ и до сихъ поръ интересуесть.

„Скажите Борисъ Викторовичъ,“ спросилъ я, „почему Вы, такой специалистъ этого дѣла, не организовали убійства Ленина и Троцкаго?“

„Почему вы думаете, что я такой специалистъ?“ отвѣтилъ онъ.

„Я читалъ Ропшина,“ „Коня Блѣднаго“ и „То, чего не было“. Савинковъ не сразу отвѣтилъ.

„Тутъ были другіе“, сказалъ онъ.

„Но неужели-же могъ имѣть такое вліяніе Азефъ?“

„Нѣтъ не только Азефъ.“

„Такъ неужто-же эта бездарность Черновъ?“

На это отвѣта не было и онъ перемѣнилъ разговоръ, и я такъ и досихъ поръ не знаю, почему для нашихъ воинствующихъ эсэровъ какой-нибудь царскій министръ казался такой интересной жертвой и почему большевицкіе владыки не казались достойными революціонной бомбы.

Во второй разъ я встрѣтился съ Савинковымъ въ гостиницѣ „Нью-Йоркъ“, почему-то въ номерѣ Добрынскаго (или какъ онъ себя называлъ хана Татарскаго). Тамъ былъ писатель, авторъ прекраснаго романа „Наше преступленіе“, Родіоновъ и мой сотрудникъ Е. П. Семеновъ. Изъ ихъ разговора я понялъ, что ничего у Савинкова съ генералами не выйдетъ, да и нѣтъ у него ничего серьезнаго.

Кто меня поразилъ, такъ это Родіоновъ, съ пѣной у рта говорившій объ арміи и требовавшій, чтобы ихъ, казаковъ, она оставила бы въ покоѣ, такъ какъ они, казаки, сами справятся съ большевизмомъ. Черезъ мѣсяцъ онъ ушелъ съ нашей арміей, не довѣрившись казакамъ, хотя, вернувшись съ нами на Донъ, вновь заболѣлъ неукротимой и озлобленной казакманіей.

Мой другъ Семеновъ оставался тѣмъ же несправимымъ идеалистомъ, мечтавшимъ о всеобщемъ объединеніи. Добрынскій изъ кожи лѣзъ, чтобы играть роль, Вендзягольскій позировалъ и жонглировалъ своими корпусами.

Савинковъ былъ очень сдержанъ. Впечатленіе онъ произвелъ на меня довольно сильное. Въ немъ чувствовалось много воли, но въ тоже время и неукротимаго честолюбія, незнакомаго съ уступчивостью. Слишкомъ большая пропасть, углубленная Корниловскимъ выступленіемъ, раздѣляла его отъ нашихъ вождей.

Черезъ нѣсколько дней я ѣхалъ въ Ростовъ. На вокзалѣ я встрѣтилъ Савинкова, котораго провожалъ С. С. Щетининъ, близко стоявшій къ ген. Алексѣеву. Они холодно простились. Я видѣлъ, что Савинковъ уѣзжаетъ изъ арміи и больше не вернется.

Съ тѣхъ поръ мы уже не встрѣчались.

III.

КАЛЕДИНЪ И КАЗАЧЕСТВО.

Генераль Калединъ былъ прирожденный военный и настоящій вождь. Коренной казакъ, скромный офицеръ, но бывший въ гвардіи, онъ одно время занималъ довольно незамѣтное мѣсто начальника Донского юнкерскаго училища. На войнѣ оно заставилъ говорить о себѣ, какъ о начальникѣ 12 Кавалерійской дивизіи, едва-ли не лучшей въ русской арміи, которая всегда справедливо гордилась своей блестящей кавалеріей. Въ нее входили полки: Ахтырскій гусарскій, Стародубовскій драгунскій и Бѣлгородскій уланскій. Какъ это полагалось, каждой дивизіи былъ приданъ одинъ казачій полкъ—Оренбургскій. Одно названіе этихъ полковъ для каждаго военного русскаго человѣка покажетъ, чего могъ достигнуть талантливый начальникъ съ такой частью.

Дивизію эту вскорѣ уже перестали называть двѣнадцатой, а называли просто Калединской. Знаменитое Галиційское (такъ называемое Брусилловское) наступленіе застаеъ его уже командующимъ 8-ей арміей. Онъ беретъ Луцкъ и ему обязаны мы первыми успѣхами этого блестящаго наступленія. Во время революціи онъ былъ, послѣ раненія, на Дону и гро-

маднымъ большинствомъ избранъ въ Атаманы войсковымъ кругомъ.

Когда заколебался весь нашъ фронтъ и вся армія подверглась разврату Керенской и большевистской демагогій, начало которой положило неудачное, слабое министерство Гучкова, казачество все еще крѣпко держалось старыхъ завѣтовъ и традицій.

Этотъ народъ-воинъ, жившій по своему особенному укладу, по своимъ вольнымъ законамъ, которые близорукое русское правительство любило ограничивать, не могъ поддаться такъ легко большевистской и большевизирующей демагогій. У казаковъ была своя психологія—казачья. Казакъ былъ всегда казакомъ, а не солдатомъ. Не рѣдко было услышать отъ казака объ офицерѣ регулярной арміи, какъ о „солдатскомъ офицерѣ“. Кроме того, казаки были богаче другихъ земледѣльцевъ Россіи. Связь ихъ дворянства съ простымъ казачествомъ была гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Несмотря на то, что военныя обязанности лежали тяжелымъ гнетомъ на казачествѣ „казакъ долженъ былъ являться одѣтымъ и съ конемъ“. цѣлый рядъ привилегій охранялъ его права.

Революція закрѣпила эти права и сократила обязанности и казачеству ничего привлекательнаго не могла обѣщать голодная демагогія большевизма. Во главѣ этого народа и стоялъ генералъ Калединъ.

Я помню его на іюльскомъ собраніи въ Москвѣ, собранномъ Керенскимъ для „объединенія“, въ Большомъ театрѣ. Онъ категорически поддержалъ требованіе сохраненія старой дисциплины, т. е. того, на чемъ горячо настаивали Алексѣевъ и Корниловъ.

Самъ по себѣ это былъ человѣкъ не словоохотли-

вый и довольно сумрачный. Про него говорили, что рѣдко кто видѣлъ его улыбающимся, а не только смѣющимся. Почему-то этотъ казакъ былъ женатъ на французенкѣ, но и жена его не могла заставить нарушить его замкнутый образъ жизни.

Пока цѣло было казачество, оно всецѣло ему довѣряло. Посланецъ Керенскаго—Скобелевъ, богатый социалистъ изъ купцовъ, торговавшихъ съ Персіей, которымъ молва приписывала спекуляцію на персидскіе туманы, попробовалъ подорвать довѣріе къ Каледину среди членовъ демократическаго Донскаго круга, но плачевно провалился, и тотъ же Керенскій, который продавалъ казачество, искалъ защиты у донскихъ казаковъ ген. Краснова, когда рухнулъ карточный домикъ нашей „великой“ революціи.

Съ успѣхами большевизма положеніе Атамана стало особенно тяжелымъ. Развратъ коснулся и казачества. Инстинктивно боясь его, большевики не смѣли сразу объявить ему войну, но искали всякихъ поводовъ, чтобы проникнуть на Донъ, пользуясь сравнительно безправнымъ положеніемъ неказачьяго земледѣльческаго населенія, такъ называемыхъ „иногороднихъ“. Съ ноября они уже повели довольно интенсивную борьбу.

Молодые казаки, пробывшіе уже три года на войнѣ, были рады отдохнуть и приняли революцію, какъ освобожденіе отъ нѣкоторыхъ своихъ обязанностей. Съ другой стороны казачество, всегда гордое и самостоятельное, не мирилось съ мыслью, что они должны защищать Россію, когда русскіе солдаты бѣгутъ съ фронта. Эта молодежь сыграла тяжелую роль въ исторіи казачества. Старое, не военно-

призванное, поколѣніе, такъ называемые старики*), не могли примириться съ этой психологіей и началась трагедія казачества. Вооруженное здоровое казачество не хотѣло воевать съ большевизмомъ, уставъ отъ борьбы. Старики же стояли на сторонѣ порядка и борьбы съ большевизмомъ. Между тѣмъ между Атаманомъ и казачествомъ стоялъ Донской войсковой кругъ.

Этотъ парламентъ, зараженный демагогіей, сталъ искать какого-то сближенія съ большевизмомъ. если не въ Россіи, то на Дону.

Каледину стоило громадныхъ усилій сохранить организацію ген. Алексѣева, которую готовы были предать лѣвые элементы круга и даже пріѣздъ ген. Корнилова держался одно время въ строгомъ секретѣ.

Вѣрная крѣпкая душа этого казака-рыцаря долго боролась съ этимъ положеніемъ. Съ одной стороны демагогія и ненавистническое отношеніе къ нашей арміи, съ другой его долгъ и вѣра въ святость дѣлей генераловъ Алексѣева и Корнилова. Калединъ, дѣлая все, что отъ него зависѣло, чтобы поддержать нашу армію, не могъ не дѣлать уступокъ такъ называемой демократіи, дѣлавшей все, чтобы уничтожить плоды его трудовъ.

До самой своей смерти онъ хотѣлъ вѣрять въ свое родное казачество и въ его силу, но разочарованіе было такъ сильно, что онъ не выдержалъ борьбы съ нимъ.

*) Старикъ въ казачествѣ слово очень почетное. Но казаки могутъ его получить только за большія заслуги. Такъ Верховный Главнокомандующій Вел. Кн. Николай Николаевичъ былъ избранъ многими станицами „почетнымъ старикомъ“.

Въ декабрѣ 1917 г. казачій большевизмъ уже разросся и однимъ изъ лидеровъ его явился никому неизвѣстный казакъ Подтелковъ.

Онъ былъ фейерверкеромъ гвардейской казачьей батареи, стоявшей въ Павловскѣ подъ Петроградомъ. Въ чемъ заключался секретъ его обаянія, осталось неизвѣстнымъ. Онъ не былъ ораторомъ, въ его внѣшности не было ничего привлекательнаго. Это былъ тяжелый, наглый, не умный казакъ, котораго какимъ-то образомъ вынесла волна революціи.

Въ казачествѣ такія фигуры были не рѣдки. Такимъ былъ его прообразъ Пугачевъ, одинъ изъ первыхъ большевиковъ въ Россіи. Я Подтелкова никогда не видѣлъ, но люди, видѣвшіе его, находили у него сходство съ Пугачевымъ.

Казачество было всегда свободолюбиво, но старшее поколѣніе оставалось въ тоже время консервативнымъ, младшее же было пассивнымъ или въ разбойничьей психологіи большевизма искало чего-то, какой-то новой свободы, грабежа и насилія.

И вотъ съ этимъ-то грубѣйшимъ хамомъ радикальные донцы заставили свое правительство войти въ переговоры. Подтелковъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ и чуть ли не кричалъ на Донское перепуганное правительство. Столковаться съ нимъ ни о чемъ нельзя было и это путешествіе было излишнимъ путешествіемъ въ Каноссу Донскаго правительства.

Подтелковъ вернулся на свой большевитскій фронтъ съ ореоломъ. Казачеству и нашей арміи былъ нанесенъ тяжкій ударъ.

Мнѣ трудно объяснить ту психологію, которая царила тогда на Дону. Какъ можно было воевать съ большевиками, организовать борьбу съ ними и

въ тоже время мирно разговаривать съ ихъ представителями?

Только историкъ, который будетъ имѣть предъ собой перспективу многихъ событій, пойметъ этотъ феноменъ. Мое дѣло только указать на то, что „видѣли мои глаза“.

Но въ тоже время среди казачества, вѣрнаго старымъ традиціямъ вольнаго Дона, явился и другой человекъ — полная противоположность Подтелкову.

Это былъ молодой офицеръ, тогда еще подъесауль или есауль, Чернецовъ.

Если я могу сравнить невѣжественнаго и полуграмотнаго Подтелкова съ Пугачевымъ, то, оставаясь въ сферѣ историческихъ сравненій, мнѣ хочется Чернецова назвать казачьимъ Баярдомъ-рыцаремъ безъ страха и упрека.

Онъ былъ сухощавъ, небольшого роста. Мнѣ его разъ показали въ Донскомъ собраніи. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и говорилъ съ кучкой офицеровъ. Въ немъ не было и намека на позу, но мы знали, что за этимъ человекомъ люди идутъ на подвигъ и на смерть, какъ на праздникъ. Онъ стоялъ во главѣ отдѣльнаго партизанскаго отряда и подвиги его становились легендами. Какъ летучій голландецъ, онъ появлялся передъ осмѣлѣвшими большевиками и, защищая столицу Дона — Новочеркасскъ, наносилъ имъ страшные удары. Ему, какъ герою древности, безразлично было, сколько было враговъ, онъ спрашивалъ только, гдѣ они?

Когда-нибудь казачій лѣтописецъ напишетъ монографію этого героя изъ героевъ казачества и Россіи, когда-нибудь мы увидимъ ему памятникъ и поклонимся ему. Къ сожалѣнію, демагогія и соглашательство на почвѣ отдѣльныхъ интересовъ каза-

чества не могли не коснуться казачьяго офицерства, и оно очень неохотно шло на борьбу. Въ то время, когда Чернецовъ и нѣкоторые другіе начальники партизанскихъ отрядовъ (среди которыхъ нельзя забыть Краснянскаго, убитаго во время перваго похода) пополняли свои, все время убывающіе, ряды мальчишками, молодыми офицерами, юнкерами, кадетами, гимназистами, студентами, офицерство, въ большинствѣ собравшееся въ Новочеркасскѣ — въ Черкасскѣ (какъ его называютъ казаки), — не двигалось съ мѣста.

Какъ-то разъ въ Донскомъ собраніи, незадолго до своей смерти, Чернецовъ сказалъ собравшимся вокругъ него офицерамъ:

„Если меня убьютъ большевики, я пойму, за что они меня убиваютъ, но вы-то, вы, когда васъ поведутъ на смерть, поймете ли вы, за что вы погибаете?“

Но то, что называютъ французы l'abattement, было слишкомъ сильно. Революція, сорвавшая съ офицеровъ погоны, заплывавшая лучшихъ офицеровъ, поставившая во главѣ армій жалкаго паяца Керенскаго, убила духъ многихъ и многихъ.

Чернецовъ палъ жертвой „соглашательства“, которое проповѣдывали Донскіе демагоги во главѣ съ Агѣевымъ, противъ которыхъ недостаточно сильны были Калединъ и Митрофанъ Богаевскій.

Во время одного изъ своихъ рейдовъ, онъ встрѣтился съ донской большевитской частью. Кѣмъ-то когда-то было рѣшено, что донцы не должны были убивать донцовъ. Положеніе маленькаго окруженнаго отряда Чернецова было тяжелое. Отряду грозила гибель. Во главѣ большевиковъ былъ Подтелковъ.

Баярдъ встрѣтился съ Пугачевымъ.

Чернецовъ не хотѣлъ проливать кровь своихъ и онъ повелъ переговоры. Ему была гарантирована полная неприкосновенность и онъ смѣло прѣхалъ въ станъ враговъ.

Подтелковъ принялъ его по своему любезно и обѣщаль, что партизаны не пострадаютъ и предложили ему проѣхать въ сосѣдную станицу.

По дорогѣ Подтелковъ и Чернецовъ ѣхали верхомъ рядомъ. Неожиданно для Чернецова, Подтелковъ выхватилъ шашку и нанесъ со страшной силой ударъ по головѣ Донскому герою.

Жизнь его, этого чистаго рыцаря Россіи и казачества, кончилась. Его правдивость, его честность, его доблесть не допускали измѣны.

Чернецова не только зарубили, но какъ говорили, ему отрубили голову казаки. Этотъ ужасъ, этотъ позоръ навсегда останется на казачествѣ, не остановившимся передъ измѣнническимъ убійствомъ своего удивительнаго героя.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда Донъ вновь сбросилъ иго большевизма, въ Новочеркасскѣ торжественно хоронили Чернецова. Приблизительно около того же времени Подтелковъ*), взятый въ плѣнъ, былъ повѣшенъ въ своей же станицѣ.

Гдѣ теперь ихъ могилы?

Могила героя, вѣроятно, въ лучшемъ случаѣ, забыта, могила предателя возвеличена.

Такова судьба героевъ гражданской войны въ Россіи.

* * *

*) Передъ смертью Подтелковъ каялся, причастился и просилъ прощенья у стариковъ своей станицы.

Вотъ въ такой атмосферѣ измѣны, искаженій борьбы, ненависти къ „чуждой“ арміи приходилось жить Каледину.

За очень короткое время до своей смерти онъ обратился къ казачьему офицерству съ такимъ призывомъ, отъ котораго вѣяло смертью. Онъ — Атаманъ, глава всего вооруженнаго казачества въ „послѣдній разъ“ просилъ офицерство взяться за оружіе.

Корниловъ, командуя Добровольческой Арміей, требовалъ мобилизаціи и энергичныхъ мѣръ для проведенія ея, а социалисты соглашатели настаивали на изгнаніи добровольческой арміи. Казачьи части разсыпались. Смерть Чернецова, жертвы этого соглашательства, только усилила разладъ среди казачества. Одни говорили: „вотъ до чего довела насъ политика Каледина и Чернецова“, другіе — „только казачество, предоставленное самому себѣ, сумѣетъ отстоять свои права.“

„Свои права?“ Только бы не говорить о Россіи!

Калединъ все это чувствовалъ и переживалъ. 30 января со свойственной ему импульсивностью, Корниловъ изъ Ростова заявилъ Каледину, что онъ больше безъ поддержки казачества держать громадный Ростовскій фронтъ не можетъ и начнетъ грузить войска на югъ — на Кубань. Въ тотъ же день во время засѣданія правительства, кто-то, до сихъ поръ оставшійся неизвѣстнымъ*), передалъ Атаману, что послѣднія казачьи части, защищающія Новочеркасскъ съ востока, ушли съ фронта и что черезъ

*) Я жилъ въ Новочеркасскѣ до похода (12 февраля 1917 г.) и послѣ, т. е. съ мая по декабрь 1918 г., и такъ и не могъ выяснить, кто былъ этотъ негодий.

часа два или три войдутъ большевики. Въ самомъ Новочеркасскѣ не было организованныхъ силъ.

Калединъ, подъ угрозой ухода Корниловской арміи, которой онъ не могъ помочь, и передъ ужасомъ безславной гибели принялъ рѣшеніе.

Онъ заявилъ своимъ министрамъ, что онъ отказывается отъ Атаманства и предлагаетъ имъ передать полномочія общественнымъ организаціямъ, чтобы спасти населеніе столицы Дона отъ большевитской расправы.

Онъ былъ очень спокоенъ и рѣшителенъ. Никто не смѣлъ спорить съ нимъ. Его отставка была принята съ ужасомъ, но безъ возраженій.

Онъ прошелъ къ своей женѣ, которую онъ такъ любилъ, этой милой, тихой женщинѣ, которая никогда не интересовалась политикой, не понимавшей ее, думавшей только о мужѣ и вѣчно молившейся о томъ, чтобы онъ не погибъ.

Калединъ подошелъ къ ней, ни слова не говоря поцѣловалъ ее и прошелъ въ свой кабинетъ. Здѣсь онъ снялъ китель, легъ на диванъ и выстрѣломъ въ сердце покончилъ съ собой.

Когда его жена вбѣжала къ нему, его гордая душа уже отлетѣла.

Въ этотъ день я былъ въ Ростовѣ. Вечеромъ ко мнѣ позвонилъ журналистъ Кельничъ и подтвердилъ мнѣ извѣстіе о смерти Каледина. Впечатлѣніе было такое, будто земля подъ ногами проваливается.

Чернецовъ, Калединъ, уходъ Арміи! Куда мы идемъ?

Сколько разъ впоследствии задавалъ я себѣ этотъ вопросъ? Сколько горькихъ разочарованій пережили мы съ тѣхъ поръ?

* * *

Но Армія не ушла. Каледина торжественно похоронили въ Новочеркасскомъ соборѣ. Собрался кругъ для выбора новаго Атамана.

Я вновь переѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Въ этой главѣ я хочу отойти отъ хронологіи и рассказать вамъ, какъ стремительно разыгрывалась трагедія Дона.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Каледина я шелъ съ моимъ другомъ докторомъ Э. по направленію къ Платовской улицѣ. Передъ нами проходила какая-то блестящая конная военная часть.

Стройными рядами ѣхали казаки на хорошихъ лошадяхъ. Впереди сотенъ ѣхали офицеры. Это не могли быть партизаны. ихъ было слишкомъ много. Но что меня поразило, такъ это то, что вмѣстѣ съ обозомъ ѣхала коляска, въ которой сидѣлъ денщикъ съ самоваромъ — старый денщикъ, въ старой коляскѣ командира полка!

Что это — привидѣніе?

Нѣтъ, это было одно изъ чудесъ русской революціи и казачьяго духа. Шестой Донской полкъ въ полномъ составѣ съ оружіемъ съ Румынскаго фронта, высадившійся гдѣ-то за 200 верестъ отъ насъ съ поѣзда, въ конномъ строю сквозь большевитскій строй пришелъ въ столицу Дона.

Вновь загорѣлись надежды, вновь таинственная судьба заиграла передъ нами новыми огнями. Въ Новочеркасскѣ была радость. На другой день былъ сдѣланъ парадъ доблестному полку. Новый Атаманъ ген. Назаровъ, походный Атаманъ ген. Поповъ, предсѣдатель круга бывшій Атаманъ полк. Волошиновъ, всѣ члены круга и весь Новочеркасскъ привѣтствовали этихъ героевъ. Имъ обѣщаны были награды и отдыхъ!

Это-то и погубило все. За отдыхомъ пошло разложение. Теплая хата, жена подь бокомъ, которую давно не видѣль, заполнили все міросозерцаніе усталыхъ людей и въ два дня полка не стало.

9 февраля Армія Корнилова ушла изъ Ростова. 12 февраля въ Новочеркасскъ вошли большевики.

* * *

Войсковой Кругъ не расходился и, рѣшившись не оказывать сопротивленія большевикамъ, попробовалъ вновь пойти на соглашеніе. Засѣданіе шло за засѣданіемъ, рѣшенія и необычайно демократическія и патріотическія сыпались какъ изъ рога изобилія.

Ухода Арміи изъ Ростова никто не ожидалъ и я случайно остался въ Новочеркасскѣ.

12 февраля я заночевалъ у одного пріятели. Вечеромъ уже не полагалось ходить по улицамъ. Утромъ при выходѣ изъ гостиницы я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ.

„Вы знаете, Голубовъ уже въ 10 верстахъ отъ Новочеркасска.“

Голубовъ былъ казачьимъ офицеромъ, старымъ кадровымъ, который бросился въ большевизмъ въ поискахъ „Наполеоновскаго“ счастья. Онъ считалъ себя когда-то, кѣмъ-то обиженнымъ и теперь ждалъ своего успѣха.

Я поспѣшилъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ нашель представителя нашей Арміи при войсковомъ Кругѣ ген. Складовскаго, мирно пьющаго кофе.

„Ваше Превосходительство, знаете ли вы, что большевики подходятъ къ Новочеркаску?“

„Не можетъ этого быть“, отвѣтилъ онъ, но все-таки сейчасъ же пошелъ въ штабъ узнавать.

Въ гостиницѣ чувствовалось уже начало паники, хотя официально слухъ не подтверждался.

Я пошелъ на всякій случай укладываться. Всѣ мои вещи остались въ Ростовѣ, куда я думалъ вернуться, такъ что укладка моя не заняла много времени. Во время этого часа мнѣ позвонилъ встревоженный Аладьинъ (членъ первой Думы), уговаривая меня немедленно уѣзжать въ станицу Константиновскую. На лѣстницѣ я встрѣтилъ С. С. Щетинина въ высокихъ сапогахъ, кожаной курткѣ и съ винтовкой за плечами. Онъ подтвердилъ мнѣ извѣстіе о приближеніи большевиковъ и сообщилъ, что армія находится въ станицѣ Ольгинской, куда мнѣ слѣдуетъ немедленно выѣхать.

Наконецъ пришелъ ген. Складовскій, возмущенный тѣмъ, что Донецкой штабъ уже бросилъ Новочеркасскъ. Мы стали искать извозчика, чтобы добраться до Старо-Черкасской станицы — старой столицы Дона и оттуда пробираться къ Ольгинской.

Второпяхъ пришлось сходить проститься съ друзьями. Было очень грустно и сердце сжималось отъ чувства неизвѣстности. Мы выѣхали съ ген. Складовскимъ только въ 6 часовъ вечера. Было темно, откуда-то слышались крики, были и отдѣльные выстрѣлы.

Толпа грабила юнкерское училище. Съ Новочеркасской горы мы спускались по Почтовому спуску къ желѣзной дорогѣ по прекрасному санному пути. Въ тоже самое время по Крещенскому спуску со старой аркой, поставленной когда-то въ честь приѣзда Государя, поднимались большевики-казаки.

Мы обогнали какую-то женщину, бѣжавшую

къ желѣзной дорогѣ. Увидѣвъ насъ, она погрозила намъ кулакомъ и прокричала:

„Догадались, проклятые!“

На путяхъ толпа грабила вагоны съ углемъ, нашъ извозчикъ провезъ насъ подъ мостомъ и мы выѣхали въ степь.

Было темно и туманно. Шелъ мокрый снѣгъ. Вдали раздавались выстрѣлы.

Въ бѣловатомъ туманѣ на ровной степи слѣва замаячили конныя фигуры. Мы переглянулись съ Складовскимъ и удобнѣе переложили револьверы.

„Кто ѣдетъ?“ окрикнули насъ.

„Свой“ отвѣтили нестройно мы.

Черезъ мгновение изъ тумана неожиданно выскочило нѣсколько конныхъ и окружили насъ.

„Кто такіе?“

Скрываться было нельзя, разобраться въ этихъ людяхъ изъ тумана было трудно и мы назвали себя. Сердце было не на мѣстѣ.

Мы сидѣли въ саняхъ, на колѣняхъ у насъ лежалъ чемоданъ, защищаться не было возможности.

Но тутъ мы услышали торопливый вопросъ.

„Ваше Превосходительство, не знаете-ли гдѣ Атаманъ? Какъ пріятно было услышать это „Ваше Превосходительство!“

Мы знали только, что Атаманъ долженъ былъ выѣхать.

Впослѣдствіи оказалось, что Атаманъ Назаровъ рѣшилъ остаться въ Новочеркасскѣ и раздѣлить участь войскового Круга.

Въ 6 часовъ вечера во время засѣданія въ Кругъ ворвались большевитскіе казаки во главѣ съ измѣнникомъ Голубовымъ. Онъ былъ въ папахѣ и съ ногойкой въ рукахъ.

„Это что за сволочь?“ закричалъ онъ, ударивъ по пюпитру председателя. „Встать“.

Все встали, кромѣ Атамана и Волошинова.

Со страшной руганью Голубовъ приказалъ вывести выборнаго Атамана. На другой день его убили. Ту же участь раздѣлилъ председатель Круга полк. Волошиновъ. Его не сразу добились и бросили полуживого на окраинѣ города. Придя въ себя, истекая кровью, онъ нашелъ въ себѣ силы доползти до первой хижины и умолялъ впустить къ себѣ.

Хозяйка сбѣгала за большевиками, донесла и его добились.

Митрофанъ Петровичъ Богаевскій не присутствовалъ на этомъ засѣданіи, нѣкоторое время скрывался; но былъ въ концѣ-концовъ арестованъ, посаженъ въ Ростовскую тюрьму и холоднымъ весеннимъ утромъ, несмотря на завѣреніе Голубова, что его не тронуть, былъ разстрѣлянъ въ Нахичеванской рошѣ.

Десятки, а можетъ быть и сотни раненыхъ офицеровъ, которыхъ не успѣли вывезти, были безжалостно перебиты.

Самъ Голубовъ не избѣгъ суда. Во время весенняго 1918 года возстанія казачества онъ выступилъ на митингѣ въ одной станицѣ. Сзади него оказался молодой студентъ, братъ разстрѣляннаго Голубовымъ офицера. Онъ спокойно прицѣлился и въ затылокъ убилъ его наповаль.

* * *

Но тогда мы съ ген. Складовскимъ ничего не знали. Мы были въ безопасности и я разсмѣялся. Думали-ли Вы Ваше Превосходительство, когда

нибудь кататься зимой въ степи съ редакторомъ „Вечерняго Времени?“, спросилъ я его.

Мы ѣхали, обгоняя вѣрныя части Донцовъ, ухившихъ въ Старо-Черкасскую станицу, гдѣ ихъ собралъ походный Атаманъ ген. Поповъ.

Поздно вечеромъ мы сидѣли у гостепріимнаго казака въ хорошей и богатой хатѣ. Нашъ хозяинъ угостилъ насъ и уложилъ спать. Почему-то на стѣнкахъ висѣли двѣ прекрасныя раскрашенныя французскія гравюры времяя царствованія Александра II, съ изображеніемъ русской церкви въ Парижѣ на rue Dauph.

На другой день 13 февраля я, переправившись съ большимъ трудомъ черезъ Донъ, ледъ на которомъ уже былъ слабымъ, пріѣхалъ въ станицу Ольгинскую.

Здѣсь начался для меня незабываемый первый Кубанскій походъ. 14 февраля мы ушли на Кубань. Черезъ два дня мой спутникъ, ген. Складовскій, избравшій другой путь, думавшій пробраться въ Россію, былъ убитъ въ станицѣ Великокняжеской и трупъ его былъ найденъ въ колодцѣ вмѣстѣ съ другимъ обезображеннымъ трупомъ.

Такъ какъ мы выѣхали вмѣстѣ, мои друзья, оставшіеся на Дону, считали, что съ нимъ убитъ и я. Черезъ нѣкоторое время въ большевитской печати появилось сообщеніе о моей смерти.

* * *

Все это я узналъ много позднѣе. Тогда я объ этомъ не думалъ. Передо мной былъ какой-то таинственный походъ въ неизвѣстность, жуткую, но манящую. Никто изъ насъ не представлялъ себѣ

тогда въ эти лихорадочные дни, что можетъ предсто-
ять намъ. Вѣра въ вождей не оставляла мѣста сомнѣ-
нiямъ. Мы знали, что они ведутъ насъ за призра-
комъ Родины, мы вѣрили въ нее и въ побѣду и съ
ними все жизненные вопросы упрощались до послѣд-
ней степени, и не слышно было ни одного пессимисти-
ческаго шюота, какъ будто побѣда и за ней Родина
были намъ обезпечены.

IV.

ЗА РОДИНОЮ.

13-го февраля я очутился въ Ольгинской. На другой день армія уходила на югъ по „соляному шляху“, по которому когда-то чумаки возили соль съ побережья Каспійскаго моря въ Россію. Утромъ 14-го мы ушли. Я былъ зачисленъ безъ особой должности въ штабъ ген. Алексѣева.

Первые переходы были не такъ тяжелы.

Я былъ на той войнѣ, но засталъ ее уже на положеніи позиціонной. Наше короткое Рижское наступленіе въ декабрь 1916 года и январь 1917 года носило, къ сожалѣнію, исключительно эпизодическій характеръ, а послѣ него, съ революціей, мы просто жили въ болѣе или менѣе неудобной обстановкѣ. Но каждый изъ насъ зналъ, что гдѣ-то за тобой есть тылъ, есть почта, есть связь со своимъ домомъ, съ тѣмъ, что тебѣ дорого.

Тутъ-же я начиналъ новую невиданную кампанію.

Мы шли оцунью среди большевительскаго океана, какъ блуждающій островъ, несущій съ собою таинственную прекрасную вѣру въ родину. Кругомъ насъ, если не были враги, были равнодушные люди. Мы шли на Кубань безъ развѣдки, безъ увѣрен-

ности найти друзей и везли за собой громадный обозъ, который, впоследствии, растянулся на десять верстъ.

Армія, а за ней и часть невооруженнаго населенія, больные и раненые, негодные къ строю люди, женщины потянулись неожиданно 9-го февраля поздно вечеромъ изъ Ростова черезъ Нахичевань къ Аксайской станицѣ.

Держаться въ большомъ городѣ съ большевитски-настроеннымъ рабочимъ населеніемъ, съ казачествомъ, неспособнымъ къ борьбѣ, нельзя было, и Корниловъ рѣшилъ двинуться на Кубань, гдѣ, какъ предполагали, ген. Эрдели долженъ былъ формировать войска. Екатеринодаръ еще держался и думали, что мы успѣемъ прійти во время на соединеніе съ кубанцами.

10-го февраля наша армія переправилась черезъ Донъ, перевезла свои 8 пушекъ и остановилась въ Ольгинскій станицѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дона.

Утромъ 14-го февраля, послѣ того, какъ Корниловъ и Алексѣевъ не могли сговориться съ казаками походнаго атамана Попова, который направился въ Сальскія степи, мы двинулись въ путь прямо на югъ.

Странную картину представлялъ нашъ походъ. Впереди и сзади воинскія части, а посерединѣ, безконечныя повозки вовсе не воинственнаго вида. Все это двигалось первое время вполне благополучно, если не считать одной глупой паники, все-таки стоившей намъ много цѣннаго груза, который интенданты поспѣшили бросить.

Самое тяжелое за весь этотъ переходъ, который окончился для насъ возвращеніемъ на Донъ 21 апрѣ-

ли, было чувство совершенной неизвестности. Да и вернувшись въ Донскія станицы и узнавъ, что пѣмцы въ Ростовѣ, мы опять не знали, куда мы поидемъ, такъ какъ мы знали только то, что къ пѣмцамъ мы не поидемъ. Просматривая на дняхъ свои записныя книжки отъ конца похода, я нахожу краткя указанія и вспоминаю, что одни думали, что мы будемъ уходить на Волгу и въ Сибирь, другіе мечтали пробраться по одиночкѣ на сѣверъ Россіи. Неизвѣстность угнетала насъ отъ самаго начала похода...

Я не былъ въ строю. Шагая безчисленныя версты по безконечной стени, отвратительной по своему сѣрому весеннему однообразію, по грязи, или утромъ или ночью, по промерзшей неровной скользкой землѣ, дѣлая переходы иногда больше чѣмъ въ 50 верстъ, я, вооруженный журналистъ, думалъ много о томъ, зачѣмъ и куда мы идемъ. Единственный отвѣтъ былъ — за Родиною. Она, эта мечта, потерянная нами, за которой мы гонялись эти тяжкіе три года, и завела насъ теперь на чужбину. Тогда мы некали ее въ Донскихъ и Кубанскихъ стѣняхъ.

* * *

Обыкновенно мы дѣлали не особенно большіе переходы, отъ 20 до 30 верстъ въ день. Шли первое время не торопясь, сберегая лошадей, которымъ тяжело давалась эта стенная грязь ранней и холодной весны. Что это была за грязь!

Я скоро сталъ разбираться въ ней. Легче всего было идти по лужамъ; ужасна была скользкая, липкая грязь, по которой скользила нога, задерживая воблудъ; была еще грязь густая, засасывающая.

Сколько лошадей потеряли мы на этихъ переходахъ отъ этой грязи? Сколько видѣлъ я прекрасныхъ скорбныхъ лошадиныхъ глазъ, ожидавшихъ неминуемой мучительной гибели?

Какъ-то разъ на Кубани мы вышли съ сестрой Татьяной Энгельгардтъ. Я еще остановлюсь на этихъ удивительныхъ русскихъ дѣвушкахъ-геронняхъ, незамѣтныхъ, скромныхъ и удивительныхъ въ своемъ чистомъ великомъ порывѣ къ Родинѣ. Теперь я хочу разсказать незначительный эпизодъ, указывающій, въ какихъ условіяхъ приходилось намъ передвигаться.

Энгельгардтъ шла впереди, выбирая мѣста посуше, но вотъ она оступилась и ея сапогъ (она шла въ высокихъ сапогахъ) завязъ. Всѣ успія вытащить ногу съ сапогомъ не приводили ни къ чему. Пришлось ей постоять въ чулкѣ у забора, пока я вытаскивалъ сапогъ. Но и это было не легко. Онъ трещалъ и грязь все больше засасывала его. Мнѣ пришлось разрыть руками грязь и только тогда поднести эту пзящую обувь моей милой спутницѣ.

Вечеромъ мы приходили въ какую-нибудь станицу усталые, грязные, озлобленные отъ усталости, и голодные. Почти всегда доставало напирось и табаку; часто не было сахара; ѣли въ общемъ сытно, питаясь борщемъ, который съ тѣхъ поръ мнѣ надоѣлъ такъ, что я его видѣть не могу, хлѣбомъ и саломъ.

Самое тяжелое были ночные переходы.

Какъ-то разъ ген. Корниловъ узналъ, что большевики готовятъ намъ встрѣчу на большой дорогѣ. Намъ предстояло впервые пересѣчь желѣзную дорогу, гдѣ у большевиковъ были броневые поѣзда. Къ вечеру, вмѣсто того, чтобы слѣдовать тѣмъ путемъ,

который был намѣченъ. мы неожиданно повернули въ сторону.

Куда мы шли, мы конечно не знали. За день мы уже прошли версть 20 и ожидали остановиться на отдыхъ.

Это былъ мой первый ночной походъ. Было очень холодно и темно. Ноги скользили по разрытой землѣ. Мы то шли, то останавливались. Холодъ и сырость пробирались черезъ мое платье. Ноги отказывались передвигаться, глаза слипались; съ какимъ-то отчаяніемъ ожидалъ я утра, точно оно должно было принести что-нибудь новое, кромѣ новыхъ версть по этой безконечной степи.

Ночью мы остановились въ хуторѣ Упорномъ на самое короткое время. Гдѣ-то свѣтился огонекъ и я пробрался въ хату, переполненную солдатами и офицерами. Было тамъ душно и накурено, но было тепло и можно было спать. Это уже былъ идеаль.

Черезъ мгновеніе я спалъ, какъ убитый, но черезъ нѣсколько минутъ, или секундъ (кто это знаетъ?), кто-то крикнулъ, что надо идти. Одно мгновеніе было желаніе задержаться — обозъ былъ длинный, но страхъ заснуть и проснуться однимъ заставилъ вновь идти и мерзнуть. У какой-то повозки знакомый офицеръ далъ мнѣ хорошій глотокъ водки и откуда-то вытащилъ грязную, узкую куртку, которую я съ трудомъ напялилъ на себя. Стало уже теплѣе. Но только на время, и вновь сталъ овладѣвать сонъ, и вновь темнота и усталость слипали глаза . . .

Когда взошло уже солнце, мы подходили къ желѣзной дорогѣ и всѣ, кого не обгонялъ я или встрѣчалъ, всѣ смѣялись надъ моимъ видомъ. По странной случайности я вышелъ изъ Новочеркасска

одѣтымъ совершенно неподходяще для этого похода. Я былъ въ мягкомъ автомобильномъ съ наушниками кэпи, въ непромокаемомъ burberry, въ желтыхъ крагахъ и сапогахъ. Какъ это не странно, все это я вывезъ изъ Парижа еще до войны въ 1914 году.

А тутъ еще короткая куртка, не то кацавейка, узкая и смѣшная поверхъ пальто. Получалось что-то юмористическое и схожее съ громадной странной вооруженной женщиной. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что *je n'arais pas l'air martial*.

Могъ ли я думать, покупая эти вещи на парижскихъ бульварахъ, что я буду прогуливать ихъ по кубанскимъ степямъ!

Утромъ, мы блестяще обманули большевиковъ и, нигдѣ не останавливаясь, прошли, почти у носа запоздавшихъ бронепоездовъ, черезъ желѣзную дорогу и къ вечеру выбрались изъ окруженія, не потерявъ ни одного раненаго, ни одной повозки и подбивъ одинъ изъ поездовъ, который въ облакѣ дыма быстро скрылся.

Ген. Корниловъ рѣшилъ избѣгать боя до соединенія съ кубанской группой, котораго мы добились, къ сожалѣнiю, гораздо позднѣе. Всѣ столкновенія съ большевиками до самаго Екатеринодара, несмотря на ихъ громадное численное превосходство и громоздкость нашего обоза, оканчивались для нихъ плачевно. Впервые они попробовали насъ задержать у границы Дона и Ставропольской губернии, но результатъ для нихъ былъ ужасенъ. Наши потери были 1 убитый (случайнымъ попаданiемъ) и человекъ 20 раненыхъ, всѣ въ офицерской ротѣ Кутепова, котораго не взлюбилъ начальникъ штаба ген. Романовскiй, впоследствии убитый въ Константинополь, и не хотѣлъ передать болѣе отвѣт-

ственной должности. Большевики, совершенно не умѣвшіе пользоваться своей артиллеріей, почти безъ офицеровъ, брошенные своими комиссарами и начальствомъ, потеряли болѣе 500 человекъ.

Въ этомъ селѣ — Лежанкѣ, я впервые увидѣлъ весь ужасъ братоубійственной, безошадной войны. Въ началѣ боя, когда впервые я увидѣлъ разрывы большевительской артиллеріи, когда я представилъ себѣ, что тамъ, на той сторонѣ рѣчки, въ веселомъ освѣщенномъ солнцемъ селѣ, съ поднимающимися къ небу колокольнями православныхъ храмовъ, засѣли каіе-то озвѣрѣлые люди, мечтающіе о нашемъ истребленіи, сдѣлалось какъ-то жутко на душѣ.

За что, думалось мнѣ? За то, что мы не идемъ за продажнымъ большевикомъ Ленинымъ, за евреемъ Бронштейномъ, за то, что мы хотимъ увидѣть вновь свою Родину великой и счастливой?

Эти трупы русскихъ людей, разбросанные по улицамъ большого села, все это было кошмарно. Страшный призракъ гражданской войны, съ которой мнѣ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу, подѣйствовало тягостно на меня. Потомъ мнѣ пришлось видѣть много, много крови, но такъ устроены человѣческій механизмъ, что сильнѣе привычки нѣтъ ничего на свѣтѣ, и даже ужасы гражданской войны не производили впечатлѣнія на привыкшіе нервы.

* * *

Слѣдующее, серьезное на этотъ разъ и ожесточенное сопротивление большевики оказали подъ Корневской станціей. Здѣсь наша маленькая армія имѣла передъ собой не сбродъ, какъ въ Лежанкѣ. Здѣсь впервые наши части понесли серьезныя потери.

Самое тяжелое для командования были наши раненые. Ихъ приходилось возить съ собой по ужаснымъ дорогамъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, почти безъ организованной помощи.

Оставлять раненыхъ нельзя было, это значило обрекать ихъ на вѣрную и мучительную гибель. Такъ было съ ранеными, оставленными при отходѣ изъ Новочеркасска и Ростова, гдѣ большевительская прислуга госпиталей, до сидѣлокъ включительно, съ необычайными надругательствами перебила всѣхъ раненыхъ. Та же участь постигла раненыхъ и сестеръ милосердія, оставленныхъ подѣ Екваторинодаромъ.

Какъ страдали наши раненые и больные, какія мученія имъ приходилось переносить въ этихъ тряскихъ повозкахъ, безъ ухода, безъ хорошихъ перевязокъ, безъ серьезной медицинской помощи.

Одинъ разъ ночью, на одномъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ по страшной грязи, почти безъ дороги, по разлившимся ручьямъ, я шелъ за обозомъ съ ранеными. Впередѣ везли молодого юнкера. Онъ не былъ тяжело раненъ, но у него уже началось зараженіе крови. Объ операциіи думать было нечего. Всею ночью онъ кричалъ отъ боли. Отъ его крика некуда было уйти и кажется мнѣ эта страшная ночь, кустарникъ, кругомъ вода, кочки, выбившіяся изъ сѣль лошади и слышится этотъ страшный непрерывный крикъ. Утромъ онъ скончался.

Въ другой разъ я обогналъ раненаго въ повозкѣ: сверху шинели, покрывавшей его, лежалъ револьверъ, какъ онъ объяснилъ для того, чтобы застрѣлить возницу, если онъ замѣтитъ, что онъ хочетъ его бросить и самому застрѣлиться.

Какъ бы не были тяжелы страданія во всякой

войнѣ, въ войнѣ противъ потерявшихъ всякое представление о пошадѣ, въ братоубійственной рѣзнѣ, положеніе раненыхъ было безконечно болѣе тяжелое.

Тотъ медицинскій персоналъ, который посвятилъ себя уходу за ними, тѣ женщины сестры-милосердія, которыя должны были бессильно слѣдить за медленнымъ мучительнымъ умираніемъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, не будучи въ состояніи какъ-нибудь облегчить ихъ участь, достойны преклоненія.

Русская женщина на этомъ походѣ показала себя на удивительной высотѣ, во всемъ раздѣляя ужасныя условія этого длительного небывалаго подвига.

Какъ я уже говорилъ выше, ни одного, даже частичнаго, неуспѣха наша армія не потерпѣла до самаго Екатеринодара и на обратномъ пути на Донъ, но все эти побѣды или успѣхи не давали ощутительныхъ результатовъ.

Разбивъ врага подъ одной станицей, армія, привязанная къ своему обозу, безъ намека на базу, гдѣ она могла бы остановиться и хотя-бы отдохнуть, не могла преслѣдовать его и должна была, чаще всего безъ отдыха, двигаться все дальше впередъ, гдѣ она неминуемо должна была встрѣтить новыя, во много разъ сильнѣйшія, массы непріятели.

У большевиковъ были нескончаемые резервы, наша же армія могла увеличивать лишь свой обозъ раненныхъ и тѣмъ затруднять свое продвиженіе.

Нужно было необычайную смѣлость и увѣренность въ духѣ своихъ бойцовъ, чтобы совершить этотъ, ни съ чѣмъ несравнимый, походъ среди большевитакаго океана, и будущій военный историкъ, когда начнутъ изучать этотъ русскій Анабазисъ, не разъ преклонится передъ рѣшимостью, талантомъ, на-

ходчивостью вождей и непреодолимымъ духомъ маленькой арміи. бывшимъ сильнѣе всѣхъ разочарованій, которыя неумолимая судьба готовила намъ на каждомъ шагу.

А разочарованій было много.

Въ такомъ страшномъ походѣ, впрочемъ какъ и во всякой войнѣ, люди ждутъ что-то неожиданное и почти всегда спасительное. Отчаяніе, паника, это уже элементы, предшествующіе гибели. Напротивъ того, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ оптимистическія мечты необычайно расплываются, принимаютъ иногда совершенно гомерическія формы и достигаютъ чуть ли не увѣренности въ какой-то полной и неминуемой побѣдѣ, за которой мы всегда видѣли удивительный отдыхъ, благоденствіе, возвращеніе въ Москву и Петроградъ побѣдителями и спасителями Родины.

Не дай Богъ пессимисту, хотя бы и разумному (впрочемъ, мало бываетъ такихъ въ хорошей арміи), попробовать разувѣрять оптимистовъ въ ихъ мечтахъ. Онъ дѣлается ненавистнымъ, а такому человѣку въ походной обстановкѣ, особенно вродѣ нашей, гдѣ духъ поддерживается только особымъ чувствомъ единенія, гдѣ условія жизни и такъ страшно тяжелы, жизнь будетъ нестерпимой.

И чѣмъ выше возносились мы въ мечтахъ, тѣмъ круче было и рѣзче паденіе о землю.

Разочарованія начались съ извѣстія о томъ, что кубанскія войска очистили Екатеринодаръ и отошли въ горы за Кубань. Мы это узнали въ Кореневской, послѣ блестящей побѣды (тутъ былъ убитъ полк. Краснянскій), которая открывала намъ дорогу на соединеніе съ кубанцами, которыхъ мы ожидали встрѣтить черезъ два или три перехода.

Вмѣсто похода на обѣтованный Екатеринодаръ, мы круто повернули съ большой дороги на востокъ, пересѣкли желѣзную дорогу южнѣе ст. Станичной, и ночнымъ и дневнымъ переходомъ вышли къ слиянію Кубани и Лабы, къ Усть-Лабинской. За эти сутки мы прошли около 50 верстѣ. Около Усть-Лабинской наши войска, предводительствуемая генералами Марковымъ и Богаевскимъ (нынѣ Донскимъ атаманомъ — братомъ убитаго Митрофана Богаевского), подъ общимъ командованіемъ ген. Корнилова, сравнительно легко разогнали большевиковъ на желѣзной дорогѣ Екатеринодаръ — Армавиръ, пересѣкли ее, перешли черезъ Кубань и Лабу и вышли къ Некрасовской станицѣ.

Я останавливаюсь на этомъ, чтобы подчеркнуть, какія трудности приходилось преодолевать нашему командованію въ этомъ походѣ. Несмотря на громадное превосходство силъ непріятели, на его бронепоезда, на его артиллерию, несмотря на безконечный обозъ, ген. Корниловъ сумѣлъ вывести насъ за Кубань. За это время (съ 14-го февраля по 6 марта) мы прошли около 350 верстѣ по отвратительнымъ дорогамъ и пересѣкли четыре раза желѣзныя дороги, которыя всецѣло были въ рукахъ большевиковъ. Все это было сдѣлано безъ потерь плѣнными, безъ потерь въ артиллеріи и въ обозѣ, при самыхъ незначительныхъ тратахъ въ снарядахъ и патронахъ.

Болѣе того, въ бояхъ подъ Лежанкой, Выселками и Кореневской (особенно въ этой послѣдней) и въ Усть-Лабинской наша армія пополнила свои крошечные запасы, съ которыми она могла выйти изъ Ростова.

За Кубанью и Лабой мы входили, какъ мы предполагали, въ сферу дѣятельности Кубанской арміи.

Тутъ уже начиналась очень пересѣченная мѣстность, здѣсь начинались отроги кавказскихъ горъ.

Никогда не забуду я, какъ мы уходили изъ Некрасовской. Эта станція стоитъ на высокомъ холмѣ, надъ которымъ возвышается прекрасный храмъ, видный изъ очень далека. Подъ нашими ногами, десятками весеннихъ рукавовъ, пробѣгала разлившаяся рѣчка; на много верстъ шла долина, а вдаль, на горизонтѣ, этимъ яснымъ солнечнымъ утромъ были видны туманныя снѣжныя горы кавказскаго хребта.

У крутого спуска, освѣщенный солнцемъ, стоялъ нашъ старый вождь ген. Алексѣевъ и смотрѣлъ на переправу...

Какъ хотѣлось запечатлѣть эту удивительную яркую картину. Какъ жалѣлъ я, что со мной не было моего Кодака.

Объ „арміи Эрдели“ мы узнали, что она гдѣ-то въ горахъ и сражается съ большевиками. Приходилось искать ее оцупью.

На короткое время казалось, что мы ушли отъ непріятеля, но на другой уже день мы въ этомъ разувѣрились. Нашъ обозъ попалъ подъ сильный артиллерійскій обстрѣлъ и только ловкость маневра, да нерѣшительность красныхъ артиллеристовъ, спасли насъ отъ потерь.

Еще черезъ день нашимъ войскамъ пришлось выдержать довольно серьезный бой у переправы черезъ рѣчку Бѣлую, у деревни Филишовской. Дѣло въ томъ, что мы входили въ мѣстность, населенную вперемѣшку казаками, черкесами и иногороднимъ пришлымъ крестьянскимъ населеніемъ, которыхъ казаки всегда держали въ черномъ тѣлѣ. Послѣдніе отличались особой революціонностью и ненавистью

къ казакамъ, какъ къ своимъ угнетателямъ. Кромѣ того и тѣ и другіе не дружили съ черкесами. Хутора и села, какъ напримѣръ богатое Филипповское, были почти пусты. Населеніе перебѣжало къ большевикамъ, окружившимъ насъ, которые рассказывали всяческіе ужасы о насиліяхъ, якобы творимыхъ нашими войсками, и населеніе нерѣдко принимало самое дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Арміи. Казачье населеніе было запугано большевиками и было крайне нерѣшительно и часто враждебно, а несчастные черкесы, ненавидѣвшіе большевиковъ, потерпѣвшіе страшныя насилія отъ нихъ, въ цѣломъ рядѣ ауловъ совершенно покинули свои сакли и ушли съ женщинами, дѣтьми и скотомъ въ горы.

Я былъ въ одномъ изъ такихъ брошенныхъ ауловъ, въ Хабукаѣ. Это былъ первый аулъ, въ который входила армія. Уже одно названіе вводило насъ во что-то новое.

Вся эта мѣстность населена черкесами, противъ которыхъ строилъ еще укрѣпленія на Кубани великій Суворовъ. Всѣ названія здѣсь татарскія: Татлукай, Хабукай, Тактамукай, Шенджій, Понажукай, Панахесъ, Энемъ; рѣки тоже звучатъ для насъ странно: Кургу, Пхасъ, Псекупсъ, Дискъ, Афипися и др.

Казачество въ этой мѣстности отличается отъ болѣе сѣверныхъ отдѣловъ. Въ отличіе отъ такъ называемыхъ Черноморцевъ, основныхъ кубанскихъ казаковъ, происходящихъ отъ запорожцевъ, за Кубанью казаковъ называютъ линейцами. „Линія“ когда-то была линіей укрѣпленій, которая должна была сдерживать натискъ туземцевъ. Сюда переселяли не казаковъ, потомъ уже принятыхъ въ казачество, что видно и по названіямъ станицъ: Калужская, Самарская, Пензенская и др.

* * *

Я вошелъ въ Хабукай изъ Рязанской станицы черезъ прекрасную рощу. Въ началѣ аула, въ грязи, застрялъ автомобиль, который какимъ-то чудомъ добрался до этого мѣста. Мы занялись вытаскиваніемъ его изъ этой трясины, пока въѣзжавшій въ аулъ ген. Корниловъ не приказалъ бросить его и остался этотъ безсильный обломокъ культуры въ кубанской грязи.

Чистенькій бѣлый аулъ со скромной мечетью и наивнымъ минаретомъ былъ абсолютно пустъ.

Я никогда ничего подобнаго не видѣлъ. Ни въ одномъ домѣ не было даже привыкшей къ дому собаки. Мы ходили изъ одной сакли въ другую. Вездѣ было довольно чисто и совершенно пусто. Аулъ совершенно вымеръ. Послѣ измѣны Рязанскихъ казаковъ, большевики вырѣзали часть мужского населенія, а остальное ушло.

Было жутко ходить по этому, когда-то живому, кладбищу, пустому и молчаливому. На площади стояло какое-то странное, съ обрубленными вѣтвями, дерево, выкрашенное охрой, на которомъ была прибита серебрянная доска съ турецкими письменами.

Психологія каждаго воюющаго человѣка такова, что надо или же не надо, — онъ ищетъ чего-нибудь поѣсть. Здѣсь, изъ всѣхъ саклей выходили люди съ пустыми руками. Мы скоро ушли изъ этого пророческаго памятника большевизму — этой мерзости запустѣлой.

Условія нашей жизни были не легки, но здѣсь, въ этой дикой, вообще малонаселенной мѣстности, а тогда брошенной населеніемъ, они становились еще болѣе тяжелыми.

Мы точно не знали, куда мы идемъ. Случайно,

по моей страсти къ географическимъ картамъ, я имѣлъ нужныя карты, но онѣ мнѣ ничего не говорили.

Мы уходили на югъ и медленно двигались параллельно теченію Кубани на западъ.

Какъ то разъ, поздно вечеромъ, гдѣ-то въ горахъ заблестѣли зарницы и изрѣдка раздавался очень отдаленный громъ. Я шелъ въ долину съ артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ остановился и сказалъ: — „А вѣдь знаете, это артиллерія“.

Мы стали прислушиваться и приглядываться.

Знаете ли вы, мои читатели, то удивительное щекотное чувство неизвѣстности, ночью, когда вы идете по совершенно незнакомой никому мѣстности, когда вы ничѣмъ не гарантированы отъ нападенія и жестокой смерти, когда вы ждете сліянія съ новой силой, которую фантазія заставляла расти до необычайныхъ размѣровъ.

Таинственная кубанская армія, которую мы хотѣли считать тысячами, была гдѣ-то около насъ и дралась съ врагомъ.

— „А далеко ли отъ огня, спросилъ я.“

— „Верстъ съ двадцать, отвѣчалъ офицеръ, хотя въ горахъ трудноѣе разбираться.“

Шагая вдоль обоза, я встрѣтилъ адъютанта ген. Алексѣева, нашего милаго ротмистра Шапрона. Я ему повѣдалъ разговоръ съ офицеромъ.

— „Пойдемъ къ генералу, сказалъ онъ, и расскажемъ ему.“

Среди телѣгъ, на простой линейкѣ, управляемой австрійскимъ военноплѣннымъ, богатымъ когда-то молодымъ человѣкомъ, интеллигентнымъ и очень воспитаннымъ, понавшимъ случайно въ кучера къ ген. Алексѣеву на походѣ, ѣхалъ нашъ старикъ, покрытый не то одѣяломъ, не то попоной.

Жестокая болѣзнь почекъ требовала спокойствія и комфорта, но ничего не могло заставить его измѣнить образъ передвиженія. Сзади его линейки ѣхала линейка нашей милой Н. П. Щетининой, которая являлась хранительницей нашего стараго воевды.

Кругомъ были горы и молчаніе. На узкой линіи дороги двигался и тарактѣль нашъ обозъ. Какіе то люди проносились верхомъ иногда мимо насъ. Стоянка еше была не близко.

Шапронъ подвелъ меня къ линейкѣ генерала. — „Ваше превосходительство, Сувороннѣ слышалъ выстрѣлы и видѣлъ свѣтъ отъ разрывовъ, не можетъ ли это быть армія Эрдели“?

Изъ подъ попоны выглянули очки генерала. — „Глупости, сердито сказалъ онъ, это ген. Марковъ наступаетъ на правомъ флангѣ.“

И вновь закрылось одѣяло или попона, а я остался разносчикомъ ложныхъ извѣстій.

* * *

Въ другой разъ, шагая по перелѣскамъ свѣтлымъ мартовскимъ днемъ, среди проклятаго кубанскаго дубняка, ничего общаго не имѣющаго съ нашимъ дубомъ, я измотался въ борьбѣ съ нимъ.

Вы не знаете, что это за существо выродившійся дубнякъ. Онъ почти ползетъ по землѣ и хватается васъ за ноги. Онъ крѣпокъ и силенъ, какъ его дѣды, старые дубы, но онъ стелется по землѣ и подлѣ. Такъ бывають у великаго крѣпкаго человѣка несчастные потомки, жалкіе, подлые, но которымъ судьба оставила отъ предковъ ихъ крѣпость и силу, но не къ движенію ввысь, а въ подлѣюмъ ползаніи

по землѣ. Вотъ эти, точно живые, крѣпкіе сучья хватали васъ, держали ваши утомленные ноги, валили съ ногъ слабыхъ и усталыхъ и назывались дубомъ.

Быль случай, когда я, измученный переходомъ, раздраженный этой борьбой съ этимъ новымъ врагомъ, остановился и сталъ въ изступленіи колотить палкой по извилистой вѣткѣ, чуть не свалившей меня. Надо мной тогда смѣялись, а я до сихъ поръ чувствую эту злобу противъ этого нѣмого гнуснаго врага.

Мимо меня, не торопясь, проѣзжалъ Корниловъ со своей свитой. Онъ перевелъ своего прекраснаго донскаго коня на шагъ и весело, что рѣдко бывало съ нимъ, поздоровался со мной.

— „Ну что, думали-ли вы, редакторъ, сказалъ онъ, гулять пѣшкомъ по Кубани? Посмотрите направо, съ горы, — видна уже Пашковская (станция въ десяти верстахъ отъ Екатеринодара). Скоро тамъ будемъ!“

Онъ былъ веселъ и доволенъ. Его монгольское лицо свѣтилось побѣдой и его свита, эти кое-какъ одѣтые офицеры, этотъ солдатъ съ трехцвѣтнымъ значкомъ и неподвижнымъ, какъ полагается знаменосцу, каменнымъ лицомъ, казались мнѣ небожителями, встрѣча съ ними счастьемъ, его слова откровеніемъ.

Я обращаюсь къ людямъ, дѣлавшимъ войну.

Помните ли вы то впечатлѣніе, когда мимо васъ, шагающаго съ вашей убогой винтовкой, проѣзжаетъ вождь и его свита, которымъ вы даете дорогу. Одно то, что онъ смотритъ на васъ сверху внизъ, съ высоты своего коня, и что вы молитвенно смотрите на него

снизу вверхъ. — какъ это все просто выражаетъ все, что нужно для войны — вождя и солдата.

Я даже не былъ солдатомъ, но его взгляды, его нѣсколько словъ, какъ всегда нужны или ненужны улыбки свиты — вездѣ одной и той же, — узнающей васъ или презирающей въ зависимости отъ „хозяина войны“, все это васъ дѣлаетъ готовымъ человѣкомъ на смерть не *chair á canon*, а именно сознательно готовымъ къ смерти человѣкомъ.

О великая госпожа — Война, о, великая, немилостивая, жестокая, что въ тебѣ прекраснаго, что такъ привлекаетъ и простые и возвышенныя души; почему тотъ же генераль въ другой обстановкѣ для тебя ничто, а когда у тебя винтовка за плечемъ, а онъ на конѣ — онъ полубогъ.

Я не молодой поэтъ (кстати я вообще не поэтъ), я не Ernest Psichiari, этотъ очаровательный вдохновенный воинъ-крестonosецъ; я не военный профессиональ, загрубѣвшій въ бояхъ, но я, вспоминая сейчасъ въ тихомъ Passy эти впечатлѣнныя, я чувствую какъ бьется по другому сердце, какъ холодѣютъ руки и хочется поднять глаза и встрѣтить взглядъ вождя.

О нашъ вождь на бѣломъ конѣ, какъ смѣютъ скептики смѣяться надъ тобой; дай намъ, какъ милость, умереть за тебя, ты неизвѣстный и долгожданный.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ.

Первый кубанскій походъ, знакъ отличія котораго мы носимъ съ гордостью*), часто называютъ воршиловскимъ или, какъ потомъ это было принято, „ледянымъ“ походомъ. Въ дѣйствительности этотъ переходъ былъ самымъ жестокимъ испытаніемъ нашей арміи и навсегда останется въ памяти у всѣхъ, кто его пережилъ; этотъ переходъ въ какія-нибудь 16 верстъ могъ быть дѣйствительно названъ ледянымъ.

Мы вышли изъ аула Шендзяй 15 (28) марта. Въ это время уже состоялось соединеніе кубанской арміи, не Эрдели, а полковника Покровскаго, произведеннаго кубанскимъ парламентомъ въ Радой въ генералы.

*) Знакъ этотъ установленъ въ 1919 г. ген. Деникинымъ. Изображаетъ онъ терновый вѣнецъ съ мечемъ, его пересекающимъ. Выдается онъ „въ воздаяніе воинской доблести и отмыннаго мужества въ бояхъ и понесенныхъ безпримѣрныхъ трудовъ и лишеній“, какъ сказано въ дипломѣ на этотъ знакъ отличія. Носится онъ непосредственно за Георгіевскими наградами на георгіевской лентѣ съ трехцвѣтной кокардой.

Наши дѣйствующія части были направлены на станцію Ново-Дмитріевскую, а части штабовъ, обозовъ и раненые на станцію Калужскую.

Утромъ, когда мы вышли, погода рѣзко испортилась.

Пошелъ скверный мелкій дождь. Дороги, и такъ мало-проходимыя весной въ этой мѣстности, совершенно расползлися. То и дѣло видны были застрявшія повозки съ несчастными, выбившимися изъ силъ, лошадьми. Я съ охотою помогаль этимъ истиннымъ друзьямъ человѣчества и мнѣ стало тепло. А дождь все шель, какъ изъ сита. Насъ направили на Калужскую. Я шель съ сестрами Вѣрой и Татьяной Энгельгардтъ и прапоришкомъ А., нашимъ веселымъ хозяиномъ собранія. У самого раздвоенія дороги, въ кустахъ, среди плавучей грязи, я замѣтилъ кучку людей. Мы съ В. Энгельгардтъ подошли къ ней. На кочкахъ въ кустарникѣ лежалъ человѣкъ, бившійся въ эпилептическомъ припадкѣ. Помочь ему ничѣмъ нельзя было: повозки были заняты, проѣхавшій докторъ, несмотря на наши требованія, оставилъ его. Какъ-какъ удалось взгромоздить его на какую-то повозку, и мы пошли дальше.

Шли мы по довольно высокому плато. Дождь все усиливался. Мы уже шагали не по лужамъ, а по сплошной водѣ, доходившей намъ выше щиколотокъ, а иногда почти до колѣнъ. Кромѣ того, всю эту воду гнало по уклону, и я впервые видѣлъ цѣлыя поля съ бѣгучей по нимъ водой. Справа съ сѣвера дулъ сильный вѣтеръ, гулявшій рябью по этимъ холмамъ, покрытымъ водой. Но это продолжалось не долго.

Природа точно освирѣѣла противъ насъ. Пошелъ мелкій снѣгъ и градъ, точно мелкія оледенѣлыя

брызги. Лошади на дорогѣ (мы шли безъ дороги), останавливались, фигуры неподвижныхъ раненыхъ покрывались корочкой льда.

Во Франціи называютъ это *giboulés de mars*, но на Кубани, въ горахъ эти *giboulés* — были ужасными.

Идти по водѣ, покрытой то и дѣло саломъ, которое не обращалось въ ледъ только потому, что вѣтеръ гналъ воду по этимъ холмамъ, было ужасно тяжело. Промокшія въ холодной водѣ ноги костенѣли, все платье промерзло.

Я былъ въ своемъ *birberry*, который я сохранилъ до сихъ поръ, въ крагахъ и желтыхъ сапогахъ и на головѣ была у меня папаха. Чтобы удобнѣе было идти, я носилъ поверхъ пальто поясъ и затыкалъ подъ него полы пальто. Черезъ самое короткое время съ правой стороны все заледенѣло. Папаха и волосы покрылись льдомъ, и ея нельзя было оторвать отъ головы. Заткнутыя полы покрылись тонкимъ прозрачнымъ слоемъ льда и стали немягкими, а твердыми, точно покрытыя какой-то ледяной броней. Полы нельзя было отогнуть, такъ онѣ заледенѣли.

Нигдѣ не было жилья. Нельзя было отогрѣться, надо было только идти впередъ по этой водѣ среди этого ледяного кошмара, сыпавшагося на насъ.

Какъ-то давно, въ деревнѣ, въ Тульской губерніи, я видѣлъ необычайную картину такого-же феномена.

* * *

Дѣло было въ концѣ сентября. Было тепло, ночью шелъ дождь, а утромъ вдругъ хватилъ морозъ. Когда я вышелъ въ садъ этимъ морознымъ солнечнымъ утромъ, я былъ пораженъ — каждая травка, каждый

листокъ, вѣтка, стволъ дерева были окружены ледянымъ колпачкомъ. Можно было сорвать листь и онъ ломался у васъ въ рукахъ; въ сжатомъ полѣ каждая соломинка торчала отдѣльно своимъ хрустальнымъ колпачкомъ, а солнце играло своими лучами по этому незабываемому кристальному сказочному царству. Вездѣ слышались кристальные перезвоны. Это ударялись другъ о друга кристаллы, облекавшіе вѣтки. Я потрясъ дерево и оно зазвенѣло чистымъ серебряннымъ звономъ. Чудо это продолжалось часа два, пока солнце, порадовавшись этой сказочной картинѣ, не согрѣло ее и не растопило это ледяное очаровательное царство.

Тутъ было тоже самое. Неожиданный морозъ заковалъ наши мокрыя одежды въ ледъ. Было холодно до костей и мокрыя ноги, въ пропитанной кожѣ сапогъ, какъ будто уже не чувствовались.

Но тутъ, какъ и часто на походѣ, бодрость мнѣ придавалъ видъ этихъ удивительныхъ двухъ дѣвушекъ героинь-сестеръ Энгельгардтъ. Онѣ почти никогда не занимали мѣсть на повозкахъ и также бодро шагали въ своихъ легкихъ заледенѣлыхъ одеждахъ, какъ будто это могло быть привычнымъ дѣломъ.

Вскорѣ передъ нами преградой сталъ ручей. Вчера еще незамѣтный ручеекъ, сегодня онъ уже унесъ легкій мостокъ и несясь съ горы, разбухшій и пѣнясь. Я вошелъ въ него. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода доходила почти до пояса. Мы съ прап. А. предложили перенести нашихъ сестеръ, но получили строгій отказъ. Пришлось подчиниться, и эти удивительныя дѣвушки, въ этотъ морозъ, въ эту ледяную вьюгу, смѣло вошли въ воду. Шириной ручей былъ метровъ 10. Бѣжалъ онъ съ большой быстротой, такъ что трудно было устоять. Я пошелъ впередъ,

лѣвой рукой палкой измѣряя дно, а за правую держалась одна изъ Э., за ней тѣмъ же порядкомъ шель А. съ другой сестрой. Мокрые, холодные, мы перешли почти весело черезъ этотъ ручей. Обѣ барышни были въ водѣ по поясъ и сейчасъ-же ихъ юбки обледенѣли. Единственное средство, чтобы согрѣться, было идти скорѣе и мы дѣйствительно шагали съ такой быстротой, что не замѣтили, какъ дошли до Калужской. Къ этому времени пошелъ крупный снѣгъ и началась мятель, но мы уже входили въ станицу.

Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли при входѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ экипажей на резиновыхъ шинахъ. Трудно было повѣрить своимъ глазамъ. Откуда эта роскошь?

Оказалось, что это члены Рады пріѣхали изъ Екатеринодара на реквизированныхъ извозчикахъ. Какъ показалось намъ это дикимъ!

Впрочемъ, нужно было скорѣе найти кровъ. Второпяхъ, мимо плетней, по которымъ смѣшно гремѣлъ, какъ латы, мой стеклянный *burgerry*, мы нашли нашего квартирьера и, мимо умиравшей лошади, вздрагивающей подъ снѣжнымъ одѣяломъ, пришли въ хату.

Мятель продолжалась, и къ вечеру снѣга выпало фута на два.

И въ эту-то мятель, въ эту ужасную озвѣрѣвшую погоду, армія съ боемъ прошла въ Ново-Дмитровскую. Передъ нами была только природа; передъ тѣми, которые пошли болѣе сѣверной дорогой, были и большевики. Сколько раненыхъ, больныхъ погибло въ этомъ холодѣ, сколько было отморозившихъ себѣ руки, сколько лошадей потеряла армія за эти 16 верстъ. Ген. Алексѣевъ, несмотря на свою болѣзнь,

такъ же какъ и всѣ другіе перенесъ это испытаніе и какимъ-то чудомъ не заболѣлъ.

Пѣхоту черезъ ручей, который еще болѣе разлился на Ново-Дмитровской дорогѣ, переправляла полузамерзшая кавалерія, а, когда къ вечеру войска попробовали согрѣться у костровъ, большевицкая артиллерія открыла по нимъ огонь.

Этотъ-то незабываемый переходъ и даль возможность одному молодому журналисту*) назвать въ послѣдствіи весь походъ „ледянымъ“.

Но для меня этотъ день остался памятнымъ еще по другимъ воспоминаніямъ.

* * *

Въ штабѣ ген. Алексѣева былъ бывший вице-губернаторъ, уѣздный предводитель дворянства Владиміръ Николаевичъ Шеншинъ. Это былъ очень милый, очаровательный человѣкъ, помѣщикъ и типичный дворянинъ. Онъ вышелъ изъ Ростова въ визиткѣ и мы всегда смѣялись надъ его видомъ, такъ какъ поверхъ нея онъ носилъ короткую кожанную куртку, изъ-подъ которой болтались ея фалды. Мы съ нимъ часто спорили, но вскорѣ подружились; онъ былъ почти однихъ лѣтъ со мной и даже то, что разъединяло насъ въ спорахъ, сближало насъ. Какъ-то разъ мы сѣли обѣдать. Шеншинъ пересчиталъ всѣхъ и сказалъ, что насъ тринадцать. Онъ былъ суетвѣрнымъ. Онъ женился на дѣвушкѣ, которую зналъ 13 лѣтъ съ ея дѣтства, и послѣ обѣда, гдѣ было 13 человѣкъ, она, на 13-й мѣсяцъ совместной жизни, 13-го числа умерла. Онъ мнѣ это разсказалъ, но я разсмѣялся надъ этимъ суетвѣріемъ.

*) Борганевичъ умеръ отъ тифа въ Полтавѣ въ 1919 г.

На другой или третій день онъ почувствовалъ себя скверно. У него, вслѣдствіи грязи, выскочилъ нарывъ на губѣ и начался жаръ. Это было 9-го марта. Его положили въ повозку. Оперировать его сразу не догадались или не смогли, началось воспаленіе, и изъ Шенджія его вывезла Н. П. Щетинина уже тяжело и безнадежно больнымъ.

Привезли его къ намъ въ хату. Въ ней было двѣ комнаты. Въ одной думали помѣститься мы, десять мужчинъ, уставшихъ и продрогшихъ съ похода, въ другой, маленькой, должны были спать сестры Энгельгардтъ. Съ пріѣздомъ Шеншина пришлось его положить въ эту комнату, а сестрамъ предоставили кровать за занавѣской. Мы же размѣстились на полу, вповалку. Шеншинъ сталъ тринадцатымъ. Сестры, несмотря на усталость, ухаживали за больнымъ и спали по очереди. Мы же, обрадованные теплу, раздобывъ водки, согрѣвшись, завалились спать.

Ночью меня разбудилъ голосъ сестры Вѣры:

— „Борисъ Алексѣевичъ, Шеншину плохо, я не могу съ нимъ справиться“.

Я вышелъ къ ней. На кровати лежалъ этотъ больной, еще такъ недавно красивый и сильный, человекъ. Все лицо его было раздуто; губы занимали чуть ли не половину нижней части лица, глаза почти не видѣли за опухшими синими вѣками. Онъ метался на кровати и дѣлалъ усилія встать. Онъ былъ въ бреду. Руки его были точно восковыя и слабыя. Я обратилъ на нихъ вниманіе сестры. Это были руки покойника. Кое-какъ мы успокоили его, переложили на другой бокъ и онъ опять впалъ въ забытѣе. Это было около 4-хъ часовъ утра.

Я ушелъ спать тяжелымъ сномъ подъ мой *bigberry*, имѣя подъ головой мой милый чемоданъ. Но я сразу заснуть не могъ. Кто-то стучалъ въ заборъ. Я вышелъ къ дверямъ и увидѣлъ въ снѣжномъ туманѣ двухъ всадниковъ, спрашивающихъ дорогу. Кругомъ уже не было весны. Все было покрыто снѣгомъ. Мятель кончилась, но снѣгъ, уже мокрый, шелъ безостановочно.

Я, какъ могъ, указалъ имъ, но посоветовалъ вернуться къ центру станицы, въ ея управленіе, гдѣ они получаютъ болѣе вѣрныя указанія. Они уѣхали и только потомъ я узналъ, что эти всадники спрашивали направленіе въ станицу, занятую большевиками. Очевидно это былъ большевицкій разѣздъ, потерявшійся въ мятели.

Утромъ, часовъ въ девять Татьяна Э. смѣнила Вѣру, которая легла спать на кровати въ нашей комнатѣ. Усталая отъ похода, вымокшая, всю ночь просидѣвшая съ безпокойнымъ больнымъ, она заснула тупымъ сномъ.

Мы уже поднялись, точно забывъ о вчерашнемъ, поѣли, кто-то сходилъ за докторомъ. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ гусь, смѣшно падая въ снѣгу и переваливаясь, переходилъ черезъ дорогу.

Татьяна Э. меня вызвала:

— „Шеншинъ умираетъ, должно быть. Онъ сталъ совсѣмъ спокоенъ съ 6-ти часовъ утра и пульсъ у него все хуже“.

Шеншинъ былъ очень вѣрующимъ человекомъ. Наканунѣ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ лейт. Задлеръ сидѣлъ съ нимъ и Шеншинъ просилъ его прочесть ему евангеліе. Это было точно приготовленіе къ смерти.

Докторъ все не шель.

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда только онъ пришелъ. Мы о чемъ то шумѣли, но Вѣра Э. крѣпко спала.

Въ нашу комнату вошла Татьяна Э. и тихо сказала:

— „Тише, господа, Владимиръ Николаевичъ кончается“.

Мы притихли и я вышелъ за ней.

Быль первый, тринадцатый часъ.

Въ это время я услышалъ крикъ Вѣры Э. и вернулся къ намъ. Она сидѣла на кровати, съ испуганно-открытыми глазами и скоро говорила:

— „Владимиръ Николаевичъ, не уходите, останьтесь, куда вы уходите, не уходите умоляю васъ, не надо уходить, останьтесь, успокойтесь“.

Я бросился къ ней, но она не видѣла меня и, вновь повалившись на подушку, заснула.

Въ то время, когда мы ,потрясенные этимъ явленіемъ ,молчали, вошла ея сестра.

— „Шеншинъ умеръ“, сказала она. Мы перекрестились.

Свершилась тайна смерти. Какъ, почему эта спящая, разбитая дѣвушка во снѣ призывала его „не уходить“, почему въ мгновеніе отлета его души, какія-то нити связали ея сонный мозгъ съ душой уходящей?

Тайна смерти точно хотѣла открыть намъ конецъ своего покрова, и всѣ мы почувствовали дыханіе этого призрака, посѣтившаго сонъ удивительной дѣвушки.

* * *

Ушелъ докторъ; на другой день наши чехи сколотили изъ досокъ гробъ. Мы положили большое, слабое тѣло съ ужаснымъ лицомъ и бѣлыми руками и похоронили около церкви.

Снѣгъ уже таялъ и мы забросали его гробъ мокрой землей и снѣгомъ; сквозь щели гробъ виднѣлась его черная визитка. Я отмѣтилъ мѣсто на кладбищѣ у себя въ записной книжкѣ. Креста мы не поставили, чтобъ не дать возможности большевикамъ надругаться надъ его трупомъ. Могила его осталась ни для кого не замѣтной.

Онъ вошелъ къ намъ тринадцатымъ и въ началѣ тринадцатаго часа умеръ.

Я смотрю на свой блокъ-нотъ.

Что это? Это тринадцатая страница!

ВОЙ У СЕЛА ФИЛИПОВСКАГО.

Я нѣсколько отойду назадъ и позволю себѣ рассказать впечатлѣнія отъ одного боя, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать.

Мы пришли въ это большое иногороднее село поздно. Части генераловъ Маркова и Богаевского успѣшно разогнали большевиковъ и мы подошли къ переправѣ черезъ рѣку Бѣлую.

Село было почти пустое. Въ волостномъ управленіи, куда я зашелъ изъ любопытства, я неожиданно увидѣлъ большую лубочную картину, изображающую жизнь и подвиги Суворова.

Намъ отвели большую хорошую хату; владѣльцы которой бѣжали. Какъ я уже говорилъ, мѣстность эта поставляла много большевиковъ въ красную армію. Въ печкѣ мы нашли что-то вкусное, почти готовое, брошенное второпяхъ хозяевами, не ожидавшими быстрого наступленія арміи. Нашли даже и что выпить, благодаря чехамъ изъ конвоя ген. Алексѣева, великимъ мастерамъ для этихъ розысковъ.

Тутъ же я нашелъ „сонникъ“. Очень хорошій сонникъ съ алфавитнымъ указателемъ лицъ и предметовъ, которые хорошо или не хорошо видѣть во снѣ. Я открылъ его на словѣ „журналистъ“ и вотъ,

что я прочелъ: „видѣть во снѣ журналиста — встрѣча съ мазурикомъ или съ человѣкомъ, который любитъ, что плохо лежить.“

Какова была моя обида!

Въ другомъ мѣстѣ я нашелъ „Всадника безъ головы“ Майнъ Рида. На обложкѣ былъ изображенъ конь, у котораго дымъ шелъ изъ ноздрей, на немъ сидѣлъ всадникъ, одѣтый въ мексиканскій костюмъ, у котораго къ сѣдлу была подвязана его веселая, улыбающаяся, краснощекая, усатая голова.

Утромъ мы вышли къ переправѣ. Передовыя части уже вели бой на той сторонѣ рѣки. Рѣчка Бѣлая, горная прозрачная, быстро бѣжала, не скрывая артиллерійскихъ снарядовъ, которые побросали въ нее удиравшіе большевики, у которыхъ ихъ было слишкомъ много.

Неприятельская артиллерія старательно обстрѣливала переправу, но безъ особаго успѣха. Мостъ былъ цѣль. Сзади насъ, наша артиллерія стрѣляла куда-то вправо. Бой разгорался.

На той сторонѣ моста, ген. Корниловъ лично останавливалъ всѣ повозки и всѣхъ способныхъ носить оружіе ссаживалъ и выстраивалъ. Когда я подошелъ къ этой группѣ людей, насъ уже было человѣкъ около 200. Насъ разбили на взводы человѣкъ по 25—30 и повели.

Знаменитый Керенскій герой, такъ называемый „матросъ“ Баткинъ, незамѣтно смѣшался съ толпой свиты ген. Корнилова и не пожелалъ рисковать своей драгоцѣнной жизнью.

Командовалъ нами пожилой, близорукой подполковникъ, весьма не воинственнаго вида. Онъ повелъ насъ налѣво къ камышамъ, гдѣ намъ приказано было залечь и ждать приказаній.

Я до сихъ поръ не участвовалъ въ этомъ походѣ въ бою. Подъ Корневской насъ вывели въ охраненіе, но кромѣ разрывовъ, и не очень близкихъ, мы ничего не видѣли. Подъ Березанской большевики слишкомъ скоро уходили, чтобы видѣть ихъ. Подъ Усть-Лабинской нашу группу, бывшую въ охраненіи, обстрѣляла артиллерія, но участія непосредственнаго мы не принимали.

Здѣсь дѣло казалось серьезнѣе. Впереди насъ была долина и потомъ довольно высокіе холмы. Пока мы сидѣли и курили, къ намъ подошли барышни Энгельгардтъ, которымъ я сталъ читать „Всадника безъ головы“, что заставило ихъ задремать подъ лучами солнца.

Вскорѣ, однако, насъ разсыпали цѣлью и мы медленно стали подходить къ холмамъ, прикрывая съ лѣвой стороны обозъ. Нашимъ отрядомъ командовалъ георгіевскій кавалеръ полк. Дэйло. Какъ оказалось, нашей задачей было пройти по возможности лѣвѣе, чтобы прикрыть обозъ, входившій въ узкое дефілѣ.

Передъ нами проходила какая-то часть. Впереди, съ офицерами шелъ мой знакомый, капитанъ Капелька. Увидѣвъ нашу сборную команду изъ старыхъ офицеровъ и вооруженныхъ штатскихъ, онъ весело закричалъ намъ, что мы „обозный легіонъ смерти“. Больше я его не видѣлъ. Въ этомъ бою онъ былъ убитъ.

Мимо насъ проѣхалъ ген. Романовскій, начальникъ штаба ген. Корнилова, и приказалъ двигаться впередъ на холмъ. Артиллерія большевиковъ замѣтила и насъ, и обозъ, и снаряды стали рваться ближе.

Мы быстро пробѣжали къ оврагу и стали взбираться на крутой склонъ. Мѣстность отсюда была довольно ровная, но большевиковъ видно не было. Однако, они еще недавно были здѣсь, такъ какъ кое-гдѣ лежали ихъ трупы.

Какъ только мы взобрались на склонъ, намъ было приказано продвигаться какъ можно скорѣе вдоль холмовъ по направленію обсаженной дороги и нѣсколькихъ сараевъ и выбить оттуда большевиковъ.

Я впервые участвовалъ въ атакѣ. Въ той войнѣ, будучи телефонистомъ, мнѣ не пришлось, съ оружіемъ въ рукахъ, участвовать въ бояхъ.

Лишь только мы показались на гребнѣ, по насъ открыли ружейную и пулеметную стрѣльбу. Упостроекъ стали замѣтны перебѣгающія фигуры. Нѣсколько человекъ изъ насъ, и я въ томъ числѣ, побѣжали къ каменному сараю, мы залегали, стрѣляли, и вновь бѣжали.

Какъ тяжело было мнѣ бѣгать. Когда-то я былъ однимъ изъ первыхъ бѣгуновъ Петербурга, но теперь я задыхался, ноги по вспаханной землѣ не шли, противника я не видѣлъ и стрѣлялъ изъ своего очаровательнаго мексиканскаго карабина больше наугадъ.

Было очень жутко, и противень былъ свистъ пуль, особенно, когда затрещалъ пулеметь.

Мы оторвались съ однимъ офицеромъ сильно влѣво къ небольшому сарайчику, откуда по насъ стрѣляли.

Подойтя къ нему, мы залегли и стали стрѣлять. Мнѣ страшно стало думать, что тамъ сидитъ какой-то русскій человекъ, который старается меня убить. и въ то-же время поднималось какое-то чувство

спорта, желаніе его покончить. Очевидно, онъ успѣлъ выбратъся до насъ, такъ какъ, когда мы вошли въ сарай, никого въ немъ не было. Лежала бутылка отъ водки, къ сожалѣнію пустая, вещевои мѣшокъ и краюха хлѣба, которые я забралъ.

Въ это время, снизу, съ той стороны рѣки, по нашей цѣпи открыли артиллерійскій огонь. Я, повторяю, былъ совершеннымъ диллетантомъ въ этомъ дѣлѣ и не соображалъ ясно, какова моя задача. Задыхаясь на перебѣжкахъ, я смотрѣлъ только на то, какъ бы мнѣ не отстать отъ другихъ и, незамѣтно, съ моимъ сосѣдомъ мы все болѣе уходили налѣво.

Въ это время надъ самой нашей головой разорвалась шрапнель и зашуршала по прошлогодней соломѣ. Мы упали на землю.

Впечатлѣніе было такое, что насъ должно было тронуть, но, поднявъ голову, я увидѣлъ совершенно цѣлаго пор. Гаусмана и въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ убѣгающую фигуру здороваго, плотнаго челоуѣка съ винтовкой въ рукѣ.

Мы бросились за нимъ. Это былъ очевидно тотъ самый, который отсиживался въ сараѣ.

Онъ залегъ за бугорокъ и сталъ въ насъ стрѣлять. Съ какимъ удовольствіемъ старался я попасть въ этого соотечественника, какъ глубоко оскорбительными казались мнѣ его пули, свиставшія около насъ. Мы стали обходить его съ боковъ, обстрѣливая неудачно его. Справа отъ насъ, когда мы уже видѣли его рыжую голову, неожиданно появился офицеръ въ буркѣ и закричалъ намъ, чтобы мы его взяли живьемъ.

Рыжій большевикъ очевидно еще больше задохся, чѣмъ я, и не могъ бѣжать. Онъ кому-то отчаянно махалъ рукой. Непрiятельскіе снаряды

дожились уже дальше, вправо, не причиняя вреда, и эта охота за человѣкомъ, долженъ признаться, была необычайно увлекательна.

Черезъ мгновеніе, мы обошли его и онъ долженъ былъ сдаться. Правда, онъ было пробовалъ защищаться, но ударъ прикладомъ по спинѣ пор. Г. заставилъ его бросить винтовку и онъ послушно пошелъ въ нашъ тылъ. Это былъ обыкновенный здоровый мужикъ съ темно-рыжей бородой, лѣтъ 45.

Что могло заставить его воевать противъ насъ? Какая злоба увлекала этого человѣка? * Во имя какихъ идеаловъ старался онъ, такъ неумѣло, убить насъ?

Позднѣе, на походѣ, я часто видѣлъ его въ толпѣ плѣнныхъ, уныло шедшихъ за одной изъ повозокъ. Онъ мрачно и сосредоточено шагаль, смотря въ землю, а я вспоминалъ со страннымъ чувствомъ, что вотъ идетъ человѣкъ, который хотѣлъ убить меня и котораго я хотѣлъ убить. Рядомъ съ нимъ обыкновенно шель высокій тонкій дьяконъ, какъ говорили предавшій на смерть своего священника.

Какая страшная вещь — гражданская война.

На допросѣ, какъ говорили, онъ показаль, что шель „повидать своихъ дѣтей“. Это съ винтовкой и съ набитымъ патронташемъ.

* * *

Теперь уже мы слишкомъ удалились отъ своей цѣпи. Видна была внизу у берега большевицкая батарея въ два орудія, которая изрядно посылала довольно невинные снаряды по нашему направленію.

У дороги замѣтна была большевицкая бѣготня, но ясно было, что они уже не удержатся. Тогда,

еще лишенные офицеровъ, большевики не могли выдерживать наступленія и тамъ, гдѣ ихъ не было въ нѣсколько разъ больше нашихъ, они не выдерживали натиска.

Мы подошли къ сараямъ, изъ которыхъ ушли наши враги, и присоединились къ нашей цѣли. Приказано было дальше не продвигаться, такъ какъ справа отъ насъ отрядъ большевиковъ обходилъ нашъ отрядъ.

Въ это время я увидилъ, спокойно идущихъ, во весь ростъ, не кланяющихся пулямъ (а какъ я почтительно привѣтствовала ихъ!), нашихъ барышень Энгельгардтъ. Въ своихъ черныхъ платьяхъ, на желтомъ фонѣ скошеннаго поля, онѣ являлись прекрасной цѣлью, чѣмъ не преминули воспользоваться большевики.

Нужно было приказать имъ, и очень энергично, чтобы онѣ легли, раньше чѣмъ онѣ согласились это сдѣлать.

Большевики уходили. Вскорѣ мы увидѣли у насъ направо наши части, взобравшіяся на дорогу и преслѣдующія большевиковъ. Ихъ артиллерія стала замолкать. Насъ смѣнила другая часть и мы стали отходить къ гребню холма, откуда мы повели наступленіе.

У большого стога соломы, за которымъ мы посидѣли и покурили, мы нашли чьи-то подштанники, самоваръ, пустую бутылку водки и милаго веселаго щенка. Очевидно здѣсь была нарушена какая-то идиллія.

Щенка взяли съ собой и пошли дальше, получая изрѣдка противорѣчивыя приказанія, то двигаться впередъ, то назадъ. Нашъ полуслѣпой командиръ самъ мало что понималъ. А я никакъ не могъ понять.

къ чему была эта кадрилиль подь огнемъ, хотя, правда, и затихающимъ.

Наконецъ мы добрались до кустарника, гдѣ, недалеко отъ трупъ красноармейца, я нашель новый мѣшокъ, хлѣбъ и прекрасный сотъ меда, которымъ я съ удовольствіемъ подѣлился.

Насъ отвели къ гребню, лицомъ къ рѣкѣ и оставили въ выжидательномъ положеніи. Подь нами, на нашей сторонѣ рѣчки, былъ разсыпанъ въ цѣль отрядъ ген. Боровскаго (кадеты, студенты и другіе молодые люди.), прикрывавшіе нашъ отходъ отъ нажимавшихъ большевиковъ. Мостъ черезъ рѣку Бѣлую горѣлъ.

Хотѣлось очень ѣсть, но нельзя было уходить до заката солнца. Неожиданно, къ вечеру, вдругъ изъ лощины, по которой отходили на станицу Рязанскую наши части и обозъ, которые мы прикрывали, раздалось „ура“. Мы тоже немедленно подхватили это „ура“, сами не зная его причины.

Оказалось, что въ штабъ ген. Корнилова прибылъ доблестный полк. Б., пробравшійся черезъ большевицкія линіи и нашедшій кубанцевъ. Черезъ два перехода мы должны были соединиться съ долгожданной арміей. Это извѣстіе, распространенное въ войскахъ, и послужило поводомъ радостному „ура“.

Это „ура“ имѣло еще и другое слѣдствіе. Большевицкая стрѣльба затихла. Они представили себѣ, что наши войска переходятъ въ атаку и убрались. Они вообще не любили себя беспокоить по ночамъ.

Затихла стрѣльба; внизу снялся отрядъ Боровскаго и мы стали отходить. Черезъ холмъ мы вышли на дорогу. „Главныя“ силы шли правѣе

насъ. Обозъ, оказывается, попалъ подь обстрѣлъ и только счастье спасло ген. Алексѣева. Въ его повозкѣ разрывомъ шрапнели былъ смертельно раненъ австріецъ-кучеръ и ранена лошадь.

Бѣдный молодой австрійскій студентъ! Онъ попалъ въ плѣнъ во время нашего галиційскаго наступленія, какъ военноплѣнный служилъ въ какомъ-то имѣніи на Кубани, былъ забранъ въ большевицкія войска, попалъ къ намъ въ плѣнъ и умеръ отъ большевицкой-же шрапнели, направленной невидимой нѣмецкой рукой.

Какъ много приходилось въ этомъ странномъ существованіи думать о странной таинственной судьбѣ.

Какъ эта война, этотъ бой, въ которомъ я только что участвовалъ, не походили ни на войну, ни на обыкновенный бой. Все это была фантазія гражданской войны.

Мы шли на Екатеринодаръ, но фактически мы отступали, все время разбивая врага. Что это было, наступленіе или отступленіе?

Кругомъ насъ, и послѣ побѣды, бушевало большевицкое море и нашъ островъ, гдѣ свила себѣ гнѣздо наша Родина, все двигался дальше. У англичанъ есть хорошее выраженіе „a running fight“.

Объ этихъ фантазіяхъ гражданской войны думалось мнѣ часто во время похода. Да и я самъ, въ своемъ штатскомъ видѣ, журналистъ, развѣ я не былъ такой фантазіей.

Такъ думалъ я, старательно и гордо шагая послѣ побѣды, таща за собой пулеметь, мѣняясь съ другими.

VII.

ТАИНСТВЕННЫЙ ДРУГЪ.

Въ тотъ день, когда намъ приказано было выступить изъ станицы Калужской въ Ново-Дмитровскую, заиграло солнце и весна, обманчивая на этомъ югѣ, заиграла свѣтомъ и тепломъ.

Сидѣніе на одномъ мѣстѣ, грустныя воспоминанія, связанныя съ станицей Калужской, яркое солнце, все это радостно заставляло идти впередъ подальше. Куда? Да не все ли равно было намъ! Насъ вели куда-то, гдѣ мы видѣли спасеніе Родины, гдѣ окончатся наши мученія, гдѣ мы побѣдимъ. И мы шли.

На этомъ участкѣ пути, который не грозилъ намъ неминуемой опасностью, казалось все было такъ просто — пройти около 15-16 верстъ.

Вышли мы бодрые и довольные. Въ походѣ какъ то легче живется. На стоянкахъ усталые люди начинаютъ ссориться, обижаться и нѣтъ той дружбы. Кромѣ того, въ Калужской началось наше „мученіе вшами“, которыя долго не покидали насъ. И такъ, мы уходили съ легкимъ сердцемъ.

Долго не могли мы выбраться изъ станицы. Весеннее солнце испортило окончательно еще недавнія зимнія дороги. Вдоль заборовъ и плетней

шли мы, останавливаясь и пропуская другъ-друга. Я обогналъ молодую хорошенькую дѣвушку въ солдатской шинели и папахѣ, лихо надвинутой на правый високъ съ веселымъ кустомъ черныхъ кудрей съ лѣвой стороны. Я не помню ея имени, но знаю, что эта женщина-солдатъ погибла на походѣ, какъ и многія другія, увлеченныя имъ.

На околицѣ станицы стоялъ пустой недостроенный домъ, занятый цыганами. Безконечное количество полуголыхъ ребятъ бѣгало кругомъ, а на порогѣ сидѣла старая цыганка, похожая на вѣдьму, и курила длинную трубку.

Я вспомнилъ весь свой незначительный цыганскій репертуаръ и сталъ говорить съ ней. Ея удивленію не было конца, а когда я ей сказалъ, что былъ на ея родинѣ (что такое родина у такихъ номадовъ) въ Карасубазарѣ въ Крыму, она уже смотрѣла на меня восторженными глазами и своимъ гортаннымъ языкомъ объясняла другимъ цыганамъ, попыхивая трубкой и жестикулируя ею, какой я удивительный человѣкъ, что я даже говорю по цыгански и былъ въ Карасубазарѣ.

Весеннее солнце, да предыдущая мятель надѣлали много хлопотъ. Намъ пришлось идти лѣсистой низиной и вновь обозъ сталъ. Гдѣ нибудь да падала лошадь или останавливалась повозка и весь обозъ стоялъ. Кругомъ насъ весело бѣжали ручьи и послѣ того, какъ я перескочилъ черезъ одинъ изъ нихъ, я имѣлъ удовольствіе бѣжать за своей папачой, соскочившей съ головы и шаловливо поплывшей по вешнимъ водамъ.

Я себѣ создалъ нѣчто вродѣ спорта въ помощи лошадямъ. Я очень умѣло захватывалъ спицы

колесъ и въ то время, когда, со страшными проклятіями и озвѣрѣлыми лицами, возницы галдѣли на лошадей, мнѣ часто удавалось сдвинуть съ мертвой точки повозку и помочь моему бѣдному другу-лошади.

Сколько радостей давали мнѣ лошади; съ какой гордостью я смотрѣлъ на весь міръ, когда моя лошадь выигрывала на бѣгахъ, и какъ я чувствовалъ себя недосыгаемо-великимъ, когда я впервые прошелъ на бѣгахъ первымъ выигрышный столбъ.

Это была маленькая благодарность моимъ бывшимъ милымъ подневольнымъ друзьямъ.

Итакъ, гуляя по водѣ среди нихъ, я отсталъ отъ своихъ, а солнце быстро шло къ западу. Я оторвался отъ первой части обоза, обогнала меня артиллерія и я поспѣшилъ впередъ.

Я зналъ, что нашъ чешскій саперный отрядъ проведъ даже какія то дороги и поставилъ указатели. Я нашелъ такой указатель, который былъ поставленъ безъ расчета на весну и на разливъ ручьевъ. Я чуть не провалился въ воду и сталъ пробираться одинъ, такъ какъ никто, очевидно, не вѣрилъ указателямъ къ дорогѣ. Я выбрался къ ней, когда было совсѣмъ темно. Меня бодро объѣхала артиллерія и скрылась въ темнотѣ. Я шелъ совсѣмъ одинъ.

Было на душѣ тоскливо. „Долго-ли, думалось мнѣ, придется мѣсить эту грязь, двигаться безъ извѣстной цѣли, идти куда-то и зачѣмъ-то.“

Вспоминалась прежняя жизнь и весь вихрь перекувыркнувшій наше существованіе.

Дорога шла довольно круто внизъ и я остановился передъ большимъ прудомъ. Колеса отъ артиллерійскихъ колесъ указывали, что она прошла бродомъ,

думать не оставалось времени. Обозъ тархтѣль очень далеко сзади.

Я загнулъ полы своего макинтоша, повыше подтянулъ винтовку и вошелъ въ воду.

Странное это чувство идти по водѣ. Пока вода доходить до колѣнъ, оно не такъ сильно, но когда вы чувствуете, что дно уходитъ дальше и что нѣтъ какъ будто-бы конца этому спуску, становится жутко. Но я шель.

Кругомъ меня, по поверхности пруда, играли звѣзды и прыгали онѣ, оставляя длинный слѣдъ отъ тѣхъ круговъ, которые образовывали мои неуклюжіе шаги. Прудъ казался въ темнотѣ громаднымъ. Я вдругъ подумалъ о своемъ одиночествѣ. Я, гдѣ-то на Кубани, одинъ посерединѣ пруда по поясъ въ водѣ, темной ночью иду куда-то между этими пляшущими звѣздами. Что это, не сонъ ли это?

Но дно стало подыматься и, скользя по подъему, боясь упасть, я выбрался на другой берегъ.

Было холодно, и противно было мокрое платье и такъ называемое бѣлье, но сильнѣе всего было чувство одиночества. Такъ хотѣлось подѣлиться съ кѣмънибудь своей тоской.

Коленъ расходились въ разныя стороны, я не зналъ куда идти и только по далекому шуму угадывалъ путь артиллеріи. На встрѣчу мнѣ, изъ темноты, появились два всадника. Это были мужчина и женщина. Я окликнулъ ихъ и спросилъ, сколько верстъ осталось до Ново-Дмитровской. Они, смѣясь, сказали мнѣ совершенно невозможное количество верстъ (оставалось верстъ 7-8), и быстро скрылись рысью въ темнотѣ. Кто были эти странные люди, катающіеся верхомъ ночью въ разгаръ гражданской войны?

Но было холодно, одиночество угнетало, и я торопился домой. Домой? Куда? Въ какой домъ? Какъ все это было тоскливо и дико!

Вдругъ, вправо отъ себя я увидѣлъ бѣлое пятно. Я сталъ вглядываться и увидѣлъ собаку. Я люблю этихъ звѣрей и свистнулъ такъ, какъ привыкъ свистѣть своимъ вѣрнымъ псамъ. Пятно сорвалось съ мѣста и быстро бросилось ко мнѣ.

Черезъ мгновеніе я уже былъ не одинъ.

Вокругъ меня, въ неописуемомъ восторгѣ, прыгаль прекрасный, бѣлый съ желтымъ, овчаръ, скакаль мнѣ на грудь и лизаль мнѣ лицо отъ какого-то счастья.

Я не знаю причинъ радости этого таинственного пса. Откуда взялся онъ изъ этой темной ночи? Почему ждалъ онъ меня въ минуту тоски, близкой къ отчаянію?

Я заговорилъ съ нимъ то по русски, то по англійски (я люблю съ собаками говорить на этомъ чуждомъ языкѣ, онѣ какъ-то болѣе прислушиваются къ его звукамъ). Мой звѣрь какъ будто меня понималъ и мнѣ было во сто разъ легче идти дальше. Онъ носился по степи за чѣмъ-то невидимымъ и вновь, по первому свисту, по первому окрику „come here“, онъ возвращался, прыгаль вокругъ меня, или шелъ послушно у моихъ ногъ.

Какъ было не радоваться этой встрѣчѣ? Какъ миль былъ мнѣ этотъ неожиданный и очаровательный другъ, какъ хорошо блестѣли его горящіе, коричневые, круглые собачьи глаза, полные какой-то почти улыбки.

Я вскорѣ догналь артиллерію. Изъ темноты ко мнѣ подъѣхаль офицеръ и спросилъ меня, кто я. Оказывается, что мы были знакомы съ его отцомъ по

Петрограду, но фамиліи его я не разслышалъ. Много позднѣе я встрѣтилъ его и онъ мнѣ напомнилъ нашу встрѣчу и моего милаго пса.

До станицы было уже не далеко. Оттуда доносился собачій лай, — предвѣстникъ дома. Я уже не чувствовалъ усталости, — мой ночной другъ придалъ мнѣ столько бодрости, что разлетѣлись тоскливыя мысли объ одиночествѣ и не такъ мерзли холодныя ноги.

Такъ, разговаривая съ нимъ, лаская его, я дошелъ до станицы. Телеграфныя столбы шли куда-то дальше, а дорога сворачивала налѣво въ „улицу“.

Я рѣшилъ взять своего таинственнаго друга и позвать его. Онъ отбѣжалъ въ сторону, сѣлъ, поднялъ уши, махалъ хвостомъ, но не шелъ ко мнѣ. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему, онъ, какъ показалось мнѣ, улыбнулся и вновь отбѣжалъ и сѣлъ. Напрасно уговаривалъ я его и по русски и по англійски, онъ не двигался.

Тогда я простился съ нимъ и пошелъ въ станицу, а онъ пропалъ въ ночи, откуда онъ мнѣ явился.

Что это было? Откуда взялся этотъ милый песъ, котораго я никогда не забуду, почему на моемъ странномъ пути долженъ былъ онъ оказаться такимъ веселымъ и радостнымъ? Развѣ это не былъ другъ безкорыстный и ласковый, таинственный и милый, посланный провидѣніемъ?

* * *

Я шелъ по пустой улицѣ, думая о немъ, пока не встрѣтилъ знакомаго офицера, указавшаго мнѣ домъ ген. Алексѣева.

Здѣсь меня напоили такой роскошью, какъ кофе-емъ и указали, гдѣ стоитъ нашъ политическій отдѣлъ.

Было не легко его найти. Я около часа блуждалъ по грязи, стучался въ занятые другими частями хаты, пока не нашель свой домъ.

А вдоль улицы раздавались плачевные голоса казаковъ, разыскивающихъ свои части:

— „Баакла-новцы!“

А съ другой стороны, какой-то отчаянный теноръ точно отвѣчалъ; — „Черновцы — па-артизане!“

Ну вотъ, я и дома; обо мнѣ уже беспокоятся, мнѣ даютъ чаю. Тускло горитъ маленькая лампа, около которой чужой офицеръ еще кого-то хочетъ втиснуть къ намъ.

Я снимаю краги, сапоги, носки, — приятно ходить босикомъ по глиняному полу, — кладу свои мокрые доспѣхи ближе къ печкѣ, ставлю въ уголь винтовку, подкладываю подъ голову свой чемоданчикъ, который уже пришелъ съ обозомъ (сколько времени я шелъ эти 15 верстъ?), и покрываюсь своимъ старымъ, но теплымъ burberry.

Чужой офицеръ не сразу уходитъ, кто-то гремитъ посудой, кто-то уже храпитъ. Думалъ ли я, часъ или два тому назадъ, о такомъ счастьи — о тепломъ углѣ, о босыхъ ногахъ и о благодѣтельномъ снѣ.

Приятно потянуться на глиняномъ полу, удобнѣе помѣстить голову на чемоданъ, поправить плечемъ пальто и дремать.

Мелькаетъ въ закрытыхъ глазахъ бѣлое пятно, оно дѣлается все ближе; это мой ночной таинственный другъ, его морда совсѣмъ рядомъ, я вижу его глаза и онъ улыбается мнѣ и лаеетъ, но гдѣ-то далеко, далеко . . .

VIII.

ОСАДА ЕКАТЕРИНОДАРА.

Генераль Корниловъ, соединившись съ войсками ген. Покровскаго, значительно увеличилъ свои силы и въ частности свою кавалерію. Армію Покровскаго почти исключительно составляли кубанскіе казаки. Самъ онъ не былъ казакомъ, на войнѣ былъ летчикомъ и на Кубань пріѣхалъ капитаномъ. Человѣкъ онъ былъ очень энергичный и быстро взялъ себѣ въ руки всю военную организацію антибольшевицкой Кубани. Атаманъ полковникъ Филимоновъ охотно воспользовался его услугами и полковникъ, а вскорѣ и ген. Покровскій, надѣлъ черкеску, которую онъ не снималъ до конца своей карьеры.

Сколько всего стало бойцовъ, сказать я затрудняюсь. Не думаю, чтобы ихъ было болѣе 3.500 человѣкъ, можетъ быть четырехъ тысячъ. Обозъ, съ другой стороны, увеличился и хотя увеличилось и количество орудій, однако за отсутствіемъ снарядовъ артиллерійская помощь была не столь значительна.

Обращала на себя вниманіе Рада, ѣхавшая на прекрасныхъ лошадяхъ, всѣ члены которой были прекрасно вооружены, но не принимали участія

въ бояхъ, несмотря на то, что добрая половина ихъ были военные.

Соединеніе армій состоялось въ станицѣ Ново-Дмитровской. Покровскій призналъ власть ген. Корнилова и послѣ нѣкотораго колебанія рѣшено было идти на Екатеринодаръ.

Планъ ген. Корнилова заключался въ томъ, чтобы пересѣчь желѣзную дорогу между Энемомъ и Афипской и малопроходимыми мѣстами, гдѣ мы не могли бы встрѣтить серьезнаго сопротивленія, выйти на западъ отъ Екатеринодара, переправясь черезъ Кубань въ неожиданномъ для большевиковъ мѣстѣ.

Приготовленія къ этому походу и очистка дороги отъ большевиковъ, засѣвшихъ въ станицахъ и вдоль желѣзной дороги, заняли нѣкоторое время и только 25 марта мы вышли къ Георгіе-Афипской станицѣ, которую мы миновали подъ сильнымъ обстрѣломъ бронепоездовъ большевиковъ, которыхъ не удалось привести къ молчанію, а пришлось только отогнать.

Здѣсь, въ станицѣ, я видѣлъ маленькую героиню. Это была хорошенькая казачка лѣтъ 18-ти. Она вышла замужъ за молодого казака, который перешелъ къ большевикамъ и занялся грабежемъ. Она бросила его и вернулась къ своимъ родителямъ. Станица Георгіевская была занята большевиками и торжествующій мужъ пришелъ предъявить свои права. Она наотрѣзъ отказалась пустить его къ себѣ. Онъ сталъ угрожать расправой, но она забарикадировалась въ своей комнатѣ и предупредила его, что живой не дастся ему. Казакъ-большевикъ взломалъ дверь, но тутъ-же былъ убитъ изъ винтовки своей женой.

Это была очень скромная маленькая женщина. Она съ удовольствіемъ принесла нѣкоторымъ изъ

нашихъ спутниковъ бѣлья, въ которомъ мы такъ нуждались и ни за что не согласилась принять какія-нибудь деньги.

Какова могла быть ея судьба?

Изъ Аѳинской мы пошли почти безъ всякихъ дорогъ, то и дѣло пересѣкая вбродъ разлившіеся ручьи. Для лошадей этотъ переходъ былъ убійственнымъ. Раненые и больные безумно страдали; двигались мы медленно, но зато вѣрнѣе досягаемости большевиковъ.

Подъ утро мнѣ пришлось управлять брошенной повозкой. Кто-то приказалъ мнѣ или вывести ее, или бросить въ полу-болотѣ отъ разлива рѣкъ и оставить на произволъ судьбы. Я вывезъ эту повозку.

Впереди меня, на низкой телѣгѣ, везли раненаго армянина-офицера. Онъ все время стоналъ отъ боли въ ногѣ и боялся, чтобы я его не задѣлъ.

Его черные, какъ черносливъ, глаза были вовсе не такъ страшны, какъ его угрозы.

— „Я тебѣ морду разобью, если тронѣшь“, жалобнымъ слабымъ голосомъ пугалъ онъ меня.

Въ ту войну, во время одного изъ неудавшихся наступленій на Рижскомъ фронтѣ въ самомъ концѣ 1916 года, мы отходили густымъ лѣсомъ. Я шель сзади нашего начальника бригады. На тропинкѣ мы обогнали носилки съ раненымъ. Увидѣвъ генерала, офицеръ-армянинъ, раненый въ животъ, остановилъ носилки и на вопросъ генерала Л. куда онъ раненъ, онъ сталъ, жалкимъ почти плачущимъ голосомъ, объяснять генералу, что онъ раненъ въ животъ и что только благодаря героизму горниста и еще одного солдата, котораго онъ не знаетъ, онъ

быль вынесенъ изъ подъ проволочныхъ загражденій.

Его единственной заботой было, чтобы генераль разыскалъ того солдата и представилъ обоихъ къ георгиевскому кресту... Его благородная заботливость такъ мало соотвѣтствовала его жалобному голосу и немного смѣшному восточному акценту. Этотъ человекъ не думалъ о позѣ.

Рано утромъ мы переправились черезъ широкій рукавъ разлившейся Кубани и вышли къ аулу Панахесъ.

* * *

Теперь я уже пишу, имѣя передъ собой записную книжку, купленную въ станицѣ Елисаветинской. Въ кратчайшей конспективной формѣ я набрасывалъ мелочи и событія нашей жизни и мои впечатлѣнія. Изъ нея я вижу и помню, какое удовольствіе это мнѣ доставило, что я купилъ себя новую папаху, которую благополучно довезъ до Новочеркасска и тамъ подарилъ ее моему другу А. Ф. Аладыну.

Какое удовольствіе теперь доставляютъ мнѣ мои старыя записныя книжки; какъ много говорятъ онѣ мнѣ, эти короткія, сжатые, часто сокращенныя слова, записанныя иногда чуть ли не на ходу моимъ вѣрнымъ перомъ. Это перо служило мнѣ вѣрой и правдой и почему-то погибло въ 1919 году въ Черномъ морѣ.

Во время веселаго перехода въ Константинополь мы разгулялись на кормѣ нашего скучнаго cargo. Насъ было семеро: англійскій летчикъ, еще одинъ милый англичанинъ, два летчика-американца и насъ трое русскихъ. Мы устроили въ этотъ день веселый captain's dinner; кривой итальянецъ-stewart пѣлъ

неаполитанскія пѣсни. закатывая единственный глазъ. Ночь была лунная и дивная. На корму парохода мы принесли боченокъ вина и среди пляски дикихъ и какой-то борьбы мой Waterman выскользнулъ изъ кармана и прыгнулъ въ глубь Чернаго моря.

Sit tibi aqua lervis!

Какой хорошій сюжетъ для артистической ре-кламы.

Но вотъ, что значить старая записная книжка съ ея воспоминаніями. Вмѣсто фактовъ, съ страницъ ея слетаютъ такія неожиданныя мелочи, какъ папаха и перо.

Здѣсь, черезъ разлившуюся Кубань, съ помощью одного парома ген. Корниловъ сумѣлъ переправить всю армію и весь обозъ. Это былъ необычайно дерзкій опытъ, который удался, но забота о раненыхъ не дала использовать этой неожиданности.

Какъ я писалъ, мы вышли на западъ отъ Екате-ринодара въ то время, какъ насъ ждали съ юга или съ востокъ. Ударъ всеми силами безъ сомнѣнія покончилъ бы съ большевицкимъ гнѣздомъ, но ген. Корниловъ не могъ не опасаться удара сзади по обозу съ ранеными и оставилъ Марковскую бригаду почти цѣликомъ на лѣвомъ берегу Кубани для его прикрытія.

Бригада Богаевского, части Покровскаго и кон-ница, бывшая подъ командованіемъ Эрдели, Глазе-напа, Улагая обрушилась на большевиковъ и въ первый же день, безъ отдыха, прогнала большеви-ковъ въ самый Екатеринодаръ. Если бы съ нами была блестящая бригада Маркова (I-й офицерскій, потомъ ген. Маркова, полкъ и I-й кубанскій, потомъ ген. Алексѣева, полкъ.), нѣтъ сомнѣнія въ томъ,

что сопротивление было бы сломлено и мы вошли бы въ долгожданный Екатеринодаръ.

Но ген. Корниловъ имѣлъ всѣ основанія думать, что нападеніе на нашъ тылъ вполне возможно и предоставить самимъ себѣ раненыхъ и больныхъ онъ не могъ. Въ этомъ-то и заключалась вся трудность маневрированія. Если бы наши вожди имѣли дѣло съ другимъ врагомъ, то несомнѣнно можно было-бы рискнуть, но оставлять ихъ на жесточайшую расправу и избиеніе было невозможно. Впрочемъ скоро опытъ, къ сожалѣнію, показалъ намъ справедливость этой мѣры.

Паромъ, переправлявшій насъ, подымалъ человѣкъ 40, тянули его, конечно, руками и, несмотря на это, переправа прошла блестяще. Въ Елисаветинской, богатой станицѣ, мы застали бодрое и веселое настроеніе. Забыты были всѣ тягости похода. Было совсѣмъ жарко и даже вши были не до такой степени отвратительны.

Здѣсь была объявлена кубанскимъ атаманомъ и ген. Корниловымъ мобилизація, на которую очень бодро отозвалось населеніе, къ сожалѣнію не оказавшееся устойчивымъ.

Настроеніе было таково, что въ своей записной книжкѣ отъ 28 марта я уже вижу слова: „Взятіе Екат., благ. молебенъ. Послѣдній день 47 дней“.

Дѣйствительно, раненые, которыхъ привезли изъ самаго Екатеринодара, сообщили, что онъ уже взятъ. Священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ, мы выпили мѣстнаго пива въ погребкѣ у казака Кабанца и вечеромъ я уже мечталъ о послѣднемъ днѣ, о сорокъ седьмомъ днѣ испытаній. Но передъ нами стояли новыя разочарованія и еще было 24 дня, которые вновь привели насъ на Донъ.

На другой день стрельба съ утра доказала намъ, что надежды наши были напрасны. Бой продолжался. Я утромъ пошелъ въ штабъ, находившійся въ 11 верстахъ у фермы сельско-хозѣйственнаго общества въ пяти верстахъ отъ Екатеринодара. Дорога, сначала уходившая отъ рѣки, въ концѣ привела меня къ рощѣ на самомъ берегу Кубани, на ея высокомъ берегу. Здѣсь-же, въ только что начинавшейся зелени, находился маленькій домикъ фермы, гдѣ находился Корниловъ и гдѣ онъ былъ позже убитъ.

Отсюда открывался прекрасный видъ. Весь Екатеринодаръ былъ видѣнь; направо, внизу, бѣжала извилистая, мутная, какъ сами казаки ее называютъ, Кубань.

Въ рощѣ еще лежали неприбранные трупы убитыхъ большевиковъ. Одного изъ нихъ я хорошо помню. Это былъ здоровый черноусый парень съ прострѣлянной головой; на немъ была матроская фуфайка подъ курткой (голландка) и на рукѣ былъ выжженъ порохомъ якорь. Почему этотъ матросъ долженъ былъ погибнуть въ этой прозрачной весенней рощѣ? Какая ненависть увлекла его въ эту борьбу? На дорогѣ я видѣлъ еще два трупа. Одинъ былъ „нашъ“. Молодой солдатъ, которому чья-то заботливая рука прикрыла глаза... Онъ лежалъ у обочины дороги, руки ему скрестили и лицо его было загадочное и торжественное. Недалеко отъ дороги была убита въ тотъ же день сестра милосердія. Я, помню, издали замѣтилъ ея бѣлую повязку и мнѣ только позднѣе рассказали о ея случайной гибели отъ шального снаряда.

Въ нашемъ походѣ, такъ непоходившемъ на все, что было раньше, были женщины и въ строю и

многія изъ нихъ погибли. Эти героическія дѣвушки не мирились съ работой въ тылу и рвались въ бой. Кажется, это была мысль Керенскаго, этого изнѣженнаго и истерическаго человѣка, принимать въ военныя училища женщинъ и производить ихъ въ офицеры. Кромѣ того былъ цѣлый женскій батальонъ. Лѣтомъ 1917 года, къ большой потѣхѣ зѣвакъ, онѣ обучались строю передъ Инженернымъ замкомъ и въ ночь большевицкаго выступленія онѣ вмѣстѣ съ юнкерами героически защищали Зимній Дворецъ, гдѣ засѣлъ самъ Керенскій и его министры, среди которыхъ все еще есть люди, стремящіеся играть главную роль, пока въ эмиграціи.

Но тотъ-же верховный главнокомандующій, военный министръ, глава правительства, подло ихъ предалъ и удралъ изъ Зимняго Дворца, а несчастныя дѣвушки были отданы и разведены по казармамъ торжествующей солдатчинѣ, вволю насмѣявшейся надъ ними и надругавшейся.

Среди этихъ женщинъ воительницъ на походѣ отличалась прапорщикъ баронесса Бодэ. Смѣлости ея не было границъ. Это была маленькая хорошенькая барышня, институтка, удравшая на фронтъ, потомъ поступившая въ Московскій юнкерское училище и блестяще кончившая его временные курсы. Кромѣ смѣлости, она отличалась и жестокой рѣшимостью, свойственной женщинамъ. Какъ дико было слушать въ разказахъ этой молоденькой дѣвушки (ей было лѣтъ 20) слово „убить“. Она и не только говорила.

Она погибла подъ Екатеринодаромъ, во время лихой, но все-же не приведшей къ желаемому результату, конной атаки, въ такъ называемыхъ „Садахъ Екатеринодара“.

Подъ ней была убита лошадь, но она пѣшкомъ бросилась за своими и была тяжело ранена или убита. Черезъ полъ года ея тѣло было найдено и съ почестями похоронено въ Екатеринодарѣ, уже во время второго побѣднаго Кубанскаго похода.

Женщина-воительница не рѣдкость въ русской военной исторіи. Не даромъ прославилась въ Наполеоновскіе годы знаменитая „кавалеристъ-дѣвица“, интересная писательница Дурова, до конца старыхъ дней своихъ, съ особаго разрѣшенія, сохранившая мужской костюмъ. Изъ ея потомковъ, вѣрнѣе внучатыхъ племянниковъ, такъ какъ „кавалеристъ-дѣвица“, проведшая чуть ли не десять лѣтъ подъ видомъ мушины, осталась дѣвицей, прославилась, какъ это не странно, величайшій русскій клоунъ — Анатолій Дуровъ. Правда, это былъ безусловный талантъ, находчивость котораго и злой языкъ не рѣдко заставляли царскія и даже нѣмецкія „kaiserliche königliche“ власти высылать его. Его интереснѣйшія записки были напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и свидѣтельствуютъ о блестящемъ дарованіи этого шута-джентльмэна. Я лично, встрѣчался съ нимъ, когда онъ уже былъ далеко не молодъ, но трудно было устоять передъ его разительнымъ и почти всегда злымъ веселіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ участія женщинъ въ войнѣ можетъ быть рѣшенъ только исключительно отрицательно, но есть удивительныя исключенія... И великая война на русскомъ фронтѣ, и гражданская не разъ доказывали это, но нуженъ былъ женственный, въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова, нравственный и физическій обликъ Керенскаго, похожаго физически на старую слабую бабу, экспансивнаго, нерѣшительнаго, раздражающагося

пугливаго и трусливаго, какъ истеричка, чтобы ввести подвигъ отдѣльныхъ исключительныхъ женщинъ, какъ устои не то военной Россіи, не то „великой“ русской революціи. Впрочемъ, 26-го октября онъ въ нихъ разочаровался и бросилъ ихъ на поруганіе краснымъ солдатамъ и бѣжалъ къ казакамъ, которыхъ за мѣсяць передъ этимъ тоже хотѣлъ предать.

Вездѣ, гдѣ не тронешь, видна грязная рука этого слюняваго эпилептика.

Большевизмъ намъ далъ женщину-разбойника, удивительную, такъ называемую, Марусю Никифорову. Она была легендарна по своей жестокости и вліянію на свою шайку. Какимъ-то образомъ ей удалось собрать вокругъ себя озвѣрѣвшихъ людей и съ ними она выкидывала удивительныя вещи. Я былъ въ одной донской станицѣ (въ Кагальницкой) вскорѣ послѣ ея разгрома Марусей. Она выжгла ее и сожгла обѣ церкви. Одну, деревянную, она сожгла до тла; другую, каменную, она не могла сжечь. Тогда она приказала набить церковь соломой, полила ее керосиномъ и выжгла всю внутренность ея, такъ что куполь обвалился и осталась изувѣченная колокольня и обгорѣвшія стѣны. Я видѣлъ эту ужасную церковь. Во время пожара, какъ рассказывали мнѣ старики, Маруся безумствовала. Всѣ казаки передъ наступленіемъ большевиковъ покинули станицу (это было во время весенняго донского возстанія 1918 года), остались лишь женщины, дѣти и старики. Священника одной церкви она разстрѣляла, а когда горѣла каменная церковь, эта фурія, некрасивая, толстая, ходила съ папиросой въ зубахъ и нагайкой разгоняла толпу женщинъ, сбѣжавшихся тушить пожаръ храма.

— „Что перепугались, дѣвки, что вашъ публичный домъ горитъ“, приговаривала она. Я не смѣю, конечно, повторять тѣ выраженія, которыми она пользовалась.

Кончилась ея карьера тѣмъ, что комиссары нашли, что она уже больше не нужна для „углубленія“ революціи; она стала уже слишкомъ самостоятельной и, разрушая христіанскія церкви, не прочь была пограбить и евреевъ. Ей пришлось бѣжать. Она мирно скрывалась въ Севастополѣ со своимъ любовникомъ, гдѣ ее открыли, судили и повѣсили уже въ 1919 году.

* * *

Въ той-же роцѣ находился и ген. Алексѣевъ со своимъ штабомъ. Ген. Корниловъ, по природѣ своей человѣкъ желѣзной воли и рѣшимости, не могъ терпѣть и намека на двоевластіе и ген. Алексѣеву на походѣ было отведено почетное мѣсто совѣтника. Въ будущемъ ему предназначалась роль руководителя политическаго, такъ какъ Корниловъ не считалъ себя въ силахъ воевать и управлять. Между обоими штабами было извѣстное недоброжелательство, такъ какъ Алексѣевъ немедленно уступилъ власть Корнилову, видя его популярность вождя въ войскахъ, а въ штабѣ ген. Корнилова всѣ какъ-то побаивались старика, какъ его называли, что слишкомъ часто подчеркивалъ ген. Романовскій, кстати, никогда не пользовавшийся симпатіями въ арміи.

Эта недоброжелательность иногла остро чувствовалась и производила тяжелое впечатлѣніе. Но штабы всегда останутся штабами.

Ген. Алексѣевъ, не вмѣшиваясь въ распоряженія Корнилова, не могъ всетаки усидѣть въ Елисаветинской станицѣ и ежедневно ѣздилъ въ рошу при фермѣ, гдѣ я его засталъ.

Мы стояли на высокомъ берегу Кубани на опушкѣ лѣса и слѣдили за нашими частями, уже мѣстами ведшими бой на самыхъ окраинахъ города. Большевицкая растерянная артиллерія не жалѣла снарядовъ, но стрѣльба была отвратительная. Снаряды, или рвались высоко въ воздухъ, или били по водѣ, гдѣ испуганно шуршали, послѣ каждой шрапнели, камыши.

30-го марта, у той же фермы, выяснилось, что побѣда, если и дастся намъ, то со слишкомъ большимъ трудомъ. Запасовъ снарядовъ у насъ почти не оставалось и артиллерійскій офицеръ съ отчаяніемъ показывалъ мнѣ на неполный ящикъ, все достояніе его батареи. Стрѣляла наша артиллерія великолѣпно, о чемъ свидѣлствуютъ потери большевиковъ. Наша пѣхота, утомленная непрерывными боями, дѣлала чудеса, но не имѣла резервовъ, а къ большевикамъ подходили все новыя и новыя части.

Послѣ неуспѣшнаго дѣйствія нашей конницы, большевицкому командиру Сорокину, фельдшеру съ безусловно военными дарованіями, удалось подвести большія подкрѣпленія. Кромѣ того, вновь набранныя наши кубанскія части были совершенно неустойчивыя. Если судить по потерямъ, нельзя не увидѣть, что наша армія дралась удивительно, особенно, принимая во вниманіе крайній недостатокъ въ снарядахъ. Сами большевики признали, что во время осады Екатеринодара они потеряли до 14 000 человѣкъ. Наши атакующія части потеряли около 1200—1500 человѣкъ. Но упорство Сорокина спасло

тогда красный Екатеринодаръ, да, можетъ быть, и нашу армію. Ген. Деникинъ былъ противъ послѣднихъ штурмовъ. Наша армія была слишкомъ ослаблена потерями и могла, даже въ случаѣ побѣды, быть окруженной и уничтоженной въ Екатеринодарѣ. Но объ этомъ я судить не берусь.

Къ вечеру 30-го выяснилось, что побѣда отдалается отъ насъ, однако, къ утру 31-го марта былъ рѣшенъ послѣдній штурмъ.

30-го марта, во главѣ Корниловскаго ударнаго*) полка былъ убитъ его командиръ доблестный полк. Нѣжинцевъ. Послѣдній былъ первымъ и обожаемымъ командиромъ полка и смерть его произвела тяжелое впечатлѣніе. На его мѣсто Корниловъ назначилъ полк. Кутепова, бывшаго тогда помощникомъ командира офицерскаго полка.

Въ тотъ-же день раненъ былъ кубанецъ полк. Улагай, очень популярный офицеръ среди казаковъ. О немъ позвольте рассказать со словъ Т. Энгельгардтъ.

Ее, какъ сестру милосердія, съ докторомъ Кельинымъ (нынѣ скончавшимся), личнымъ врачомъ ген. Алексѣева, вызвали къ тяжело раненому въ животъ, котораго должны были привести. Они ждали повозки, но вмѣсто этого къ нимъ подъѣхалъ верхомъ офицеръ, сидѣвшій по дамски, закинувъ налѣво правую ногу. Почти безъ помощи онъ слѣзъ съ коня. Это и былъ Улагай. Онъ не хотѣлъ ѣхать въ повозкѣ, уступивъ ее другимъ раненымъ, и объяснилъ свою посадку тѣмъ, что такъ удобнѣе зажать

*) Идея ударныхъ батальоновъ была проведена въ жизнь Корниловымъ еще въ великую войну. Былъ образованъ „Корниловскій“ батальонъ, а потомъ и полкъ.

рану. Во время извлеченія пули и перевязки, безъ всякихъ хлороформовъ, онъ не испустилъ ни одного стона и только просилъ папиросы.

Когда я вернулся въ Елисаветинскую поздно вечеромъ, мечты о скорой побѣдѣ поблекли, маленькая армія исходила кровью, разбиваясь о все прибывавшіе резервы и будущее казалось опять необычайно тяжелымъ.

Страшный ударъ ждалъ насъ на другой день 31-го марта, такъ памятный намъ. Въ ночь на 31-е марта (съ 12 на 13 Апрѣля) былъ убитъ ген. Корниловъ.

СМЕРТЬ КОРНИЛОВА.

13-го апрѣля 1918 года.

Это былъ страшный день. Утромъ меня вызвалъ маленькій морячекъ Поздѣевъ, бывшій въ штабѣ ген. Корнилова. Онъ былъ всѣмъ несимпатиченъ и его появленіе у насъ (причемъ онъ вызвалъ только меня) насъ удивило. Со страхомъ и испуганными глазами онъ сообщилъ мнѣ шепотомъ, что Корниловъ убитъ, что пока нельзя никому объ этомъ говорить. Этотъ человѣкъ и въ этотъ ужасный день не могъ измѣнить себѣ и по своему счастливъ былъ первымъ рассказать трагическую новость. Штурмъ былъ отложенъ и ген. Алексѣевъ назначилъ главнокомандующимъ арміей генерала Деникина.

Первое время старались скрыть отъ арміи роковое извѣстіе. Говорили, что онъ тяжело раненъ, но къ вечеру всѣ знали, что Корнилова больше нѣтъ.

Какъ я уже говорилъ, ген. Корниловъ занималъ маленькій домикъ фермы, находившейся на высокомъ берегу Кубани. Отсюда шелъ спускъ къ городу и домикъ стоялъ окнами въ сторону Екатеринодара, т. е. врага. Корнилову указывали на опасность, грозящую ему. Бѣлый домикъ, совершенно открытый въ этотъ періодъ года, не могъ не привлекать вниманія красныхъ артиллеристовъ. До сихъ поръ

судьба была милостива и плохая стрельба большевиковъ не давала результатовъ. Поэтому-то и удивительна эта страшная случайность.

Въ ночь съ 30-го на 31-е марта (12 на 13-е апрѣля новаго стиля) ген. Корниловъ не спалъ. Онъ, какъ говорятъ, очень волновался за судьбу назначеннаго къ утру штурма Екатеринодара.

Большевицкая артиллерія и ночью не прекращала огня, изрѣдка, и больше наугадъ, посылая снаряды въ нашу сторону.

Ночью Корниловъ занимался въ своемъ домикѣ. Состоялъ онъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Комната, гдѣ стояла койка Корнилова, была очень маленькая, насколько помнится мнѣ, не болѣе 12 кв. аршинъ. Въ ней, кромѣ койки, былъ столъ и одинъ стулъ.

Ген. Корниловъ былъ не одинъ, съ нимъ были его два адъютанта — поручикъ Долинскій и красивый текинecъ, корнетъ Резакъ-ханъ, щеголявшій на походѣ, съ чисто восточной ухваткой, своими чересками и башлыками.

Генераль, поговоривъ съ ними, сѣлъ на кровать и собрался поспать немного. Какъ только онъ легъ лицомъ къ стѣнкѣ, шальная граната ударила въ низъ стѣнки, пробила ее и разорвалась подъ самой кроватью.

Какъ это не странно, оба офицера, бывшіе тутъ-же, даже не были ранены, если не считать мелкихъ царапинъ отъ обсыпавшейся штукатурки. Когда, черезъ мгновеніе, они пришли въ себя, они увидѣли въ пыли и дыму лежавшаго замертво ген. Корнилова. Они быстро подняли его и съ помощью текинцевъ, личной охраны ген. Корнилова, вынесли его изъ дома. Изъ боязни, что обстрѣлъ будетъ продолжаться,

они отнесли его немного правѣе къ берегу Кубани и здѣсь положили на землю и стали искать рану.

Корниловъ тихо вздохнулъ и умеръ.

На немъ не было никакой серьезной раны. Какъ выяснилось позднѣе, взрывомъ его бросило о стѣнку комнаты и онъ убитъ былъ отъ контузiи, а не отъ осколка снаряда.

Такъ погибъ на своемъ посту великій русскій патріотъ, человекъ, всю жизнь свою посвятившій своей Родинѣ, убитый шальнымъ снарядомъ, направленнымъ рукой русскаго.

Человекъ, который сотни разъ безстрашно рисковалъ своей жизнью, погибъ отъ случайнаго снаряда. Такова бываетъ странная человѣческая судьба.

Вся жизнь Корнилова была служеніемъ и подвигомъ. Забайкальскій казакъ, сынъ простаго казака, онъ окончилъ корпусъ въ Сибири и пѣхотное юнкерское училище. У него не было никакой „протекціи“ и никакихъ средствъ, кромѣ мизернаго офицерскаго жалованія. Уже въ Академіи Генеральнаго Штаба, онъ обратилъ на себя вниманіе блестящими способностями. Кончивъ ее, онъ не пошелъ по той дорожкѣ, которая, къ сожалѣнію, вырыла такую бездну между рядовымъ офицерствомъ и такъ называемыми „генштабами“.

По своей натурѣ, бурной и ищущей кипучей дѣятельности, онъ переводится въ Среднюю Азію и тамъ, зная прекрасно мѣстные языки (онъ зналъ 9 языковъ), онъ, переодѣтымъ, совершаетъ глубокую рѣзвѣдку въ китайскомъ Памирѣ съ двумя вѣрными текинцами. Его внѣшность, его монгольскіе маленькіе глаза, плоскій носъ, прекрасное знаніе языка и обычаевъ помогаютъ ему исполнить задачу, выдуманную имъ самимъ и онъ возвращается съ не-

обычайно цѣннымъ матеріаломъ, не оставивъ слѣда подозрѣній ни среди Китайцевъ, ни Афганцевъ, ни подозрительныхъ Англичанъ. Это и выдвинуло молодого офицера.

Позвольте мнѣ уступить мѣсто его болѣе опытному біографу. — Въ 1895 году Лавръ Георгіевичъ Корниловъ поступаетъ въ Академію Генеральнаго Штаба и оканчиваетъ оную въ 1899 году. По окончаніи академіи возвращается въ Туркестанъ. Причисленъ къ Генер. Штабу. Въ Туркестанѣ попадаетъ въ распоряженіе извѣстнаго изслѣдователя Азіи генерала Іонова. Отъ послѣдняго узнаетъ о существованіи неизслѣдованной афганской крѣпости Дейдады, сильно охраняемой афганцами отъ европейцевъ. Пользуясь хорошимъ знаніемъ афганскаго языка, Л. Г. беретъ трехдневный отпускъ и, передѣтый афганцемъ, проникаетъ, съ рискомъ для жизни, въ укрѣпленный лагерь, снимаетъ кроки и представляетъ ихъ ген. Іонову.

Въ 1899 году Л. Г. посылается въ Кашгарію (за Тянь-Шань). По возвращеніи оттуда, имъ издается книга „Кашгарія или Восточный Туркестанъ“.

Въ 1901 году Л. Г. К. командированъ въ мало изслѣдованную восточную Персію.

Въ 1903 году Л. Г. К. командировается сначала въ Индію и оттуда въ Австрію.

Вспыхиваетъ Японская война, куда онъ идетъ добровольно, противъ желанія начальства, въ качествѣ начальника штаба 1-й стрѣлковой бригады.

25-го февраля 1905 году у д. Вазые онъ выводитъ при крайне тяжелыхъ условіяхъ изъ японскаго окруженія, вслѣдствіе потери команднаго состава, — одинъ изъ полковъ своей бригады, принявъ надъ нимъ начальство, — спасая тѣмъ полкъ и знамя,

за что и награжденъ знакомъ ордена св. Георгія 4-й степени.

Въ 1907 году Л. Г. К-овъ получаетъ назначеніе военнымъ агентомъ въ Китай, гдѣ блестяще выполняетъ возложенныя на него обязанности, оставаясь на должности до 1911 года.

Въ 1911 году Корниловъ, сдавъ должность, совершаетъ въ 6-ти мѣсячный срокъ переходъ верховъ изъ Пекина до Ташкента.

Великая война застаётъ его генераломъ, командующимъ 48-й дивизіей.

Въ 1915 году Л. Г. К-овъ прикрываетъ арьергардомъ отступленіе 24-го корпуса, гдѣ и раненъ 28-го апрѣля въ руку съ раздробленіемъ кости, оставаясь въ строю. 29-го апрѣля, выведя свою дивизію изъ крайне тяжелаго положенія, оставаясь съ Рымницкимъ полкомъ для прикрытія движенія остальныхъ частей дивизіи, Л. Г. К-овъ, тяжело раненый въ ногу, въ безсознательномъ состояніи, вмѣстѣ съ 5-ю солдатами попадаетъ въ австрійскій плѣнъ.

По взятіи въ плѣнъ, Л. Г. К-овъ былъ отправленъ въ концетраціонный лагерь въ Neulembach, гдѣ пробылъ около полугода. Пользуясь разрѣшеніемъ пріобрѣтенія книгъ, Л. Г. сталъ усиленно заниматься изученіемъ языковъ французскаго и особенно нѣмецкаго, читая на этихъ языкахъ главнымъ образомъ военную литературу.

Крайняя замкнутость жизни Л. Г. К-ва и его работа по изученію нѣмецкаго языка вселила въ австрійцахъ подозрѣніе къ нему. Его чаще стало посѣщать лагерное начальство. Особенно раздражалъ своимъ появленіемъ Л. Г. К-ва комендантъ, человекъ грубый, рѣзкій, появлявшійся безъ предупрежденія въ помещеніе Л. Г. К-ва. Одно изъ подобныхъ

посѣщеній вызвало инцидентъ между Л. Г. К-вымъ и выше названнымъ комендантомъ, вслѣдствіи котораго Л. Г. К-овъ былъ переведенъ въ другой лагерь военно-плѣнныхъ, расположенный въ Lapa-Ungarn, лагерь, гдѣ плѣнные содержались болѣе строго и гдѣ наблюденіе было усиленное.

Въ этомъ новомъ лагерѣ особенно живо почувствовалась Л. Г. К-вымъ необходимость скорѣйшаго проведенія въ жизнь, давно задуманнаго рѣшенія — побѣга.

Первый планъ побѣга, при помощи аэроплана, съ знаменитымъ русскимъ летчикомъ Васильевымъ, былъ раскрытъ австрійцами, вслѣдствіе болтливости нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ этого лагеря. Слѣдствіемъ этой неудачи, надзоръ за Л. Г. К-вымъ значительно усилился, принимая подчасъ форму издѣвательства.

Учитывая невозможность бѣгства изъ даннаго лагеря, Л. Г. К-овъ принялся изнурять и истощать свой организмъ голодовкой и одновременно усиленно сталъ жаловаться на болѣзненное состояніе ранъ. Тогда, крайне недовѣрчиво относящіеся къ Л. Г. К-ву, австрійцы приставили къ генералу подкупленнаго ими русскаго солдата изъ военно-плѣнныхъ, въ качествѣ шпиона, ввидѣ денщика. Понявъ цѣли австрійцевъ и убѣдившись въ справедливости своего предположенія, Л. Г. обратились къ своему денщику со словами: „я хочу бѣжать и ты, какъ русскій солдатъ, долженъ мнѣ помочь“. Неожиданность, прямота и довѣріе русскаго генерала подкупили русскаго солдата и послѣ короткаго разговора послѣдній сдѣлался окончательно преданнымъ Л. Г. К-ву и много способствовалъ его бѣгству. Вызванный врачъ, по просьбѣ Л. Г. К-ва, заявилъ о не-

обходимости помѣщенія Л. Г. К-ва въ лазаретъ. Въ лазаретѣ Л. Г. К-въ сталъ усиленно питаться и много заниматься гимнастикой для подготовки организма для труднаго пути предполагаемаго побѣга. Пользуясь услугами австрійскаго чеха Франца Мрняка*), удалось достать одежду австрійскаго солдата и нужные документы. Въ выбранный день побѣга, въ 12 ч. дня, когда наблюдавшій надзиратель вышелъ за обѣдомъ, Л. Г. К-овъ, сбросивъ съ себя офицерскую накидку и фуражку, покрывъ голову солдатской старой папахой, остался въ формѣ русскаго солдата и такъ вышелъ во дворъ лазарета. Здѣсь, смѣшавшись въ толпѣ русскихъ солдатъ-денщиковъ, приносившихъ въ это время обѣдъ своимъ офицерамъ, находящимся въ лазаретѣ, Корниловъ, съ помощью Франца Мрняка, прошелъ во флигель фельдшеровъ, гдѣ былъ заgrimированъ согласно заготовленному отпускнуму билету на имя австрійскаго солдата. Въ такомъ видѣ, при наличіи соответствующихъ документовъ, въ сопровожденіи Франца Мрняка, Корниловъ свободно прошелъ постъ лазаретной охраны. Перебравшись черезъ заборъ, въ указанномъ мѣстѣ, Л. Г. К-овъ со своимъ спутникомъ дошли до вокзала и, сѣвъ въ поѣздъ, добрались до конечной станціи въ направленіи Румыніи и далѣе двигались пѣшкомъ, одѣтые бродягами.

Питаясь ягодами и кореньями, передвигаясь по горамъ, скрываясь въ перелѣскахъ, перенося испытанія, которыхъ къ сожалѣнію не могъ перенести переутомившійся Францъ Мрнякъ**), разставшійся

*) Имя этого героя никогда не умретъ въ русской арміи.

**) Разстрѣлянъ австрійцами.

съ Корниловымъ, Корниловъ достигъ предѣловъ своего желанія на 22-й день скитаній, перейдя румынскую границу.

Переходъ самой границы совершился слѣдующимъ образомъ: достигнувъ къ вечеру одну изъ высотъ, примыкавшихъ къ Румынской границѣ, Л. Г. К-овъ, въ полномъ изнеможеніи, упалъ на землю и рѣшилъ отдохнуть, не имѣя силъ дальше двигаться. Въ это время онъ былъ окруженъ собаками, поднявшими лай. Не имѣя силъ бѣжать и учитывая всю опасность поднятаго собаками шума, Л. Г. К-ву пришлось пережить еще болѣе тяженныя минуты, увидя приближающагося къ нему человѣка. Казалось, все кончено.

Подошедшій человѣкъ оказался мѣстнымъ пастухомъ, который, войдя въ положеніе К-ва, провелъ его въ свою хижину, напоилъ молокомъ и накормилъ, чѣмъ могъ. Корниловъ, видя искреннее расположеніе къ себѣ пастуха, открылъ ему свое желаніе проникнуть въ Румынію. Пастухъ рассказалъ Корнилову обычаи и предѣлъ охраны, указавъ ему на мѣсто, дойдя до котораго, часовые поворачивались другъ къ другу спиной и расходились обратно, а также и путь по которому можно пройти незамѣтно къ этому мѣсту. Провѣривъ всѣ эти указанія въ дѣйствительности, Л. Г. К-овъ использовалъ указанный путь и приблизился къ намѣченному мѣсту перехода границы и, дождавшись момента, собравъ свои послѣднія силы, бросился бѣжать. Бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не упалъ, потерявъ сознаніе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что окруженъ румынскими солдатами. Но и тутъ, Л. Г. К-ву нужно было быть крайне осторожнымъ ввиду взаимоотношеній Россіи съ Румыніей. Л. Г. Корниловъ былъ

направленъ въ сосѣдную деревню и присоединенъ къ другимъ русскимъ солдатамъ-перебѣжчикамъ, послѣ чего Л. Г. К-овъ вмѣстѣ съ другими перебѣжчиками былъ отправленъ въ Турнь-Северинъ къ морскому русскому агенту. Въ Румынію Л. Г. К-въ прибылъ на слѣдующій день послѣ объявленія послѣдней войны Австріи. По дорогѣ въ Турнь-Северинъ Корниловъ почувствовалъ себя хуже и, боясь приближенія смерти, открылъ свое инкогнито солдату 48-й дивизіи, подѣ честнымъ словомъ невыдачи секрета, пока того не потребуетъ обстановка.

По прибытіи въ Турнь-Северинъ, перебѣжчики были приняты русскимъ морскимъ агентомъ и отпущены. Л. Г. К-овъ испросилъ частной аудіенціи агента, въ которой объявилъ, кто онъ. Тогда Л. Г. К-ву были предоставлены возможныя удобства въ смыслѣ помѣщенія и содержанія. Пролежавъ больнымъ въ Турнь-Северинѣ нѣсколько дней, Л. Г. К-въ при первой возможности по состоянію здоровья направился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Корниловъ былъ принятъ Государыней Императрицей Маріей Федоровной, изложивъ всю картину своего бѣгства. Изъ Кіева Л. Г. К-въ проѣхалъ въ Могилевъ, гдѣ представлялся Государю Императору, былъ приглашенъ къ высочайшему столу и обласканъ Царемъ. На вопросъ Государя, сколько времени потребуется генералу для отдыха, Корниловъ попросилъ только разрѣшенія повидаться съ семьей въ Петроградѣ, послѣ чего ему былъ предоставленъ трехъ мѣсячный отпускъ, имѣ далеко до конца не использованный.

* * *

Я хорошо помню, какой восторгъ вызвало его возвращеніе въ Россію и въ армію, но по какимъ-то обстоятельствамъ ему не дали особаго хода. Потомъ

говорили, что его всегда подозревали въ нѣкоторой „революціонности“ и боялись его популярности. Кромѣ того, онъ, будучи блестящимъ офицеромъ Генеральнаго Штаба, не былъ изъ касты „Генштаба“, этого полумасонскаго ордена.

Съ начала революціи Гучковъ, первый военный министръ Временнаго революціоннаго правительства, назначаетъ его главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ. Но распущенная солдатня не его стихія, онъ просится на фронтъ. Все общественное мнѣніе только и гоаоритъ о ген. Корниловѣ. Въ немъ видятъ спасителя арміи отъ разложенія. Его назначаютъ командующимъ арміей и верховнымъ главнокомандующимъ послѣ Брусилова.

Въ это время Керенскій уже царь и богъ и военный министръ. Жалкій человѣчишка уже видитъ въ немъ врага. Случайный, трусливый, подлый властитель встрѣчаетъ на своей дорогѣ честнаго, черезчуръ прямого, настоящаго вождя — Корнилова. Его трусливому мозгу ничего не представляется, кромѣ провокаціи; съ помощью В. Н. Львова, министра вѣроисповѣданій, б. члена Думы и человѣка, не отличающагося никакими способностями, съ необычайной наивностью довѣрившагося ему, провокація удается и, когда Корниловъ, дѣйствительно нѣсколько необдуманно, но довѣряя все еще Керенскому, выступаетъ противъ Петрограда и Совѣтовъ, погубившихъ Россію, онъ объявленъ измѣнникомъ и бунтовщикомъ. Неважный адвокатъ и жалкій трусъ побѣдилъ героя.

Въ моей характеристикѣ г. Львова нѣтъ ничего лишняго. Самъ онъ, читая свою лекцію о Корниловѣ и Керенскомъ въ Парижѣ, заявилъ, что послѣ его, Львова, подвига, ему осталось только объявить себя

психически больнымъ. Взрывъ хохота удовлетворилъ самодовольнаго лектора.

Корнилова заточаютъ въ Быховъ около Могилева. Керенскій становится верховнымъ главнокомандующимъ русской арміи. Этотъ глупый и вообще необразованный человѣкъ, нравившійся толпѣ своей истерикой, начинаетъ думать, что если отецъ Наполеона былъ адвокатъ, почему-бы адвокату не быть Наполеономъ.

Дальнѣйшее извѣстно.

Корниловъ вновь бѣжитъ изъ плѣна, на этотъ разъ русскаго, со своими текинцами, молвившимися на него и пробирается въ армію, организуемую ген. Алексѣевымъ на Дону.

Видя, что ему не пробиться силой, не желая вести на гибель своихъ текинцевъ, онъ распускаетъ ихъ и, переодѣвшись крестьяниномъ, смѣшавшись съ солдатней, идущей покорять Донъ, онъ, 6-го декабря 1917 года, приѣзжаетъ въ Новочеркасскъ и вскорѣ становится во главѣ Добровольческой Арміи.

Изъ этой краткой біографіи вы видите, что это былъ за человѣкъ. Сынъ народа, онъ отдалъ душу свою за спасеніе этого народа, убитый невидимымъ русскимъ человѣкомъ.

Но эта преступная рука была кѣмъ-то направлена и нѣтъ сомнѣнія, что первымъ, кто занялся приготовленіемъ его гибели, былъ Керенскій.

* * *

Съ ген. Корниловымъ я встрѣчался нѣсколько разъ до похода и на походѣ.

Впервые я увидѣлъ его на знаменитомъ Московскомъ Совѣщаніи въ Большомъ Театрѣ.

Тогда государственно-мыслящая Россія дала свой послѣдній бой разрушителямъ. Побѣда безусловно была на сторонѣ первой, а Керенскій, видя что власть ускользаетъ изъ его слабыхъ и нечистыхъ рукъ, прибѣгнулъ къ провокаціи.

Я сидѣлъ за кулисами въ день пріѣзда ген. Корнилова въ Москву и мнѣ было видно то помѣщеніе, въ которомъ, за закрытыми дверьми, засѣдали министры и ген. Корниловъ. Громадная зала прекраснаго театра была переполнена и нетерпѣливо шумѣла въ ожиданіи появленія Корнилова и Керенскаго.

Въ партерѣ сидѣли всѣ политическіе дѣятели всякихъ оттѣнковъ, отъ октябристовъ и націоналистовъ, до полускрытыхъ большевиковъ.

Въ ложахъ сидѣли генералы Алексѣевъ, Калединъ, представители казачества и рядомъ съ ними члены солдатскихъ комитетовъ, въ громадномъ своемъ количествѣ недисциплинированная, наглая, озлобленная чернь, среди которыхъ выдѣлялись особымъ шикомъ и элегантностью вольноопредѣляющіеся изъ евреевъ.

Тутъ-же сидѣли и всѣ корифеи революціи: Чайковскій, „бабушка“ революціи Брешко-Брешковская, „дѣдушка“ Крапоткинъ, Засуличъ и др.

Въ большой царской ложѣ сидѣли представители союзныхъ миссій, съ любопытствомъ разсматривая эту необычайную толпу.

Изъ моего уголка, между двумя занавѣсами, гдѣ обыкновенно сидитъ помощникъ режиссера, я хорошо видѣлъ, какъ открылась дверь и сцену пересѣкъ ген. Корниловъ.

Раздались бѣшеные аплодисменты. Корниловъ быстро поднялся и вошелъ въ литерную ложу, напротивъ той, гдѣ сидѣли корифеи и реликвиіи ре-

волюціи. Почти весь партеръ всталъ и привѣтствовалъ Главнокомандующаго — надежду Россіи. Въ ложахъ стояли генералы и офицеры и гнусна была картина развалившихся солдатъ, членовъ комитетовъ, на бархатѣ ложъ и представителей рабочихъ совѣтовъ, чаще всего ничего общаго съ рабочими не имѣвшими.

Долго не прекращались апплодисменты, а въ это время я видѣлъ, какъ Керенскій не рѣшался выйти, ожидая когда окончатся манифестаціи въ честь Корнилова.

Послѣ солдата, увѣреннаго въ себѣ, совѣщаніе должно увидѣть даже не актера, а фигляра.

Онъ стоялъ въ готовой наполеоновской позѣ, запустивъ правую руку за обшлагъ своего френча (онъ же былъ военнымъ министромъ) и отбросивъ лѣвую назадъ. Наконецъ стихли рукоплесканія и, наклонивъ голову, онъ быстро, какъ въ холодную воду, бросился на эстраду и остановился у кресла, возглавлявшаго столъ министровъ около трибуны.

Комитетчики, совѣтчики и часть партера и публики на хорахъ и, чаще всего кудрявая, часть прессы, зааплодировала. Керенскій поклонился и сдѣлалъ знакъ рукой.

— „Объявляю засѣданіе открытымъ“, сказалъ онъ и сѣлъ въ кресло и тотъ-часъ-же два молодыхъ офицера, одинъ морякъ весь въ бѣломъ, другой прапорщикъ въ защитномъ цвѣтѣ, замерли съ боковъ его кресла.

— „Это не адъютанты, а шафера какіе-то“, замѣтилъ кто-то.

Я, къ сожалѣнію, не знаю, кто были эти два лакействующихъ „офицера“, но, въ послѣдствіи, имъ указали, что это не совмѣстимо со званіемъ офицера

и они уже не были (и зачѣмъ это нужно было) какими-то идиотскими парными часовыми, а просто остались у Керенскаго на побѣгушкахъ.

Господинъ военный министръ любилъ почетъ, но по своей безтактности *ragueni*, и по своему невѣжеству даже въ мелочахъ военного дѣла, онъ свою страсть проявлялъ крайне глупо.

На этомъ совѣщаніи и Корниловъ, и Алексѣевъ, и Калединъ настаивали на введеніи строгой дисциплины, смертной казни за дезертирство и попытки брананія.

Среди социалистическихъ министровъ обращалъ на себя вниманіе наглый циммервальдіецъ и пораженецъ Черновъ, миллионеръ Терещенко, поцѣловавшій туфлю новаго папы, блѣдный, сосредоточенный Церетелли съ горящими глазами, который тогда дѣлилъ Россію, а нынѣ проспалъ Грузію. Тутъ же были Кокошкинъ и Шингаревъ, которыхъ черезъ полъ года зарѣзали тѣ же самые совѣты, противъ которыхъ не смѣлъ выступить, такъ благополучно существующій, Керенскій.

Совѣщаніе кончилось черезъ два дня истерической рѣчью Керенскаго — этого паяца, который грозилъ, что онъ „вырветъ какіе-то цвѣты изъ своего сердца и растопчетъ ихъ“. Съ какой-то дамой сдѣлалось дурно изъ страха за Керенскаго. Это и былъ послѣдній публичный триумфъ его. Его увели вѣрные „шафера“ совершенно разбитымъ.

Черезъ нѣсколько дней нѣмцы взяли Ригу, а потомъ разыгралась „небывалая провокація“, приведшая Корнилова въ тюрьму, Керенскаго къ посту Главнокомандующаго и Россію къ большевизму.

* * *

Я видѣлъ нѣсколько разъ Корнилова въ Новочеркасскѣ. Въ своемъ пиджачкѣ онъ совсѣмъ имѣлъ незначительный видъ и въ немъ трудно было узнать главнокомандующаго. Въ первый разъ, въ полутемномъ номерѣ гостиницы, я его принялъ за какого-то просителя. Онъ былъ изъ тѣхъ типичныхъ военныхъ, которые никакъ не могутъ привыкнуть носить штатское платье.

Алексѣевъ въ штатскомъ походилъ на купца-гостинодворца, Деникинъ на прасола, а Корниловъ имѣлъ видъ человѣка, одѣвшаго платье съ чужого плеча.

Я видѣлъ какъ-то разъ его передъ свиданіемъ его и ген. Алексѣева съ Савинковымъ. Говорили, что генераль на отрѣзъ отказался видѣть его, но это оказалось не такъ.

Онъ говорилъ безъ всякой злобы о Савинковѣ, но съ отгѣнкомъ нѣкотораго, если не презрѣнія, то высокомерія.

Онъ считалъ, что разъ Савинковъ и Филоненко, тогда неразрывные друзья, не могли не измѣнить ему, трудно было имъ теперь повѣрить.

Тогда-то, одинъ изъ этой пары сказалъ: „Корниловъ долженъ быть казненъ, но когда это случится, прійдя на могилу, принесу ему цвѣты.“

Въ разговорѣ, какъ-то, я упомянулъ объ этой фразѣ. Корниловъ устало отмахнулся отъ этого воспоминанія и перевелъ разговоръ на ту, какъ онъ сказалъ, благородную роль, которую сыграла честная русская пресса и въ частности наши газеты „Новое Время“ и „Вечернее Время“. Керенскій, изъ любви къ свободѣ слова, даже закрылъ „Новое Время“, которое было снова открыто по настоянію ген. Алексѣева.

— „Скажите, неожиданно спросилъ онъ, откуда создалась легенда о моей революціонности.“

Мы стали говорить объ этомъ.

Корниловъ, конечно, не былъ правымъ въ томъ смыслѣ, какимъ было большинство дореволюціонныхъ генераловъ. Онъ былъ за народоправство, но дѣлать изъ него какого-то социалиста и революціонера нельзя было. Особенно же разочаровался онъ въ нихъ послѣ своего выступленія и тюрьмы.

Вотъ его краткая программы, какъ она была изложена мнѣ лицомъ, абсолютно вѣрнымъ:

1) Установленіе Правительственной власти, совершенно независимой отъ всякихъ безотвѣтственныхъ организацій, впредь до учредительнаго Собранія.

2) Установленіе на мѣстахъ органовъ власти и суда, независимыхъ отъ самочинныхъ организацій.

3) Война въ полномъ единеніи съ союзниками до заключенія скорѣйшаго мира, обеспечивающаго достояніе и жизненные интересы Россіи.

4) Созданіе боеспособной арміи и организованнаго тыла, безъ политики, безъ вмѣшательства комитетовъ и комиссаровъ и съ твердой дисциплиной.

5) Обеспеченіе жизнѣдѣтельности страны и арміи путемъ упорядоченія транспорта и возстановленія продуктивности работы фабрикъ и заводовъ; упорядоченіе продовольственнаго дѣла привлеченіемъ къ нему кооперативовъ торговаго аппарата, регулируемыхъ правительствомъ.

6) Разрѣшеніе основныхъ государственныхъ, національныхъ и социальныхъ вопросовъ откладывается до учредительнаго Собранія.

Онъ не былъ монархистомъ во что бы то ни стало, ни такимъ же республиканцемъ. Это былъ солдатъ

и патриотъ. Къ сожалѣнію, люди, стоящіе близко къ нему, любили говорить за него и создавали эти „легенды“. Однимъ изъ нихъ былъ такъ называемый „матросъ Федоръ Баткинъ“, который никогда не былъ ни матросомъ, ни Федоромъ, такъ какъ евреевъ не принимали во флотъ, щеголявшій голой грудью и ораторскими способностями.

Надо сказать, что „антуражъ“ ген. Корнилова не прибавлялъ ничего къ его заслуженной популярности. Вспомнимъ Завойку, Добрынского, Баткина и даже начальника его штаба ген. Романовскаго, котораго очень не любили въ арміи.

Въ его внѣшности меня поражали его руки, съ большими пальцами, отогнутыми назадъ. Онъ былъ небольшого роста, но очень хорошо держался, лицо у него было простое и некрасивое, но маленькіе глаза его были очень задумчивые и внимательные и какъ-то грустные.

Рѣдкая улыбка была очень добрая.

Изъ личныхъ краткихъ встрѣчъ съ нимъ на походѣ я запомнилъ мое послѣднее свиданіе на одномъ изъ переходовъ за недѣлю до его смерти, когда онъ любовался на Екатеринодаръ съ горы, окруженный своей свитой.

Журналистовъ на походѣ, кромѣ меня и моего брата А. А. Суворина, не было, если не считать неожиданное появленіе голландца Грондиса, корреспондента „Illustration“. Этотъ необычайно энергичный человѣкъ былъ одно время пулеметчикомъ въ отрядѣ Чернецова и появился неожиданно въ одной изъ станицъ, чтобы такъ же неожиданно исчезнуть.

Грондисъ интервьюировалъ ген. Корнилова на походѣ для своего журнала и вынесъ впечатлѣніе,

впрочемъ какъ и всѣ, кто встрѣчалъ Корнилова, что это прирожденный вождь и водитель.

Ораторъ онъ былъ неважный и въ этомъ онъ много уступалъ, какъ Алексѣеву, такъ особенно блестящему дарованію своего замѣстителя ген. Деникина.

Заканчивая эту главу, я привожу прекрасную рѣчь, сказанную ген. Деникинымъ въ первую годовщину смерти ген. Корнилова:

— „Годъ назадъ русская граната, направленная рукой русскаго челоуѣка, сразила великаго русскаго патріота. Трупъ его сожгли и прахъ разсѣяли по вѣтру.

За что? За то ли, что въ дни великихъ потрясеній, когда недавніе рабы склонились передъ новыми владыками, онъ сказалъ имъ гордо и смѣло: уйдите, вы губите русскую землю!

За то ли, что, не щадя жизни, съ горстью войскъ, ему преданныхъ, онъ началъ борьбу противъ стихійнаго безумія, охватившаго страну, и палъ поверженный, но не измѣнившій долгу передъ Родиной.

За то ли, что крѣпко и мучительно любилъ онъ народъ, его предавшій, его распявшій.

Пройдутъ года и къ высокому берегу Кубани потекутъ тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрожденія Россіи. Придутъ и его палачи.

И палачамъ онъ простить.

Но однимъ онъ никогда не простить.

Когда верховный Главнокомандующій томился въ Быховской тюрьмѣ въ ожиданіи Шемякина Суда Временнаго правительства, одинъ изъ разрушителей русской храмины сказалъ: „Корниловъ долженъ быть казненъ, но когда это случится, прійдя на

могилу, принесу цвѣты и преклоню колѣна передъ русскимъ патріотомъ.“

Проклятiе имъ, — прелюбодѣямъ слова и мысли. Прочь ихъ цвѣты. Они оскверняютъ святую могилу.

Я обращаюсь къ тѣмъ, кто и при жизни Корнилова и послѣ смерти его отдавалъ ему цвѣты своей души, сердца; кто нѣкогда довѣрилъ ему свою судьбу и жизнь.

Средь страшныхъ бурь и боевъ кровавыхъ останемся вѣрными его завѣтамъ.

Ему же вѣчная память“.

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ.

Мы уходили изъ Елисаветинской станицы позднимъ вечеромъ. Около хаты, занимаемой ген. Алексѣевымъ, я встрѣтилъ ротмистра Шапрона.

Онъ былъ подавленъ всѣмъ, что произошло. Мы сѣли съ нимъ на завалинку и грустно курили. Ген. Деникинъ рѣшилъ быстро увести армию изъ подъ ударовъ большевиковъ, резервы которыхъ все прибывали въ Екатеринодаръ. Куда мы шли, точно не знали; знали только, что на сѣверъ.

Кто-то оказался съ нами рядомъ, и я спросилъ Шапрона по французски, куда же мы идемъ. Онъ пожалъ плечами.

— „Въ черную ночь“, спросилъ я. — „Да, въ черную ночь.“

И такъ мы ушли, не зная куда, съ чувствомъ мучительнаго разочарованія. Екатеринодаръ, казавшійся намъ обѣтованнымъ, принесъ намъ только самыя тяжелыя разочарованія. Здѣсь палъ ген. Корниловъ; здѣсь усталая армія разбилаь о все новыя силы большевиковъ.

Популярность Корнилова была огромная. Деникина мало знали и это спѣшное отступленіе куда-то въ неизвѣстность не могло не породить и страховъ и различныхъ слуховъ вплоть до возможности распыленія арміи.

Тяжелое впечатлѣніе произвело и извѣстіе объ оставленіи части раненыхъ, которыхъ безжалостно, звѣрски перебили большевики. Погибли и сестры милосердія, оставшіяся съ ними.

Какое-то дьявольское счастье покровительствовало большевикамъ. Объ этомъ мы говорили съ Шапрономъ, и какъ часто, къ сожалѣнію, пришлось вспоминать этотъ разговоръ. Единственный снарядъ, разорвавшійся на фермѣ, долженъ былъ убить именно ген. Корнилова, не тронувъ никого изъ его окружающихъ. Такой же снарядъ, выпущенный наугадъ, окончилъ жизнь ген. Маркова въ іюлѣ 1918 года. Ген. Алексѣевъ умираетъ въ моментъ торжества союзниковъ. Если бы онъ былъ живъ, нѣтъ сомнѣнія, что его свѣтлый разумъ, то уваженіе, которымъ онъ пользовался въ союзныхъ арміяхъ, измѣнило бы отношеніе къ намъ союзниковъ. А въ то же время Ленинъ и Бронштейнъ живы и процвѣтають.

Дьяволь, этотъ князь міра сего, торжествуетъ и радуется.

Я не стану описывать этотъ ночной и дневной переходъ въ 50 верстъ. Моя записная книжка часто говоритъ мнѣ о „дняхъ великаго разочарованія“, о холодѣ, о какой-то пустой хатѣ, гдѣ мы согрѣвались съ однофамильцемъ убитаго генерала молодымъ полк. Корниловымъ, о негостепріимныхъ станицахъ, видѣвшихъ въ насъ бѣглецовъ и отступающую армію, и о приходѣ въ знаменитую „колонку“ Gnatchbau. Эта нѣмецкая колонія, образецъ чистоты и порядка, съ пивнымъ и колбаснымъ заводомъ, являлась оазисомъ среди грязи станицъ и здѣсь то намъ пришлось испытать казавшуюся неминуемую гибель.

Послѣ тяжелаго перехода я ночью добрался только до нея, усталый, разбитый и разочарованный.

Въ небольшой комнатѣ насъ спало вповалку 22 человекъ. Моя книжка говоритъ, что намъ было голодно и что мы набросились на пиво.

Утро 2 (15) апрѣля было нерадостное. Слухи о томъ, что армія перестанетъ существовать все усиливались. Говорили объ уходѣ въ горы нашихъ черкесовъ, къ счастью не оправдавшемся, о необходимости распыленія. Единственный якорь спасенія армія, казалось, уже не могъ быть вѣрной надеждой. Всѣ ея жертвы были излишни. Въ лучшемъ случаѣ намъ предстояло бѣгство и бездомное скитаніе въ большевицкомъ морѣ. Помню только одно, что насъ было нѣсколько человекъ, которые рѣшили уходить, только взявъ съ собой нашихъ милыхъ барышень Энгельгардтъ. Какъ видите, дѣло доходило уже до подробностей.

Съ утра большевицкая артиллерія настигла насъ и начала насъ обстрѣливать. Весь обозъ былъ собранъ на единственной улицѣ деревни. Наша артиллерія почти молчала. Оставалось у насъ всего четыре орудія, другія за неимѣніемъ снарядовъ пришлось бросить. Большевики-же выпускали очереди изъ шести орудій.

Спасала насъ только ихъ плохая стрѣльба. Однако къ вечеру ее наладили. Въ домѣ, который занималъ ген. Алексѣевъ, былъ убитъ одинъ изъ его сопровождающихъ; у насъ на дворѣ былъ тяжело раненъ въ животъ одинъ изъ возницъ обоза и ранена лошадь.

Передъ ѣдой мы собрались въ комнатѣ рядомъ съ кухней. Я стоялъ у окна. Въ это время шрапнель разорвалась передъ домомъ въ палисадникѣ, посыпались стекла, и тихо по подоконнику побѣжала шрапнельная пуля. Я ее взялъ съ собой и долго

храниль. Она такъ невинно вбѣжала къ намъ, точно нѣсколько неумѣстная шутка.

И вотъ въ этотъ моментъ я услышалъ чей-то голосъ: „а пышки готовы?“

Такъ силенъ голосъ голода въ человѣкѣ, что даже самая близкая опасность не можетъ его заставить забыть о немъ.

Я вышелъ во дворъ. Мною овладѣло какое-то оупѣніе. Думалось о томъ, что вотъ сейчасъ все погибнетъ, что все это было ни къ чему, и дѣйствительно, какъ то менѣе беспокоили снаряды. Не хотѣлось никого видѣть, не быть въ переполненной комнатѣ, гдѣ всѣ переглядываются отъ близкаго разрыва.

Я сѣлъ на пустую линейку. Противъ меня у стѣнки стоялъ маленькій бритый нѣмецъ-колонистъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ меня и тихимъ голосомъ спросилъ:

— „Ти привикъ.“

— „Привыкъ“, мрачно отвѣчала я.

— „Бѣдный“.

И такъ много жалости было въ его простыхъ словахъ, такъ обидна была этому мирному человѣку мысль, что люди могутъ привыкнуть къ этому братоубійственному истребленію.

Къ вечеру большевики подвезли еще артиллерію и, когда мы уходили, огонь ихъ по деревнѣ достигъ большой силы. Одно время казалось, что обозу не выйти. Все, что можно было оставить, было брошено. Лошадей совсѣмъ не хватало и онѣ выбились изъ силъ. Часть раненыхъ тоже не могла быть вывезена, — мы уходили, какъ могли.

Не дай Богъ переживать такой уходъ съ людьми, потерявшими голову, безсильными передъ силь-

нѣйшимъ врагомъ, среди мчащихся обозовъ, криковъ, ругани въ темную ночь.

И тутъ гдѣ-то раздалось наше „ура“ и вдругъ стрѣльба притихла. Вновь гдѣ-то наши доблестныя части спугнули большевиковъ, нерѣшавшихся принять ударъ, и съ этого момента стрѣльба пошла болѣе разбросанная. Стало темно и снаряды ихъ разрывались уже довольно далеко отъ насъ.

Я замѣтилъ кучку людей у края дороги. Я подошелъ ближе и увидѣлъ лежащаго человѣка. Это былъ раненый, уползшій изъ „колонки“, боясь быть брошеннымъ. Его уложили кое-какъ на переполненную подводку.

Въ „колонкѣ“ было оставлено все, что можно было оставить. У меня былъ кожаный чемоданъ, который служилъ облучкомъ для кучера, хорошій, крѣпкій, автомобильный чемоданъ. Его пришлось тоже бросить. Мое теплое пальто я еще отдалъ въ Ольгинской и у меня осталось всего полторы смѣны рваного бѣлья, мои записки и бумаги Шеншина. Записки я переложилъ въ карманъ, а бумаги уничтожилъ, кромѣ одной тетради. Всѣ мои записки и статьи, по нимъ написанныя, мнѣ много времени спустя пришлось бросить въ Ростовѣ. Моя газета, слѣдовавшая за арміей, неминуемо теряла часть своего очень нужнаго матеріала.

* * *

Мы постепенно спускались. Справа отъ насъ начались такъ называемыя плавни. Было холодно и ужасно сыро. Здѣсь то я и получилъ свою кубанскую малярію, которая иногда напоминаетъ мнѣ о себѣ и теперъ, три года послѣ нашего похода.

Лягушки въ плавняхъ поднимали такой крикъ, что гулъ стоялъ надъ степью и не слышно было громыханія колесъ громаднаго обоза. Говорили, что, благодаря ихъ помощи, большевики, какъ я уже писалъ, не любившіе безпокоиться по ночамъ, не услышали шума обоза.

Мы шли наперерѣзъ желѣзной дорогѣ изъ Екатеринбургa въ Тимошевскую станицу, такъ называемой „морской вѣткѣ“. Такъ сказалъ мнѣ прапорщикъ Чапала. Прапорщикъ ли онъ былъ, былъ ли онъ Чапалой, никто не зналъ. Какъ онъ попалъ въ политическій отдѣлъ ген. Алексѣева, тоже никто не зналъ. Онъ былъ необычайно невѣжествененъ и офицерскаго въ немъ не было ничего, кромѣ погонъ. Но нюхъ у него былъ замѣчательный, онъ могъ узнать любую новость, найти то, чего никто не найдетъ. Онъ, напримѣръ, на походѣ торговалъ табакомъ, хорошими папиросами иногда перваго сорта, въ то время, когда мы рады были всякому хламу. Меня удивилъ тѣмъ, что въ одной изъ станицъ нашель фотографическій портретъ въ краскахъ моего отца, выпущенный однимъ журналомъ по случаю 50-ти лѣтїя дѣятельности Алексѣя Сергѣевича Суворина. Какъ и гдѣ онъ досталъ его, никто и догадаться не могъ. Я долго хранилъ его, пока онъ не истлѣлъ. Другой другъ, въ Крыму, нашель мнѣ такой-же и теперь я вижу передъ собой его массивную, немного согбенную, фигуру за его столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, его бѣлые волосы и бѣлую бороду и задумчивые, испытывающіе глаза, смотрящіе поверхъ очковъ.

Онъ умеръ въ 1912 году наканунѣ войны балканскихъ государствъ противъ Турціи, и передъ братоубійственной сербо-болгарской. Сколькихъ разоча-

рованной смерть помѣшала пережить его большому русскому сердцу.

* * *

Чапала все зналъ, — мы дѣйствительно подходили къ желѣзной дорогѣ. Передъ разсвѣтомъ обозъ остановили; запрещено было курить и громко говорить. Впереди и слѣва и справа виднѣлись рѣдкіе огни. Тогда мы еще не думали, что судьба наша висѣла на волоскѣ. Большевики, съ двумя бронепоездами, были въ двухъ-трехъ верстахъ отъ насъ.

Мимо насъ проѣзжали конные и тихо передавали, чтобы всѣ вооруженные шли впередъ. Долженъ признать, что среди обозчиковъ народу нашлось очень мало. У всѣхъ находилась болѣе неотложная задача, а темнота и тишина, прикрывавшая нерѣшительныхъ, способствовала ихъ уклоненію. Да трудно было рассчитывать на этихъ усталыхъ людей, не связанныхъ окрикомъ и ближайшей дисциплиной.

Наша кучка скоро таяла. Никто не рѣшался взять на себя начальство надъ этимъ сбродомъ, вышедшимъ ночью изъ темнаго обоза.

На дорогѣ я обогналъ Шапрона, который оставилъ больного ген. Алексѣева и шелъ къ желѣзнодорожному пути. Онъ насъ повелъ. Въ это время раздалась одинъ за другимъ два взрыва и, вспыхнувшій на мгновеніе, свѣтъ показалъ намъ насыпь въ сотнѣ саженой и на ней поѣздъ. За ними послѣдовали орудійные очень близкіе выстрѣлы и затрещала ружейная пальба.

Когда мы прибѣжали къ переѣзду, мы застали у него ген. Маркова. Какъ всегда, онъ былъ въ па-

пахъ и въ сѣрой теплой курткѣ безъ оружія, съ нагайкой. Какъ всегда, онъ крѣпко ругался.

Поѣздъ стоялъ. Два вагона его горѣли и въ нихъ слышались разрывы патроновъ. Изрѣдка артиллерійскій снаряда пробивалъ вагонъ и съ особымъ свистомъ кувыркался и какъ то особенно страшно шумѣлъ.

Понять что-нибудь сразу нельзя было въ этой полутьмѣ. — „Да что ты кланяешься, крикнулъ мнѣ Шапронъ, это наши съ той стороны стрѣляютъ“.

Тогда это меня ободрило, но скажите, въ этой ночной неразберихѣ, когда артиллерія почти въ упоръ прострѣливала вагоны и снаряды свистали надъ головой, чтобы разорваться совсѣмъ недалеко, чѣмъ „свой“ былъ лучше „чужого“.

На рельсахъ я встрѣтилъ ген. Романовскаго, оставшагося начальникомъ штаба у ген. Деникина. Какъ всегда, онъ былъ спокоенъ и, увидѣвъ меня, съ саркастической улыбкой сказалъ: „А, и вы здѣсь“.

* * *

Но я долженъ отойти нѣсколько отъ своихъ впечатлѣній и рассказать, какъ умѣю, что произошло въ эту памятную ночь.

Ген. Марковъ былъ въ авангардѣ. Съ нимъ онъ перешелъ безъ выстрѣла желѣзную дорогу и захватилъ будку, находившуюся въ разстояніи версты отъ ст. Медвѣдовской.

Тамъ стоялъ подъ парами большевицкій эшелонъ и вооруженный поѣздъ. Спереди и сзади его были платформы съ орудіями; локомотивъ и одинъ вагонъ были забронированы; было еще два или три вагона,

одинъ классный съ комиссарами и начальствомъ. Другіе два поѣзда были невдалекѣ, охраняя переѣзды черезъ желѣзную дорогу.

Большевицкій главковерхъ Сорокинъ понялъ, что нужно учесть нашъ уходъ изъ подъ Екатеринодара. Онъ приказалъ прекратить преслѣдованіе арміи у gnatchbau, гдѣ противъ нашихъ дѣйствовало десять орудій. Съ главными силами онъ отправился на узловую станцію Тимошевку, предполагая, что армія и нашъ обозъ пройдетъ тамъ, а бронепоезда послалъ сторожить главные переѣзды. Сорокинъ человекъ былъ талантливый, хотя и простой фельдшеръ, и планъ его разбился только объ удивительную доблесть нашего славнаго героя генерала Маркова.

Все это я пишу по запискамъ въ своей книжкѣ, которыя мнѣ удалось набросать позднѣе, послѣ моей болѣзни.

Когда Марковъ захватилъ переѣздъ, къ нему присоединился ген. Деникинъ со штабомъ и тутъ, въ желѣзнодорожной будкѣ, было принято рѣшеніе.

Ген. Марковъ отъ имени сторожа предупредилъ станцію, что нужно выслать поѣздъ, такъ какъ изъ далека подходятъ кадеты (такъ обычно называли армію красные). Поѣздъ двинулся.

Оба нашихъ орудія, которыя только и были въ распоряженіи Маркова, были поставлены у пути у будки.

Когда поѣздъ тихо подходилъ къ переѣзду, ген. Марковъ, подбѣжавъ къ нему, бросилъ въ машинное отдѣленіе бомбу, а оба орудія немедленно открыли стрѣльбу почти въ упоръ гранатами. Поѣздъ остановился совершенно подбитый. Офицеры офицерской роты вскочили въ вагоны, вывели нѣсколькихъ

человѣкъ и перебили защитниковъ, попробовавшихъ оказать сопротивленіе, и прислугу у орудій.

Въ это самое время я и подоспѣлъ къ мѣсту событія.

* * *

Стало немного разсвѣтать. Романовскій приказалъ намъ разгружать платформу отъ лотковъ со снарядами. Мы пополняли нашу артиллерію. Какая это была радость. Марковъ бѣсился и кричалъ: „гдѣ же драповая кавалерія“*)? кричалъ онъ что-то очень нецензурное о какой-то части, не подошедшей во время, обругалъ насъ за то, что мы разгружаемъ снаряды, когда нужно расцѣпить поѣздъ. Дѣйствительно два вагона горѣли и нужно было ихъ изолировать. Я съ другими занялся этимъ. Между путями лежалъ мертвый большевикъ и я помню, какъ колесами вагона мы перерѣзали ему руку, лежавшую на рельсахъ.

Мы перекатили поѣздъ на другую сторону переѣзда и освободили дорогу. Въ это время, справа отъ насъ показался большевицкій поѣздъ, двигавшійся на помощь первому.

Тутъ же, съ большевицкой платформы изъ большевицкаго орудія наши удивительные артиллеристы открыли по немъ и по пути такой мѣткій огонь, что

*) Драпъ — слово новое. Оно значить бѣгство, вѣрнѣе, удираніе. Многіе, не бывшіе въ строю, завели себѣ лошадей и ихъ, какъ и благородныхъ кубанскихъ политическихъ дѣятелей, бывшихъ на хорошихъ лошадяхъ и никогда не участвовавшихъ въ бояхъ, называли „драповой кавалеріей“.

онъ, не настаивая, отошелъ внѣ сферы досягаемости. Въ это время я попался подъ руку Маркову и онъ мнѣ приказалъ найти гранатчиковъ; я приблизительно зналъ, гдѣ они, и побѣжалъ за ними.

Когда я вернулся, передавъ приказаніе, было уже свѣтло. Догоралъ, треща, вагонъ съ патронами и сосѣдній. Два вагона были открыты и тамъ мы нашли хлѣбъ, сахаръ и еще что-то. Съ какимъ удовольствіемъ я отхватилъ здоровую краюху хорошаго бѣлаго хлѣба и сколько могъ сахара.

Но насъ разогнали и стали карьеромъ пропускать обозъ. Съ гиканіемъ и криками неслись повозки и съ имуществомъ и съ ранеными. Это было зрѣлище совершенно невѣроятное.

Впереди насъ, въ полу верстѣ была станица Медвѣдовская. Слева наши уже перестрѣливались съ засѣвшими большевиками. Съ однимъ офицеромъ я присоединился къ нимъ, но стрѣльба большевиковъ была очень неувѣренная и быстро прекращалась. Изрѣдка, откуда-то, въ нашу сторону летѣлъ снарядъ и рвался безрезультатно. Большевики отходили въ полномъ беспорядкѣ и даже въ самой станицѣ былъ захваченъ штабъ „карательной“ экспедиціи во главѣ съ ея начальникомъ Гриценко, который долженъ былъ на другой день „судить“ станицу.

Весь этотъ неожиданный успѣхъ дала намъ доблесть и находчивость ген. Маркова. Благодаря его смѣлости, армія не только вышла изъ ловушки, но разбила вооруженный поѣздъ, отогнала другой и подбила третій, который подходилъ отъ Тимошевки. Весь обозъ, не потерявъ ни одной повозки, былъ спасенъ и наша маленькая, но доблестная артиллерія, пополнилась снарядами.

На ряду съ Марковымъ тогда покрылъ себя

славой полкъ. Мюнчинскій. Этотъ доблестный доброволецъ съ самаго начала арміи былъ въ ней. Это онъ вывелъ свои орудія къ поѣзду, остановилъ его и отогналъ другой поѣздъ.

Онъ палъ въ 1919 году, командуя артиллеріей Марковской дивизіи, оставивъ послѣ себя незабываемую память. Нѣтъ офицера добровольческой арміи, который бы не зналъ Мюнчинскаго. Онъ приспособилъ своихъ офицеровъ и солдатъ къ особенностямъ гражданской войны, когда во время атаки артиллерія не разъ обгоняла наступающія цѣпи.

Но самая большая побѣда, весь успѣхъ заключался въ томъ, что въ отступающую, разбившуюся объ Екатеринодаръ, армію, потерявшую обожаемаго вождя и терявшую вѣру, Марковъ своей доблестью влилъ новую увѣренность въ побѣдѣ.

* * *

Въ Медвѣдовкѣ я совсѣмъ отсталъ отъ своихъ, ушедшихъ впередъ. Армія и обозъ уходили къ Дядьковской въ сторону отъ желѣзной дороги, къ которой жались большевики. Идти пришлось еще 16 верстъ. Въ самой станицѣ я увидѣлъ Чапалу, бѣгавшаго изъ одной пустой хаты въ другую, и ниоткуда не выходившаго съ пустыми руками. Этотъ типъ людей всегда живетъ въ арміи и умретъ съ войной. Къ чести нашей арміи надо сказать, что добровольческая армія перваго похода никогда не оставляла за собой ненависти, кромѣ явно враждебныхъ селеній Ставропольской губерніи. Вездѣ мы платили и хорошо платили.

Въ тоже время надо признать, что болѣе обезпеченное населеніе, какъ напримѣръ купцы, от-

казывали намъ во всемя и драли съ насъ страшныя деньги. Я никогда за все время похода не видѣлъ, чтобы мѣстная аристократія, лавочники, подарили хотя фунтъ табаку и никогда не забуду старушку-казачку, стоявшую у околицы станицы Незамаевской съ протянутой рукой. Въ ней была маленькая, вкусная, сладкая булочка. Я взялъ ее, а она поклонилась мнѣ и сказала: „прости, ради Бога“.

Какъ велика бываетъ эта маленькая жертва, какъ согрѣваетъ она сердце и какъ заставляетъ она вѣрить въ то свое, изъ чего силы берешь, въ свое народное — русское.

И вотъ вамъ другой примѣръ. Мы уходили уже въ началѣ мая 1918, послѣ удачной экспедиціи съ Дона на Кубань, изъ одной станицы. Я былъ при штабѣ ген. Алексѣева и Шапронъ поручилъ мнѣ вести хозяйство нашей маленькой группы. Мы прожили одну ночь у купцовъ, что-то съѣли рублей на 50. При отходѣ насъ стала догонять большевицкая артиллерія. Хозяинъ сидѣлъ въ подвалѣ со страху. Я сверху спросилъ его, сколько мы ему должны, а онъ, блѣдный и испуганный, запросилъ 200 рублей. Я ему бросилъ двадцатипятирублевую бумажку и онъ со вздохомъ забралъ ее. Съ ней ему легче было готовиться къ смерти.

* * *

Я очень отвлекся отъ станицы Медвѣдской.

Погода была прекрасная, было уже совсѣмъ тепло; мы переходили плотину, какъ всегда запруженной, рѣки; я что-то купилъ въ веселой лавкѣ, гдѣ бойко торговали, гдѣ трудно было пробиться сквозь бодрыхъ, окрыленныхъ, побѣдой людей.

По дорогѣ я обогналъ знакомаго офицера, увѣшаннаго мѣшечками и съ расшитымъ полотенцемъ, висающимъ на шеѣ. Этого человѣка я зналъ. Это не былъ типъ Чапалы. Онъ мнѣ радостно протянулъ кусокъ пирога и бублики.

— „Представьте себѣ, сказалъ онъ, встрѣтилъ свою старую няньку-казачку, напоила чаемъ, угостила, дала все это и шею полотенцемъ повязала. Все просила, чтобы я у ней еще что-нибудь взялъ. Да и такъ не съѣсть и не унести.“

Взобравшись на гору, я почувствовалъ сильную усталость. Я нисколько не удивился этому. Послѣ всѣхъ волненій, послѣ ночного перехода верстъ въ тридцать, не трудно устать. Я зашелъ въ хату, выпилъ молока и пошелъ дальше, но ноги совершенно отказывались служить. Подсѣсть на подводу было нельзя. Обозъ ушелъ далеко впередъ. Я пошелъ его догонять, наперерѣзъ, степью. Меня обогналъ маленькій Поздѣвъ, тотъ самый, который передалъ мнѣ вѣсть о смерти Корнилова. Когда этотъ маленький человѣкъ, который любилъ говорить: „мы съ Корниловымъ“ или „мы съ Деникинымъ“, всегда ѣхавшій верхомъ, легко меня обошелъ и я не могъ попасть ему въ „Пейсъ“, какъ говорятъ въ спортѣ, я понялъ, что что-то со мной хуже усталости.

То и дѣло останавливаясь, спотыкаясь, какими то чужими ногами плелся я по степи. Обозъ казался мнѣ недосягаемымъ. Тутъ меня встрѣтила женщина-каптенармусъ, всегда бодрая — Игнатѣва. Это была совсѣмъ простая, некрасивая, номилая дѣвушка-солдаты. Она узнала о моемъ броддаунѣ, вышла ко мнѣ навстрѣчу и, опираясь на нее, я кос-какъ, со свинцовыми ногами добрался до какой-то повозки, на которую и взобрался.

Голова у меня шумѣла, слабость была страшная, какая-то тупая и безразличная.

Она мнѣ показала повозку, въ которой везли „начальника карательнаго отряда“, бывшего солдата Гриценко. Это былъ небольшой человѣкъ, съ маленькими, умными, но безпокойными глазами. Везъ его казакъ, которому Гриценко угрожалъ смертной казнью. Таковы случайности гражданской войны.

Мы приѣхали въ Дядьковскую еще до вечера. Какъ только я узналъ, гдѣ намъ отведена квартира нашимъ ловкимъ квартирьеромъ, донскимъ казакомъ Н., я записалъ кое-что въ свою записную книжку, что-то поѣлъ и, положивъ подъ голову свой почти пустой чемоданчикъ, легъ на скамейку подъ образа. Домъ былъ хорошій и большой. Мѣста было много. Можно было найти лучшее мѣсто, чѣмъ узкая скамейка, но безконечная слабость охватила меня, ноги были тяжелыя и болѣли, голова была какая-то дикая.

Я очнулся, когда было совсѣмъ темно. Надо мной была лампада и образа. Я закрылъ глаза, но сейчасъ-же почувствовалъ, что кто-то что-то вытаскиваетъ у меня изъ подъ руки. Я полуоткрылъ глаза. Смотри на свѣтъ на термометръ, передо мной стояла Вѣра Энгельгардтъ. „У него около 40 градусовъ, надо его перенести на кровать.“

Я понялъ, что заболѣлъ и вновь забылся.

ВЪ ТА Ч А Н КЪ.

Сколько разъ я въ тѣ дни и ночи торопливо обгонялъ раненыхъ и больныхъ; сколько видѣлъ я за этотъ походъ усталыхъ и безразличныхъ глазъ, провожающихъ насъ, здоровыхъ, шагающихъ рядомъ съ больными и безнадежными, и никогда я не думалъ, что могу быть раненымъ или больнымъ.

Не знаю, кто сказалъ: „человѣкъ — оптимистическое животное“. Я имъ былъ на войнѣ. Когда я думалъ о ранѣ или смерти, я ее поэтизировалъ. Если рана была и смертельна, то я непременно присутствовалъ на своихъ похоронахъ и видѣлъ неутѣшное человѣчество, и всѣ женщины, которыя меня любили, убивались вокругъ моего гроба, пока я, живой мечтательный покойникъ, былъ живъ и здоровъ. Во время боевъ конечно было страшно, но страхъ былъ безотносительный, инстинктивный.

Я не былъ раненъ, я просто заболѣлъ очень острой маляріей. Весь поэтический „героизмъ“ пропалъ, какъ и долженъ былъ пропасть. Во первыхъ у меня была очень высокая температура и я былъ безъ сознанія. Въ бреду я что то видѣлъ, говорилъ на иностранныхъ языкахъ и много проповѣдывалъ о религіи. Это всегда случалось въ рѣдкихъ случаяхъ моихъ болѣзней. Но объ этомъ я знаю со словъ другихъ людей.

Я очнулся въ хорошей кровати. Около меня были сестры Энгельгардтъ. Было темно. Я тускло смотрѣлъ на нихъ и ничего не понималъ. Гдѣ героизмъ, о которомъ пишутъ въ романахъ, казавшійся мнѣ столь естественнымъ и даже необходимымъ. вмѣсто него, вмѣсто всякой красоты, я видѣлъ простую, ненужную въ печати, въ изображеніи, заботу, которую чувствуешь нервно, озлобленно и неблагоприятно. Она даже кажется навязчивой и ненужной.

Кто былъ боленъ тифомъ и маляріей, это пойметъ.

Утромъ я очнулся совсѣмъ и понялъ, что я боленъ.

Рядомъ со мной, какъ я просилъ, лежалъ револьверъ, мое перо и красная смѣшная чернильница грибомъ, которая и теперь, на моемъ письменномъ столѣ, напоминаетъ мнѣ нашъ страшный милый походъ.

Слава Богу, въ Дядьковской была назначена дневка, мы уходили только на другой день. Въ болѣзненномъ волненіи я просилъ не оставлять меня, вывезти меня и вновь, послѣ порціи виноградной водки, я забылся. Какъ потомъ оказалось, мой организмъ въ это время давалъ бой на жизнь и смерть разрушительной болѣзни.

Господь Богъ снабдилъ меня здоровьемъ. Мой дѣдъ былъ простымъ мужикомъ; въ 1799 году онъ былъ взятъ въ солдаты въ Преображенскій полкъ, былъ раненъ подъ Бородинымъ и въ 1835 году произведенъ въ капитаны, получивъ дворянство. Женился онъ на дочери священника села Коршева Воронежской губ. и умеръ, когда ему было за 70 лѣтъ, послѣ того какъ его разнесли лошади. Мой отецъ умеръ 75-ти лѣтъ. Другой мой дѣдъ

былъ сыномъ дьякона. Онъ бѣжалъ изъ Владимірской бурсы, поступилъ въ Московскій Университетъ, сталъ военнымъ докторомъ и медицинскимъ генераломъ. Вотъ это то мужичье и „поповское“ — заслуженное дворянство, вмѣстѣ съ моею любовью къ спорту въ моей молодости, дало мнѣ возможность и перенести всѣ лишенія похода и выйти побѣдителемъ изъ моей болѣзни.

Вечеромъ мнѣ стало совсѣмъ плохо. Это было время, когда я долженъ былъ умереть. За это самое время мои милыя сестры успѣли купить мнѣ лошадь, моего, какъ назвалъ я его въ честь станицы Дядьковской, „Дядьку“. Я, какъ въ полуснѣ, помню, что онѣ говорили мнѣ, что я могу быть спокоенъ, что меня вывезутъ, и какъ сухой угловатый нашъ квартирьеръ сотникъ Неволинъ утверждалъ, что онъ меня вывезетъ на конскихъ носилкахъ въ одну лошадь. Я благодарилъ всѣхъ, мнѣ хотѣлось плакать и я просилъ оставить револьверъ, чтобы застрѣлиться, если меня оставятъ.

Я это пережилъ, этотъ ужасный страхъ передъ большевицкимъ палачемъ, пережилъ его безсильнымъ и больнымъ.

Когда я, журналистъ, читаю бодря строки своихъ confrères'овъ, я думаю, какъ много претерпѣвшій журналистъ, извѣдавшій вершины извѣстности (доступна ли намъ, не только мнѣ, мои друзья, слава?), кувыржавшійся въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ газетнаго дѣла, я думаю о томъ, не къ чести будь намъ сказано, какъ мы часто пишемъ по другому, не такъ, какъ чувствуемъ.

Если мое писаніе дойдетъ до французскаго журналиста, онъ не долженъ возмутиться. Я знаю людей изъ печати, смертью запечатлѣвшихъ свой подвигъ,

но мы, живые, выскочившіе изъ тѣхъ, что мы такъ красиво называемъ, костлявыхъ объятій смерти, развѣ мы не должны признаться въ своей любви къ фразѣ, къ прелести побѣждающаго слова, къ своей „формулѣ“, къ своей манерѣ писать, къ своей профессиональной богинѣ, которая кажется намъ прекрасной на газетныхъ столбцахъ.

Да, умереть мы можемъ; да, мы завтра послѣ похоронъ умремъ, я слишкомъ журналистъ, чтобы это не понимать, но прелесть нашей профессиональной фразы, нашей строки, сильнѣе всего.

Это усталая мысль безработнаго журналиста и вы, мои коллеги, ее простите, если не поймете.

Заботой милыхъ сестеръ меня не оставили. Рано утромъ, меня на распухшихъ ногахъ вывели и положили въ тачанку, гдѣ уже было четыре больныхъ, я былъ пятымъ. Меня укрыли и устроили какъ только можно было.

Вы представляете себѣ путешествіе впятеромъ больными на телѣгахъ. Чьи-то ноги съѣзжали мнѣ на голову, мои ноги мѣшали кому-то и казались мнѣ громадными и длинными. Ъхали мы рысью.

Генераль Деникинъ пришелъ къ блестящему рѣшенію. Его уводъ арміи изъ подъ удара, изъ сѣти жедѣзныхъ дорогъ удивителенъ и конечно небывало новъ.

Полководецъ съ маленькой арміей и большимъ обозомъ сажаетъ всю армію въ телѣги и везетъ ихъ рысью по степи, проходя мимо, подъ носомъ красныхъ Наполеоновъ.

Но въ то время эта рысь была для меня ужасна. Ноги, мѣшавшія мнѣ, били офицера, тяжело болѣвшаго почками. Другой былъ или въ тифу или въ маляріи, какъ и я. Степныя дороги, воспѣтыя Гого-

лемъ, были ужасны и мы, то останавливаясь, то съ грохотомъ стремясь дальше среди пыли, не могли оцѣнить ихъ прелести.

Дальше мои воспоминанія путаются. Я помню, какъ мы были въ Журавской, гдѣ мы побывали еще въ началѣ похода.

Это была первая петля восьмерки, которую мы описывали. Помню красныя газеты, которыя дали намъ читать съ извѣстіемъ о гибели нашей арміи, помню милаго полковника Икишева, потерявшаго сына-юнкера въ этой войнѣ, который велъ меня слабого, жалкаго къ тачанкѣ. . . И вновь бѣгъ впередъ.

Я почти все время былъ въ забытїи, но когда мы перескочили черезъ рельсы и вновь заскакали дальше я понялъ, что что-то случилось хорошее.

Хорошее потому, что не было стрѣльбы и что мы проѣхали еще одну желѣзную дорогу.

Потомъ опять мелькали станицы по Бейсугу (были еще какіе-то Бейсужки). Но моя записная книжка за эти дни ничего мнѣ не говоритъ, кромѣ воспоминаній о чудныхъ лунныхъ ночахъ.

Я какъ-то проснулся ночью. Передо мной, въ небѣ, стояла какая-то радостная луна. Она свѣтила намъ и предавала насъ врагу. Кругомъ стоялъ грохотъ колесъ. Обозъ остановился. Застоналъ одинъ изъ больныхъ отъ тряски.

Я уже поправлялся и чувствовалъ божественную слабость возвращенія къ жизни, но слабость была страшная, упорная.

Кто-то сказалъ.

— „Сейчасъ черезъ желѣзную дорогу переходить будемъ“.

И въ нашемъ полубезсознательномъ мозгу встала, какъ страшный паукъ со своими броневыми щупаль-

цами, желѣзная дорога — нашъ злѣйшій врагъ.

Гдѣ-то слѣва, далеко, раздался взрывъ. Сейчасъ же намъ рассказали, что взорвали поѣздъ и что большевики бѣгутъ. И мы повѣрили. Чему не вѣрятъ люди, которымъ оставлена только вѣра въ свое спасеніе.

— „Обозъ, впередъ“, и вновь мы трясемся. Мелькаетъ пустая, желѣзнодорожная будка и тихая ночь вновь освѣщаетъ этотъ странный потокъ людей, ищущихъ Родину.

Господи, кто не испытывалъ радостей и горестей похода, пойметъ ли онъ все его величіе и трагизмъ!

Въ моей записной книжкѣ я вижу простыя слова: „Хозяйка, хозяинъ, табакъ, водка, заботы о лошадяхъ и людяхъ, слезы радости“.

Вотъ эти „слезы радости“, развѣ можемъ мы забыть ихъ. Развѣ онѣ и теперь не даютъ намъ счастья.

Я, журналистъ, только что писавшій о дорогой намъ фразѣ, но когда я вспоминаю и эту лунную ночь и этотъ переѣздъ и хозяина и хозяйку, это уже неподдѣльное чувство.

Не вѣрьте мнѣ, намъ газетчикамъ мало вѣрятъ, но, встрѣтивъ соучастника похода, мы вспомнимъ какую нибудь мелочь и опять защекочутъ въ горлѣ „слезы радости“, о которыхъ я наспѣхъ писалъ въ записной книжкѣ.

* * *

Деникинъ вывелъ изъ окруженія армію. По моей записной книжкѣ это была послѣдняя желѣзная дорога. Это было не такъ, но мы такъ думали.

8-го апрѣля я записывалъ: „переездъ (черезъ ж. д.) крестъ. Слава Богу. Старикъ вывелъ.“

Я охотно и любовно дешифрирую эти гіероглифы.

Мы перекрестились и благодарили Бога. Старикъ это Алексѣевъ. Нашъ вождь, выведшій насъ, былъ Деникинъ и не онъ и не тѣ, какъ и я глубоко чтущіе нашего „великаго старика“, не увидятъ въ этомъ умаленіи заслуги ген. Деникина. Это онъ вывелъ насъ съ нашимъ страшнымъ обозомъ, дѣлая по 60—70 верстъ въ сутки. Это его энергія спасла армію и въ этомъ его незабываемая заслуга. Онъ далъ возможность завершить начатый Корниловымъ походъ и онъ вписалъ этимъ, если есть военно-историческая справедливость, необычайную, красивую страницу въ русскую военную исторію, такую забытую и заброшенную.

Мнѣ тогда представлялась эта борьба, какъ увлекательная партія въ шахматы: съ одной стороны большевики, выигравшіе такую важную фигуру, какъ ген. Корниловъ и темпъ, съ другой стороны Деникинъ, съ единственнымъ шансомъ на выигрышъ темпа.

Этого и добивается онъ. Не будучи въ состояніи выиграть силой, онъ выигрываетъ въ темпъ и не только въ немъ, но заставляетъ большевиковъ принять его игру, то привлекая къ себѣ противника, то неожиданными быстрыми передвиженіями, не давая ему сосредоточиться, опять гнаться за нами, вновь мечтать объ окруженіи и охватывать только пустоту.

Только эта спокойная разсудительность спасла насъ отъ неминуемаго окруженія и гибели со всѣмъ нашимъ громаднымъ десяти верстнымъ обозомъ.

Въ этой шахматной партіи встрѣтился опытный маэстро, сумѣвшій уже проигранную партію, если не привести къ выигрышу, то къ ничью. Но эта ничья дорого стоила большевизму.

Какъ опытный, хотя и раненный, фехтовальщикъ, Деникинъ, все время, парируя нападеніе противника, безпрестанно и ловко наносилъ ему удары въ то время, когда его выпады и атаки встрѣчали всюду непроницаемую защиту или утомляли его безцѣльнымъ и изнурительнымъ разсѣченіемъ воздуха.

Такъ прошли мы въ богатя станицы Ильнискую и Успенскую, гдѣ мы хорошо отдохнули, простоявъ тамъ болѣе недѣли.

Моя болѣзнь, казалось, совсѣмъ оставила меня и я переживалъ счастливое время возвращенія силъ и здоровья.

ПРОБУЖДЕНІЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА.

Исторія Добровольческой Арміи тѣсно связана съ казачествомъ.

Алексѣевъ и Корниловъ сразу довѣрили свою судьбу Каледину, лучшему казаку. Разувѣрившись въ своихъ-же казакахъ, не желая быть причиной гибели арміи и свидѣтелемъ измѣны казачества, Калединъ покончилъ съ собой.

Армія ушла изъ одной казачьей области Донской, въ другую — въ Кубанскую. Мы только и имѣли дѣло съ казаками.

Меня впервые жизнь сталкивала съ казачествомъ. Оно поразило меня своей особой простотой, начиная отъ генерала до простого казака, за которой скрывается какая-то вѣковая хитрость и недоувѣріе къ не казаку.

Какъ только разразилась наша революція, какъ только ея ужасное разложеніе коснулось арміи, всѣ стали надѣяться на казаковъ. И старая монархія рассчитывала на нихъ какъ на реакціонную силу, и новая слабая демократія, безсильная передъ бушующимъ моремъ социализма, поднятымъ троглодитомъ и введеннымъ имъ въ жизнь, бросилась къ военной буржуазіи казачества. Такъ же пошли къ нему и наши вожди, вѣрившіе въ свободолюбіе

казачества и въ то же время въ его особую буржуазность, смѣшанную долготѣней службой съ военнымъ ремесломъ.

Надо сказать, что всѣ ошиблись.

Старая, пошатнувшаяся, монархія не могла встрѣтить настоящей поддержки въ средѣ казачества, т. к. нѣсколько презирая остальное русское воинство, которое было солдатами, а не казаками, не сочувствуя революціи, оно не хотѣло, или вѣрнѣе il n'a pas daigné защищать монархію противъ революціи. Они — казаки — не хотѣли исполнять роль полиціи.

Правительству Керенскаго удалось съ помощью казаковъ подавить первое большевицкое возстаніе въ началѣ іюля 1917 года. Но, какъ только они увидѣли, что они „средство“ власти, что ихъ вновь держать на положеніи полиціи, они покинули этого фигляра и вторая попытка Керенскаго обратиться къ казакамъ окончилась въ октябрѣ проваломъ.

Наши вожди подошли къ казачеству со всевозможной осторожностью и не ихъ вина была, если казачество ихъ не поняло.

Ген. Алексѣевъ, какъ я писалъ, говорилъ о нервности, о „мозоляхъ“ казачества. Это чисто восточное свое свойство казачество не могло забыть. Цари еще могли ими править и то Стенька Разинъ былъ казакъ, Булавинъ-казакъ, Пугачевъ-казакъ; но другимъ русскимъ они неохотно отдавали власть надъ собой.

Съ одной стороны это были люди, проникнутые дисциплиной, съ другой стороны малопонятное представленіе не о свободѣ, а о „вольницѣ“ казачьей, т. е. свободѣ исключительно казачьей и больше ничьей. Имъ нужно было, этимъ очень здоровымъ физически,

и крѣпкимъ въ своихъ устояхъ (весьма консервативныхъ), имѣть „своего“ человѣка, нужно было — казака.

Чернецовъ, Краснянскій все это поняли, но не простые казаки пошли за ними. Погибъ Чернецовъ, погибъ Краснянскій. За Корниловымъ — казакомъ, казаки было пошли.

Онъ какъ будто отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ. Самъ казакъ, человѣкъ изъ народа, демократъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова и вождь всюду дѣйствующій примѣромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при громадномъ обаяніи его имени, и онъ не имѣлъ успѣха при мобилизаціяхъ. Этому народу нужно было что-то свое, или дѣйствительно большія вольности, за которыми стоитъ такая сила, какъ русская. Будь эта сила въ рукахъ Алексѣева и Корнилова, казачество пошло бы за ними. Ее не было и казачество, въ силу своей традиціонной недоувѣрчивости къ другимъ русскимъ „изъ Россіи“, уже не могло имъ довѣриться.

Я помню одинъ митингъ или сходъ въ одной изъ станицъ. Говорили ген. Алексѣевъ и кубанскій атаманъ Филимоновъ. Филимоновъ, говорилъ, что онъ „повелѣваетъ“ призвать казаковъ къ оружію и говорилъ онъ высокопарно. Все это совпадаетъ съ необходимостью .

Казачій діапазонъ совсѣмъ другой. Ему необходима и экспансивность и аффектація, какъ бы намъ она не казалась лишней. Мы всѣ удивлялись рѣчамъ ген. Краснова о „тихомъ Донѣ“, кубанскихъ ораторовъ о „мутной Кубани“, но это нужно было, или нужна была исключительная непобѣдимая сила.

На томъ же митингѣ, гдѣ „повелѣвалъ“ Филимоновъ, какой-то казачекъ серьезно и сочувственно

доказывалъ, что лучше идти за генераломъ Алексѣевымъ, чѣмъ за какимъ нибудь „голоштанникомъ“.

Казалось бы, что такія антитезы вовсе и не нужны, но они то и нравились толпѣ, какъ отчасти и нравились повелительные призывы атамана и не правилась простая разсудительная рѣчь ген. Алексѣева. Извѣстная аффектація въ казачьихъ рѣчахъ необходима и прекрасный казакъ-ораторъ ген. Красновъ умѣло использовалъ свой талантъ.

Въ его рѣчахъ были и легенды, и сказки, подвиги и пѣсни, на что особенно падко было казачество. Эта аффектація необходима. Казачьи законодательныя собранія не разъ заканчивались пѣніемъ, и хорошій ораторъ на Кубани, Терекѣ и на Дону хорошо сдѣлаетъ, если съумѣетъ пройтись „лезгинкой“ или „казачкомъ“. Это, можетъ быть, и заключается въ демократизмъ настоящаго казака, въ его связи отъ генерала до рядового, въ ихъ своей простотѣ и въ особомъ аристократизмѣ для прочихъ „изъ Россіи“. Иногородній, это „мужикъ“, „солдатъ“ — это далеко не казакъ.

У казаковъ, въ силу традиціи, воинственности не можетъ не существовать, но она уже доходитъ до ремесла, и не всегда безвыгоднаго.

Помню я, какъ въ одной изъ самыхъ симпатичныхъ станицъ (Незамаевской) старикъ, у котораго мы остановились, хвалился „своей“ войной 1877 года противъ турокъ.

— „Мы Карсъ брали, правда пришлось и верблюдины поѣсть, а домой пришли не съ голыми руками, а наши молодые пришли съ ничѣмъ, да и винтовки даже порастеряли и коней.“

Поэтому и главари движенія въ казачествѣ особыя,

начиная отъ ихъ членовъ законодательныхъ учреждений — Рады на Кубани и Терекѣ и круга на Дону. Я видѣлъ казачьихъ министровъ; они были всегда, за очень рѣдкими исключеніями, ненужно гордыми и иногда съ „не казаками“ заносчивыми. Это и была ихъ смѣсь демократизма и аристократизма. Бюрократами они не научились быть, такъ какъ для этого класса людей нуженъ опытъ и знаніе.

Возьмемъ непримѣръ ген. Шкуро. Онъ совсѣмъ молодъ, ему и теперь нѣтъ 35 лѣтъ, онъ настоящій казакъ, очень храбрый, рѣшительный, доступный для всѣхъ, любитъ воевать и любитъ выпить, любитъ сказать звонкую рѣчь и попѣть прекрасныя кубанскія пѣсни и нерѣдко и попляшетъ, даже подь стрѣльбу, обычай, перенятый у Терцевъ, сосѣдей кавказскихъ горцевъ. За нимъ шли и за нимъ пойдутъ. Онъ хорошій кавалерійскій генераль и у него мало этой казачьей „мозоли“. Но главная притягательная его сила для казачества, это то, что онъ настоящій казакъ.

Казаками были и Калединъ и Корниловъ, но возрастъ, извѣстная серьезность не давала имъ той особой популярности и, конечно, эти два казака были популярнѣе среди регулярныхъ частей, чѣмъ среди казачьихъ.

Къ намъ казаки относились довольно хорошо въ среднемъ, но мы все время оставались чужими.

* * *

И вотъ, неожиданно, мы узнали, что Донское казачество свалило во многихъ округахъ большевицкую власть и ждетъ нашу армію, какъ избавительницу.

Тотъ-же лихой полковникъ Б., который первый добился связи съ кубанской арміей ген. Покровскаго, вызвался проѣхать на Донъ, чтобы выяснитъ обстановку.

Съ нѣсколькими казаками онъ, прѣбывая ночью, перебрался черезъ границу Кубани и Ставропольской губ. и явился въ станицу Егорлыцкую. Его прѣздъ былъ встрѣченъ восторженно.

Онъ самъ мнѣ рассказывалъ свое удивительное путешествіе съ Кубани на Донъ и обратно.

Какими-то путями Донцы узнали о его ожидаемомъ прѣздѣ и у первой станицы въ конномъ строю его встрѣтила полусотня, выстроенная въ полномъ порядкѣ. Всѣ казаки были въ погонахъ; по постановленію станичныхъ сходовъ дисциплина была введена строжайшая. Офицеровъ не только пригласили занять должности, но, фактически, приказали имъ занять ихъ.

Въ двухъ или трехъ бояхъ Донцы разбили посланныхъ противъ нихъ красныхъ и отняли отъ нихъ пушки и пулеметы. Во главѣ станицы Егорлыцкой стоялъ простой казакъ вахмистръ Никифоровъ. Немедленно онъ созвалъ изъ округа представителей возставшихъ казаковъ и они передали Б. ихъ просьбу къ Добровольческой Арміи о помощи.

Наступала весна и казачество просыпалось. Тѣ части, которыя ушли за атаманомъ Поповымъ, части южнаго отряда полк. Денисова, послѣ цѣлаго ряда успѣшныхъ боевъ подходили уже къ Новочеркаску — столицѣ Дона.

Б. долженъ былъ какъ можно скорѣе обрадовать этими новостями ген. Деникина и онъ съ нѣсколькими охотниками изъ казаковъ донцовъ и кубанцевъ двинулся обратно черезъ большевицкій строй.

Все шло благополучно, пока ему не пришлось днемъ въ открытой степи пересѣкать желѣзную дорогу, охраняемую большевиками.

Увидя большевицкую заставу и подходившій контролирующий бронепоездъ, Б. приказалъ своимъ людямъ спѣшиться и смѣшаться съ гуртомъ лошадей и скота, который случайно проходилъ по той же дорогѣ. Погонщикамъ скота было приказано, довольно энергично, молчать и идти прямо степью къ полотну желѣзной дороги и казаки и Б., ведя среди гурта въ поводу своихъ лошадей въ большой пыли, поднятой гуртомъ, достигли насыпи.

Здѣсь большевицкая заставка, вдвое или втрое болѣе сильная, чѣмъ конвой Б., замѣтила что-то неладное и нѣсколько всадниковъ отдѣлилось отъ нея къ гурту. Сопротивляться можно было, но важнѣе было предупредить ген. Деникина о возстаніи и Б. приказываетъ своему маленькому отряду немедленно садиться на коней и они, карьеромъ, лавой скачутъ отъ изумленныхъ красныхъ. Лошади были утомлены большимъ переходомъ, но тотъ гандикапъ, который былъ въ распоряженіи Б., онъ сумѣлъ его использовать и, не потерявъ ни одного человѣка, онъ достигъ нашихъ расположеній и явился съ докладомъ къ ген. Деникину и Алексѣеву.

— „Это было совсѣмъ изъ Майнъ-Рида“, рассказывалъ мнѣ Б. про свою эскападу.

Наша армія обязана была ему связью и съ Кубанской и съ возставшей Донской арміями.

Я написалъ: „наступила весна и пробудилось казачество“. Я вспоминаю слова удивительнаго казака, прекраснаго генерала и спокойнаго, разсудительнаго политика ген. Богаевского — Атамана Войска Донскаго.

Онъ говорилъ мнѣ, что весной всегда казачество готово къ возстаніямъ и къ дѣятельности. Имъ становится жалко своихъ плодоносныхъ степей, своихъ богатствъ, скрытыхъ въ плодотворную землю и они полны энергій. Каждая осень и зима убиваетъ ихъ энергію. Имъ кажется что незачто бороться; холодъ и тяжелая служба угнетаетъ ихъ и падаетъ ихъ воля.

Ген. Богаевскій очень интересный человѣкъ и тонкій и умный дипломатъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Онъ настоящій казакъ и настоящій русскій человѣкъ и генераль. Онъ чуждъ сепаратизма. Онъ всегда былъ сторонникомъ союзниковъ и нашей арміи, въ которой онъ пользовался всеобщей любовью. Онъ гвардейскій офицеръ и не чуждъ былъ связей со дворомъ, и, въ то же время, ни одинъ демократъ не могъ упрекнуть его въ чемъ нибудь обидномъ для него. Его тихая медлительная манера говорить, безъ аффектаціи, его упрямая казачья увѣренность въ своей правотѣ, позволяли ему быть, даже когда нѣмцы были на Дону, министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ другомъ Добровольческой Арміи, изъ коей онъ ушелъ только по настоянію ген. Алексѣева, который видѣлъ въ немъ искренняго и вѣрнаго друга.

Сами нѣмцы, не любя его, относились къ нему съ нескрываемымъ уваженіемъ. Они видѣли въ этомъ тихомъ, уравновѣшенномъ человѣкѣ, другѣ атамана Краснова, тоже талантливаго дипломата, но сторонника сближенія съ нѣмцами, крѣпкую силу.

Понималъ это и Красновъ и, къ чести его будь сказано, какъ не мѣнялись событія на Дону, онъ всегда охранялъ, какъ и мы, знавшіе Богаевскаго, свое глубокое уваженіе къ этому прекрасному генералу и умному честному человѣку.

К Р О В Ъ.

Никто изъ не пережившихъ гражданскую войну не можетъ себѣ представить ея ужасовъ.

Въ любой войнѣ враговъ все-же раздѣляетъ пространство между фронтами, разные мундиры, военные обычаи, языкъ. Здѣсь ничего этого нѣтъ. Дерутся братья между собой и съ какой-нибудь горы никто не могъ бы разобрать разницу между двумя фронтами; и самое ужасное это то, что, вступая въ эту борьбу, вы кромѣ смерти или о к о н ч а т е л ь н о й побѣды ничего не можете видѣть. Во всякой другой войнѣ васъ могли ранить, вы могли заболѣть. Какъ бы не были скверны условія войны, вы знали, что васъ отправятъ въ тылъ, гдѣ васъ будутъ лечить и въ самомъ крайнемъ случаѣ васъ подберетъ непріятель. Кромѣ того-у каждого есть надежда, что настанетъ миръ и люди вернутся по своимъ домамъ и вчерашній врагъ станетъ далекимъ и никакъ неугрожающимъ.

Не то въ ужасѣ войны съ большевиками. Это не только классовая борьба. Это вовсе не рабочіе, которые возстали противъ своихъ предпринимателей, или крестьяне противъ помѣщиковъ. Нѣтъ, тутъ злой, дьявольскій разумъ кучки людей, которая не можетъ быть велика, такъ какъ ничто ее не

объединяетъ, кромѣ жажды власти и въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ, случаяхъ безумный фанатизмъ.

Эта кучка властолюбцевъ, корыстолюбцевъ, фанатиковъ, вполне естественно встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ среди государственныхъ элементовъ, которые группируютъ вокругъ себя тѣхъ, кто признаетъ ихъ авторитетъ и ихъ искреннее желаніе спасти Родину.

Большевицкая революція сразу выкинула лозунгъ уничтоженія всѣхъ съ ней несогласныхъ. Путемъ тираніи и угрозы смерти и обѣщаніемъ быстрого проведенія социалистическихъ лозунговъ въ жизнь, она навербовала въ массахъ и тотъ нерѣшительный элементъ, который легко запугать угрозами, и тотъ, который повѣрилъ, что черезъ братскую кровь можно достигнуть счастья — рая земного.

Борьба съ этими людьми могла быть, къ сожалѣнію, только самая жестокая и самая безжалостная, но надо сказать, что наши вожди всегда начинали съ того, чтобы идти на сравнительно мягкія мѣры. Брала плѣнныхъ, подбирали раненыхъ и т. д. Но когда на эту минимальную гуманность отвѣтомъ была самая безудержная и бессмысленная жестокость и звѣрство, естественно, рождалось чувство мести и недовѣрія къ лживому и коварному врагу.

Случай съ Чернецовымъ и Подтелковымъ, рассказанный мною, ярко иллюстрируетъ это, и неудивительно, что „чернецовцы“, обожавшіе своего доблестнаго молодого вождя, расплачивались за его кровь, отбросивъ всякое чувство сожалѣнія.

У молодого человѣка звѣрски убивали брата, сестру, мать и онъ приблизительно зналъ, кто убійцы (это вѣдь не великая анонимная война),

естественно, что онъ, дорвавшись до своихъ враговъ, былъ жестокъ и неумолимъ.

Вспомните, кромѣ того, что Добровольческая Армія была очень слаба числомъ и сильна качествомъ бойцовъ и умѣніемъ своихъ вождей, поэтому всегда потери въ бою непріятеля во много разъ превышали наши, а, когда возможно было дойти до погони, и въ десятки разъ. Это озлобляло нашего краснаго врага, онъ мстиль на беззащитныхъ и слабыхъ, отсюда новая месть, и красный кровавый клубокъ безконечно разматывался по югу Россіи, запутывался въ тотъ Гордіевъ узелъ, который невозможно развязать и только способъ Александра Македонскаго, разрубившаго его, можетъ быть дѣйствительнымъ.

Всѣ сужденія досужихъ людей о ненужной жестокости во время гражданской войны разсыпаются какъ пыль передъ страшной дѣйствительностью. Большевики какой-нибудь деревни разгромятъ казачью станицу, пойдите и объясните казакамъ этой станицы, когда они доберутся до этой деревни, что жестокость ихъ ненужна и вредна дѣлу. Этого можно домогаться у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, а не въ казачьей степи. Можно этимъ возмущаться, но положить конецъ этому ужасному самоуничтоженію можно только лишь утопивъ въ ихъ собственной крови главныхъ виновниковъ и инициаторовъ небывалой смуты.

Первое время, видъ убитаго, своего же русскаго, производилъ на меня гнетущее впечатлѣніе, но полное убѣжденіе въ томъ, что останься здѣсь раненымъ и больнымъ и тебя непременно звѣрски прикончатъ, замучивъ, унизивъ до самаго послѣд-

няго вѣзда, постепенно примиряло съ жестокостью войны.

Вспомните гибель ген. Рузскаго и Радко-Дмитріева, которыхъ постепенно дорубали пьяные негодяи; мы знаемъ судьбу нашихъ раненыхъ въ Новочеркасскѣ, Ростовѣ, Елисаветинской и въ „колонкѣ“.

Все доказывало участникамъ этого похода, что ихъ ждетъ только смерть или побѣда и поэтому медленнымъ и вѣрнымъ ядомъ въ сердца ихъ внѣдрялась жестокость и равнодушіе къ крови.

* * *

Особенно памятно мнѣ село Гнилобалковское, Ставропольской г. Мы пришли туда послѣ большого перехода.

Гнилобалковское, какъ большинство Ставропольскихъ сель, было крайне большевицки настроено. Нашъ разъѣздъ былъ впущенъ безпрепятственно, но какъ только онъ добрался до площади, изъ домовъ по немъ открыли стрѣльбу. Ее прекратили, и когда я проходилъ по площади, то насчиталъ 20—25 труповъ. Это была тяжелая расплата.

Въ этой же деревнѣ я былъ свидѣтелемъ ужаснаго зрѣлища.

Я все-таки слишкомъ рано понадѣялся на свои силы и переходъ верхомъ въ 60 верстъ меня очень утомилъ. По плотинѣ проходили какія-то части. Я съ пр. Алексѣевымъ отсталъ отъ своихъ и подвигался шагомъ по степи. Рѣчку я переѣхалъ въ бродъ и сталъ медленно подыматься въ гору на своемъ „Дядкѣ“.

Изъ за холма вышла немолодая женщина, въ

наброшенномъ на плечи армякѣ, за ней два казака съ винтовками и офицеръ. Она повернулась къ нимъ лицомъ, потомъ нагнула быстро на голову армякѣ и пошла отъ нихъ. Въ это же время казаки вскинули винтовки. Грянулъ выстрѣлъ и она упала лицомъ въ землю.

Все это произошло въ какія нибудь три-четыре секунды. Я былъ отъ всей этой ужасной сцены въ двадцати шагахъ. Я поскакалъ къ этой группѣ и офицеръ холодно и рѣзко заявилъ мнѣ, что такъ надо было сдѣлать. Это не было убійствомъ, это былъ разстрѣлъ.

Потрясенный этимъ зрѣлищемъ я пошелъ узнавать въ чемъ дѣло.

Оказывается, что эта женщина, рано утромъ, когда къ ней вошло нѣсколько офицеровъ и казаковъ, приняла ихъ за большевиковъ, очень имъ обрадовалась, предложила ѣсть и тутъ-же, съ гордостью, похвасталась своимъ подвигомъ:

Наканунѣ, четыре нашихъ развѣдчика зашли къ ней (домъ ея былъ на самой околицѣ). Она ихъ напоила, накормила и спать уложила. Потомъ, когда они заснули, сбѣгала, какъ она сказала, за „товарищами“ и выдала ихъ.

„Вотъ поглядите, они тамъ въ канавѣ такъ и валяются,“ добавила она съ гордостью.

Гражданская война ужасна, ужасны въ ней казни и убійства своихъ же братьевъ и еще страшнѣе убійство женщины. Но какъ могла рѣшить иначе военная справедливость, самая слѣпая изъ всѣхъ.

Въ этомъ случаѣ, съ которымъ мнѣ пришлось столкнуться, я увидѣлъ весь ужасъ нашей борьбы.

Оказывается мужъ этой женщины былъ рьяный большевикъ и воевалъ противъ нашей арміи и былъ

убить въ одномъ изъ боевъ. Изъ мести эта женщина уговариваетъ довѣриться ей четырехъ усталыхъ добровольцевъ, выдаетъ ихъ на убійство и съ гордостью хвастается этимъ. У ней было двое дѣтей — свидѣтелей этой страшной драмы. Когда она поняла свою ошибку и увидѣла неминуемую гибель, она не пала духомъ и кричала: „ну, что-же, мужа убили, меня убьете, убивайте и дѣтей.“

Что станеть съ ея дѣтьми въ будущемъ, вчера свидѣтелями измѣнчискаго убійства четырехъ людей, довѣрившихся ихъ матери, и на другой день казни ея?

Какая вообще ужасная судьба ожидаетъ русское молодое поколѣнiе, воспитанное въ этой борьбѣ среди холода и голода, привыкшаго къ убійству, грабежу и разврату. Что вынесетъ изъ этой борьбы молодежь, проведенная три года въ братоубійственной рѣзнь, не выдавшая въ свои лучшіе юные годы ничего, кромѣ тяжкихъ испытаній и жестокости. Какой характеръ нужно имѣть, чтобы выйти изъ этого проклятаго ада, охватившаго Россію, сохранивъ въ себѣ вѣру въ Родину и свои человѣческія чувства.

* * *

Въ той же самой Гнилобалковской мы зашли въ хату закутить. Хозяйка была непривѣтлива и запугана. Хозяинъ, длинный несуразный мужикъ, все время кланялся и старался услужить. Онъ старался быть любезнымъ и называлъ насъ по ошибкѣ „товарищами“; на грозный окрикъ одного изъ офицеровъ онъ совсѣмъ растерялся и залепеталъ о томъ, что онъ не хочетъ обидѣть „господина товарища“. Когда онъ вышелъ, его маленькій сынъ, лѣтъ четырехъ, гордо заявилъ: „а мой тятя боль-

шевикъ“. Въ томъ озлобленіи, которое охватило тогда наши войска, этого было бы достаточно, чтобы нашъ хозяинъ былъ бы убитъ; къ счастью для него, среди насъ не было ни одного кровожаднаго человѣка и мы ушли отъ него, заплативъ ему и посовѣтовавъ не учить дѣтей восхалать его доблести.

Рядомъ, солдатъ-доброволецъ чехъ рассказывалъ, что онъ убилъ крестьянина-большевика.

„Почему же онъ большевикъ“, спрашивали его.

„Ужъ я знаю, что большевикъ“, отвѣчалъ тотъ.

Потомъ говорили, что онъ никого не убивалъ, а просто похвастался. Въ этомъ люди находили какое-то озвѣрѣлое наслажденіе.

Я зналъ молодыхъ людей, которые спокойно перечисляли, сколько человѣкъ они убили. Все это дѣлалось съ какимъ то убійственнымъ молодецествомъ, какъ охотникъ, хвастающійся количествомъ убитыхъ волковъ.

По истинѣ „homo homini lupus“ стало въ Россіи, думалось мнѣ, но объясненіе этого ужаснаго душевнаго уродства сейчасъ же подсказывало вамъ, что чаще всего (я не говорю о садистахъ) это были люди, перенесшіе и иногда и не разъ не только угрозы смерти отъ красныхъ, но сидѣвшіе у нихъ въ тюрьмахъ, видѣвшіе разстрѣлы своихъ близкихъ, оскорбленные, разоренные большевицкимъ, забытымъ образъ человѣческой, чудовищемъ. Въ нихъ горѣло яркимъ пламенемъ чувство мести и нелегко было имъ совладать съ нимъ.

Я кончаю эту главу тѣмъ же, чѣмъ и началъ. Самое ужасное въ этой гражданской войнѣ, это то, что люди становятся ненасытными къ крови; то, что эта кровь своя-же, еще какъ то болѣе хмѣлится

людей и ничто не можетъ удержать ихъ отъ мести и кроваваго разгула.

Въ войнѣ, гдѣ добровольцевъ было мало, и гдѣ противъ нихъ стояли, опьяненные какимъ-то призракомъ власти, недавно бывшіе дисциплинированными, солдаты, восторгавшіеся всякимъ убійствомъ, которыхъ на это подбивали агенты Ленина и Бронштейна, якобы на радость пролетаріата, другого выхода какъ смерть за смерть почти никто не видѣлъ. И это было необычайно тяжело, это давило страшнымъ грузомъ на совѣсть, но внутри трудно было удержаться отъ вывода, что другого выхода нѣтъ.

Въ этомъ страшномъ пожарѣ смерть носилась по нашей несчастной Родинѣ и начинала свою небывалую въ мірѣ жатву.

Я какъ-то прочелъ о томъ, что какое-то племя въ Африкѣ по религіознымъ убѣжденіямъ рѣшило покончить съ собой и достигло этого. Вотъ такое-то повѣтріе самоубійства, растлѣнія, самоуничтоженія охватило тогда обезумѣвшую „революціонную“ Россію и это самоуничтоженіе продолжается и до сихъ поръ подъ холоднымъ спокойнымъ разсудительнымъ наблюденіемъ кучки, чаще всего чуждыхъ русскому племени, людей.

Болѣе трехъ лѣтъ смерть носится надъ Россіей, точно ожесточаясь оттого, что она не можетъ никакъ съ ней покончить. Это уничтоженіе Россіи уже потеряло характеръ мести. Холодными организаторами гибели Россіи оно введено въ систему и, какъ это не странно, этого не хотятъ понять на западѣ.

Россію отдали крови и смерти и махнули на нее рукой. Въ то время, какъ одни убиваютъ методично, другіе, ихъ худшіе пособники, разсчитываютъ съ карандашемъ въ рукахъ, какую прибыль можетъ

принести все это море русской крови, страшная смертность, гибель дѣтскихъ поколѣній, развалъ русской культуры, и ихъ не могутъ коснуться наши страданія.

Въ лучшемъ случаѣ они, эти лицемѣрные островитяне, полагающіе, что море служить имъ преградой для революцій, пожимаютъ плечами и утверждаютъ, что мы „преувеличиваемъ“.

Каждый золотой фунтъ, перебѣгающій по морскимъ водамъ, это сотни жертвъ. Мы это видѣли, это знаемъ и мы никогда этого не забудемъ.

Какая-то справедливость должна быть и, когда настанетъ ея часъ, страшень будетъ голосъ русской крови и въ ней погибнуть всѣ тѣ, кто спекулировалъ на ней.

А пока она льется, льется, изрѣдка ручейкомъ, часто рѣками, а иногда и разливается какъ море, въ которомъ не видно Россіи, а видны лишь жадные чуждые хищники и ихъ отвратительные заморскіе друзья.

Русская кровь, кто знаетъ тебѣ цѣну? Кто оцѣнить великія страданія нашей великой мученицы? Кто исцѣлитъ ея раны и когда-же, наконецъ, міръ проснется отъ своей спячки и пойметъ, какое ужасное преступленіе творить онъ своимъ безучастіемъ и пособничествомъ въ величайшемъ изъ историческихъ преступленій?

XIV.

СВѢТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Въ этотъ годъ Пасха была поздняя, 21-го апрѣля по ст. стилю. Гдѣ встрѣтимъ мы ее, мы не знали, но на что то надѣялись къ этой Пасхѣ.

Этотъ весенній русскій праздникъ всегда дышетъ надеждой и тянетъ къ новымъ мечтамъ.

Мы продвигались къ Дону.

Запомнился мнѣ особенно хорошо одинъ переходъ за это время.

Какъ-то разъ, поздно ночью, мы вышли къ послѣдней желѣзной дорогѣ на Кубанской территоріи. За ней мы уже приближались, черезъ незначительный кусочекъ Ставропольской губерніи, къ границѣ Дона, гдѣ насъ ждало возставшее казачество.

Луна уже заходила и мы были передъ разсвѣтомъ. Густой, утренній туманъ окружалъ насъ такъ, что ничего не было видно кругомъ. Я ѣхалъ въ рядахъ конвоя ген. Алексѣева. Въ туманѣ громыхалъ нашъ обозъ. Впереди былъ ген. Деникинъ со своимъ штабомъ, ген. Алексѣевъ былъ тутъ-же. Приказано было стать, не курить, громко не говорить. Обозъ затихъ и только пѣли свои изступленные пѣсни лягушки.

По нашей командѣ пробѣжала шепотомъ вѣсть: сейчасъ будемъ переходить желѣзную дорогу. Въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ насъ стоитъ

красный бронепоездъ. Такъ доносили изъ тумана развѣдчики.

Дѣйствительно, вскорѣ мы слышали тяжелые вздохи паровоза. Они приходили къ намъ изъ этого молочнаго облака, окутавшаго насъ въ утреннемъ молчаніи. Паровозъ стоялъ на мѣстѣ. Я не помню, сколько времени продолжалось это томительное ожиданіе. Что-то было неладное съ паровозомъ. У него вѣроятно буфсовали колеса, такъ какъ слышно было, что онъ собирается двигаться. Нашъ обострившійся слухъ, казалось, слышалъ шумъ колесъ, не могущихъ сдвинуть поѣздъ. Гдѣ-то кричали пѣтухи и туманъ могъ разойтись. Нервы были натянуты.

Наконецъ, онъ собрался съ силами и двинулся. Слышно хорошо было его движеніе, сначала медленное, слышно было громыханіе цѣпей и буферовъ и онъ пошелъ. Мы не двигались. Онъ удалялся отъ насъ направо.

Туманъ расходился. Мы начинали разбирать окрестности, скучныя, предразсвѣтныя. Появился изъ облака нашъ обозъ и въ это время раздался взрывъ, потомъ другой.

Я не помню, было ли задачей взорвать поѣздъ, но во всякомъ случаѣ мостъ, раздѣлявшій насъ отъ него, былъ взорванъ и немедленно двинулись мы впередъ, продрогшіе въ туманѣ.

Желѣзная дорога проходила мимо насъ въ полумерстѣ. Хорошимъ ходомъ мы проскочили черезъ нее со всѣмъ обозомъ.

Богъ хранилъ насъ. Вдалекѣ слышна была престрѣлка. Наши передовыя части отгоняли поѣздъ, который, понявъ свою ошибку, вновь старался приблизиться и открылъ по насъ стрѣльбу. Но она уже была почти не опасна и сбитые съ толку красные

артиллеристы палили зря по повозкамъ. Рассказывали, что будто убили кубанскаго министра, потомъ говорили, что не министра, члена Рады, потомъ, что не убили, а ранили, но, сколько помнится, никто изъ этихъ доблестныхъ мужей не пострадалъ.

Послѣ этого памятнаго перехода мы добрались до станицы Плоской или Новокурсунской, гдѣ мы завершили восьмерку нашего незабываемаго перехода*).

Вскорѣ мы добрались до Лежанки, гдѣ впервые встрѣтили сопротивленіе большевиковъ въ началѣ похода, сопротивленіе столь дорого стоившее имъ.

Мы остановились у священника. Была страстная недѣля. Матушка пекла куличи. Красили яйца и мы рассчитывали хорошо встрѣтить Пасху въ гостепріимномъ домѣ. Большевики казались нерѣшительными и какъ-будто отказывались отъ преслѣдованія.

Мы жили спокойно. Ходили съ милыми сестрами Энгельгардтъ въ церковь. Искали водку и скучали по новому идеалу — Новочеркасску, который казался намъ такимъ же прекраснымъ, какъ исчезнувшій изъ нашихъ мечтаній Екатеринодаръ.

Отъ первой донской станицы, Егорлицкой, возставшей одной изъ первыхъ, мы были въ 25-ти верстахъ и не понимали, почему мы не идемъ туда,

*) См. схему. 23 февраля Плоская, Незамаевская, Старо-Леушковская, Ирклиевская, Березанская; 2 марта Журавская, Корневская, Некрасовская, Филиповское, Рязанская, Поажукай, Шенджій, Калужская, Георгіе-Афипская, Панахесь, Елисаветискія (Екатеринодаръ), „колонна“ Грачбу, Дядьковская; 6 апрѣля Журавская, Хоперская, Ильинская, Успенская; 18 апрѣля Плоская.

гдѣ казался отдыхъ обезпеченнымъ. А какъ мы мечтали объ отдыхѣ.

Такъ, въ ничего недѣланіи, дожили мы до страстной субботы и вполне были увѣрены, что встрѣтимъ Пасху здѣсь. Но вотъ съ утра, приблизившіеся большевики, открыли стрѣльбу по Лежанкѣ.

Снаряды ложились довольно аккуратно по селу, имѣя мишенью колокольню церкви, вокругъ которой размѣщались штабъ, ген. Деникинъ, ген. Алексѣевъ и остальное начальство.

Были раненые. На площади лежала убитая лошадь. Я сходилъ къ полк. Реснянскому, пріѣхавшему изъ дальней командировки. Его впечатлѣнія о Россіи были самыя мрачныя. Россія безвозвратно погибала. Я грустно возвращался домой. Въ десяткѣ сажень неожиданно ударилъ снарядъ и улица опустѣла.

У насъ было подавленное впечатлѣніе неизвѣстности. Мы пообедали и многіе расположились поспать. Насъ было человекъ десять въ комнатѣ. Артиллерія большевиковъ дѣйствовала вяло. Въ это время намъ приказано было быть готовыми черезъ часъ, такъ какъ мы уходили изъ Лежанки.

Посыпались догадки, предположенія. Итакъ, мы не увидимъ Пасхи!

Я пошелъ къ своей лошади, чтобы приготовить къ отъѣзду. Когда я проходилъ черезъ дворъ, низко надо мной пролетѣлъ снарядъ и ударилъ гдѣ-то за нами невдалекѣ.

„Перелетъ“, подумалъ я, потомъ „недолетъ“, а „потомъ . . .“

Я не успѣлъ дойти до конюшни, какъ страшный трескъ раздался сзади меня и какъ-будто въ самомъ домѣ, гдѣ мы жили. Я бросился въ него.

Въ одно мгновеніе мнѣ показалось, что снарядъ упалъ въ нашъ домъ, гдѣ спало человѣкъ десять, и я представлялъ себѣ уже кучу изуродованныхъ тѣлъ.

Въ узкомъ корридорѣ я встрѣтилъ перепуганную матушку, ея дочку, скользившую какъ-то вдоль стѣны и жену офицера, жившую у нихъ, всю въ крови. Все это кричало и охало. Я бросился въ нашу комнату. Всѣ были на ногахъ и никто не раненъ.

Оказалось, что снарядъ попалъ у самага окна нашей хозяйки, выбилъ раму и къ счастью никого не тронулъ. Только осколки стекла порѣзали гостью матушки.

Послѣ всего этого всѣмъ было не до сна и намъ приказано было торопиться. Мы уходили на Донъ, въ Егорлицкую.

Прощай куличи, пасхи и красныя яйца!

* * *

Мы вышли вечеромъ кружной дорогой вдоль какой-то рѣчки.

Сейчасъ передо мной карты и съ помощью записной книжки я силюсь припомнить этотъ переходъ. Вѣдь это было три года тому назадъ. Три года испытаній, и сколько пережилъ я за это время.

Я не нашелъ подробной карты — десяти-верстки, которая бы мнѣ указала нашъ путь; но, развертывая ихъ непослушные свитки, я вспоминаю другія мѣста, другія надежды. Все это куски Россіи, великой, единой, которые ушли отъ насъ и въ этомъ бѣгломъ взглядѣ на холодную карту, испещренную именами, то дорогими, то связанными съ тяжелыми воспоми-

наніями, тоска захватываетъ сердце. Мы же были тамъ. Тамъ на русской землѣ искали мы счастье и свое и своей Родины. Эти краски географической карты залиты русской кровью, и про этихъ людей, безумно любящихъ и любившихъ свою Родину, болтають озлобленные эмигранты, ничего не дѣлавшіе для ея спасенія, кромѣ надменнаго самолюбованія и оцѣживанія ошибокъ тѣхъ, кто работаль, кто умираль на этихъ забытыхъ поляхъ, — чьихъ могилъ мы никогда не найдемъ.

Неужто это все было напрасно, а нужны самодовольныя разсужденія и пошлость человѣчества, чувствующаго себя въ безопасности?

* * *

Этотъ переходъ былъ очень легкій. Во первыхъ мы шли на Донъ, а во-вторыхъ мы торопились къ заутрени.

Наступала темнота, появилась ущербленная луна въ облакахъ. Спичекъ не было и мы курили по очереди, такъ чтобы можно было зажигать папиросу отъ послѣдняго. Какъ берегли мы этотъ священный огонь.

И вотъ въ темнотѣ къ намъ вышли мельницы, предвѣстіе жилья. Всѣ заторопились, лошади прибавили хода. Замелькали хаты.

Лихорадочно мы стали разыскивать квартиреровъ, и всѣхъ потянуло къ церкви.

Она уже была ярко освѣщена.

Свѣтлая заутреня уже шла.

Кое-какъ привязавъ къ плетню указаннаго дома лошадь, распустивъ ей подпругу, я побѣжалъ въ церковь.

Она была полна народу. Въ ней было жарко отъ людей и свѣчей. Потъ лиль градомъ. Но какое наслажденіе было услышать наше великое:

„Христось Воскресе.“

Я смотрѣлъ на серьезныя, точно испуганныя, лица казаковъ, на своихъ друзей и слезы радости, слезы воскресенія такъ и бѣжали изъ глазъ.

„Христось Воскресе“, говоритъ батюшка.

„Воистину Воскресе“, гуломъ идетъ къ нему отвѣтъ, и слышу я его сейчасъ и вижу эти одухотворенныя простыя лица, освѣщенные свѣчами и чувствую ту радость, удивительную, великую, которая, какъ ураганомъ, увлекла меня къ счастью.

Да, воскресъ Христось и мы воскреснемъ, воскресли уже, и пѣніе великой пѣсни, какъ будто заунывное и вмѣстѣ съ тѣмъ волшебное по своей силѣ, надеждѣ и ясности спасенія, сжимаетъ такъ радостно сердце, что свѣчка дрожить въ рукѣ и слезы въ глазахъ отражаютъ безчисленные огни свѣчей и страшная лихорадочная радость горитъ въ сердцѣ, въ головѣ.

Ген. Алексѣевъ христосуется со священникомъ, за нимъ Деникинъ. Нѣтъ силъ терпѣть. Хочется плакать, не зная отчего, и я выхожу, мимо тѣхъ-же бородатыхъ, съ изступленно-вдохновеннымъ лицомъ казаковъ, изъ церкви.

Моя малярія оставила странный слѣдъ. Я очень сталъ плохо видѣть въ темнотѣ. Я не могу найти дороги и жалобно взываю къ сестрѣ Вѣрѣ Энгель-гардтъ.

„Вѣра Вадимовна! Вѣра Вадимовна!“

Она находитъ меня и ведетъ. Я, какъ слѣпой, иду за ней.

Мы возвращаемся. Сварливая, „интеллигентная“

хозяйка раздражена нашимъ прїѣздомъ и даже не хочетъ насъ угостить. Нашъ квартирьеръ Неволинъ — донецъ и болѣетъ за все казачество. Онъ грубъ и рѣшителенъ и мы кое-какъ разгавливаемся.

Наши милыя барышни устроены, а мы, усталые и счастливые, валимся спать на холодномъ балконѣ.

„Христось Воскресе.“

XV.

ВЪРА ЭНГЕЛЬГАРДТЪ И БОБОЧКА ЕРОФЪЕВЪ.

Героическій періодъ нашей борьбы съ большевизмомъ далъ много героевъ и многіе, многіе изъ нихъ остались безвѣстными.

Человѣческая память ненадежна. Блеснетъ подвигъ, загорится слава, но, подстерегающій ее закатъ, окутаетъ ее облаками и забываютъ люди и блескъ подвига и яркое служеніе долгу.

Въ жизни журналиста всегда мелькаетъ множество извѣстныхъ именъ, мы не можемъ не отмѣтить ихъ въ своихъ писаніяхъ. Но ихъ слава бѣжитъ впереди нашего торопливаго пера, мы чаще всего догоняемъ ея побѣдоносную колесницу.

Зато, въ нашихъ рукахъ остается возможность отмѣтить тѣхъ, кто можетъ не попасть въ книгу, въ исторію, въ трудъ. Это тѣ, часто героическіе, стрѣлочники, мимо которыхъ съ грохотомъ несется на всѣхъ порахъ поѣздъ, уносящій исторію и ея творцовъ, которые не замѣтны историкамъ, а намъ, журналистамъ, такимъ же эфемеридамъ, какъ и они, которыхъ сегодня знаютъ, а завтра забываютъ, они ближе, мы скорѣе замѣтимъ ихъ и больше чувствуемъ ихъ. Мы не литераторы, мы не сдѣлаемъ изъ нихъ героя или героиню романа, мы хотимъ описать, можетъ быть сфотографировать, ихъ подвигъ, такой

удивительный для тѣхъ, кто встрѣчался съ этой прекрасной, скромной породой людей.

Въ этомъ очеркѣ я беру двухъ лицъ, совершенно разныхъ характеровъ, разнаго склада. Я съ восторгомъ вспоминаю ихъ дружбу ко мнѣ, я горжусь ей, и въ полной ихъ противоположности я вижу что-то ихъ объединяющее. Ихъ подвигъ.

Черезъ подвигъ они шли къ одному идеалу, такъ или иначе посвятивъ ему свою молодую жизнь, и обоихъ ихъ объединила смерть — великая уравнительница.

Я хочу остановиться на „барышняхъ“ Энгельгардтъ, какъ мы ихъ звали, и особенно на Вѣрѣ Энгельгардтъ и на миломъ Бобѣ Ерофѣевѣ.

Мой читатель не разъ уже видѣлъ имя этихъ сестеръ среди моихъ впечатлѣній. Я хочу немного дольше поговорить о нихъ.

Обѣ сестры кончили институтъ, если не ошибаюсь, Смольный. Съ начала войны онѣ поступили въ Кауфмановскую общину. Оба ихъ брата въ строю. Одинъ въ кирасирскомъ полку, другой въ Семеновскомъ. Они изъ тѣхъ Смоленскихъ Энгельгардтовъ, которые гордятся своимъ предкомъ, разстрѣляннымъ Наполеономъ въ Смоленскѣ. Вся эта молодежь однимъ порывомъ полетѣла на фронтъ. Татьяна Э. попала въ Сербію и перенесла трагедію сербской арміи, оставлявшей свою Родину по непроходимымъ Албанскимъ тропинкамъ. Вернувшись въ Россію, она вновь немедленно явилась на фронтъ.

Революція, съ ея бессмысленнымъ преслѣдованіемъ Арміи и офицерства, съ ея „завоеваніями“, покрывшими позоромъ славное званіе русскаго солдата и кровью и незаслуженными оскорбленіями русскаго офицера, увлекла ихъ на путь новаго

служенія арміи. Онѣ съ головой окунулись въ Добровольческую Армію.

Одинъ изъ братьевъ ихъ съ особой миссіей былъ посланъ ген. Алексѣевымъ къ большевикамъ и одно время даже состоялъ при Тухачевскомъ, тоже Смолынинѣ, офицерѣ того-же Семеновскаго полка. Этотъ Тухачевскій — одинъ изъ большевицкихъ Наполеоновъ — во что-бы то ни стало гремялъ въ Совдепіи и его войска много позднѣе разбились объ искусство ген. Вейгана, плоды побѣды котораго не постѣснялся приписать себѣ маршалъ съ фонарнаго переулка Пилсудскій.

За все время похода нельзя было не удивляться энергіи, бодрости и силѣ духа этихъ барышень, съ такой легкостью переносившихъ тяжести похода.

Въ нашей средѣ онѣ были тѣмъ облагораживающимъ элементомъ, который не давалъ намъ, въ нашей ужасной жизни, забыться въ ея повседневной дребедени и мерзости. Съ нами были „барышни“ и одинъ видъ ихъ, спокойныхъ, выдержанныхъ, никогда ни на что не жаловавшихся, успокаивалъ насъ и не давалъ намъ распускаться. Что сдѣлали онѣ для меня во время моей болѣзни, я уже писалъ. При всей ихъ скромности въ нихъ было столько дѣвичьяго, русскаго, гордаго достоинства, что онѣ облагораживали все, къ чему не приказались.

Вѣра Энгельгардъ была моложе. Это была довольно крупная, сильная дѣвушка, съ чисто русскимъ лицомъ, съ прекрасными большими глазами, немного крупными чертами лица и удивительной не частой, освѣщавшей все лице ея, улыбкой.

Когда мы вернулись съ похода, сестры недолго остались въ бездѣйствіи и предложили свои услуги

для труднаго и опаснаго порученія въ Совдепію, которое онѣ прекрасно выполнили.

Никогда не забуду, какъ вскорѣ послѣ похода я приѣхалъ въ Ростовъ; ко мнѣ передъ отъѣздомъ зашла Вѣра Энгельгардтъ.

Ей нужно было со мной посовѣтоваться. Она немного нервничала и много курила. Наконецъ, она прямо задала мнѣ вопросъ о томъ, что я думаю о терроризмѣ противъ большевицкихъ главарей. Я высказалъ ей свое мнѣніе, которое до сихъ перъ не измѣнилось. Она внимательнѣе посмотрѣла на меня и спросила: „а если я это сдѣлаю“?

На мгновение я представилъ себѣ и подвигъ и страшную расплату, эту дѣвушку, хотящую принести себя въ жертву, и все мое человѣческое достоинство возмутилось во мнѣ, и я сталъ горячо, можетъ быть непослѣдовательно, сдавая свои-же позиціи, доказывать ей, что она не должна этого дѣлать. И говорилъ я горячо, потому что зналъ ее, потому что видѣлъ въ глазахъ ея этотъ фаталистическій огонь, рѣшившагося человѣка. Я-ли отговорилъ ее или обстоятельства не дали ей исполнить свой планъ, я не знаю. Мы больше никогда объ этомъ не говорили. Но я знаю, что эту душу, ищущую подвига, нужно было только подтолкнуть, и я счастливъ, что не сдѣлалъ этого.

Господа революціонеры, руками женщинъ готовившіе себѣ пьедесталы и торжество революціи, дѣлали по другому. Возьмите Савинковскія интересныя книги, гдѣ восхваляется типъ романовъ Пшебышевскаго, управляющаго чужой жизнью, направляющаго ударъ женской рукой, гордящагося чужой жертвой.

Шарлотта Кордэ останется героиней, но никогда

антрепренеры этих Кордэ, а этих дѣвушекъ было не мало, не покроютъ ихъ славой свою самодовольную расчетливость.

* * *

На долгое время я потерялъ изъ виду сестеръ Энгельгардтъ. Старшая сестра вышла замужъ за участника похода. Вѣра же была со своимъ отрядомъ при гвардіи.

Послѣ паденія Одессы, когда наша Армія^в была разрѣзана, отрядъ ген. Бредова, въ который входила гвардія, ушелъ къ Польшѣ.

Можетъ быть, когда нибудь расскажутъ намъ, какъ поляки приняли этотъ осколокъ русской арміи, какія униженія ему пришлось испытать, какъ мѣщане во дворянствѣ радовались униженію всего русскаго. Вѣра Энгельгардтъ вынесла весь этотъ плѣнъ, много способствовала облегченію участи плѣнниковъ Польши и, наконецъ, вернулась вмѣстѣ съ гвардіей въ Крымъ черезъ Румынію.

Въ это время ген. Врангель подготовлялъ десантную экспедицію на Кубань и Вѣра Энгельгардтъ со своимъ братомъ Юріемъ ѣдетъ на Кубань. Экспедиція, какъ извѣстно, не принесла ожидаемыхъ плодовъ: кубанское казачество не возстало, какъ это предполагалось, и экспедиціонный корпусъ принужденъ былъ вернуться послѣ прекрасно проведенной эвакуаціи на крымскую территорию.

И вотъ, просматривая газеты, я неожиданно прочелъ объявленіе о панихидѣ по Вѣрѣ Энгельгардтъ. Вотъ, что написалъ я тогда*) подъ тяжкимъ впе-

*) Газ. „Время“, Симферополь 19. IX, 1920.

чатлѣніемъ трагической гибели героической дѣвушки: „Эта удивительная русская дѣвушка, по своему характеру достойная лучшихъ изобразителей русской женской души, была не такъ давно изрублена красноармейцами на Кубани.

Ея преступленіе заключалось въ томъ, что она не бросила своего брата — раненаго офицера и стала защищать его отъ озвѣрѣвшей нечисти.

Бываютъ люди, которые проходятъ по жизненному пути и какъ бы незамѣтнымъ казалось вамъ ихъ прикосновеніе къ вашей жизни, они оставляютъ неизгладимый свѣтлый слѣдъ.

Такова была Вѣра Энгельгардтъ.

Біографія ея коротенькая, какъ вся исторія попытки воссозданія Россіи, и подвигъ ея горячій, кипучій быстръ, какъ прекрасный, пересѣкающій небосводъ, метеоръ.

Эта дѣвушка была сильная, умная, типъ Толстого и Тургенева, безъ болѣзненности Достоевскихъ героинь и безъ милаго ничтожества героинь Чехова.

Это была настоящая русская дѣвушка, и, простите меня, господа демократы, чудесная русская барышня.

И вотъ этой очаровательной русской барышни, этой милой твердой сестрицы, не стало.. Подъ знакомъ краснаго креста она умерла, не какъ безотвѣтственная жертва, а какъ героиня.

Въ Вѣрѣ Энгельгардтъ было столько порыва, столько самоотрѣченія, что она неминуемо должна была искать удивительнаго, мучительнаго подвига.

Она нашла его въ своей геройской кончинѣ.

Если когда нибудь ей поставятъ памятникъ, его слѣдоваго бы украсить съ одной стороны знакомъ перваго похода „въ воздаяніе воинской доблести и отмѣнаго мужества въ бояхъ и непримѣрныхъ

трудоу и лишеній“, который она съ справедливой гордостью носила, и съ другой стороны крестомъ храбрыхъ — Георгіевскимъ крестомъ.

Терновый вѣнецъ и Георгіевскій крестъ это то, что заслужила эта сильная прекрасная русская дѣвушка, вся горѣвшая пламенной любовью къ своей Родинѣ.

* * *

Не даромъ сердца наши бьются
При звонѣ наполненныхъ чаръ
И громкія пѣсни несутся
Во славу Ахтырскихъ гусаръ.

(Послѣдняя гусарская пѣсня Ерофѣева.)

Совсѣмъ изъ другой породы льдеи былъ нашъ общій другъ Ерофѣевъ, котораго всѣ мы звали Бобочкой. Я не знаю человѣка, который, встрѣтивъ его, не уносилъ бы самага милаго впечатлѣнія отъ этого молодого человѣка. Насколько Вѣра Энгельгардтъ была выдержана и замкнута, настолько былъ безпечно веселъ и очаровательно безпутенъ нашъ Бобочка.

Онъ вышелъ въ офицеры въ началѣ войны. Какъ донской казакъ, онъ былъ нѣкоторое время въ одномъ изъ казачьихъ полковъ, потомъ вскорѣ перевелся въ славный полкъ ген. Дениса Давыдова, въ Ахтырскій, въ строю и во главѣ котораго онъ нашель свою геройскую кончину.

Всѣмъ, знакомымъ съ русской арміей, покажется страннымъ сочетаніе настоящаго казака и настоящаго гусара. А Ерофѣевъ достигъ этого. Ахтырскій полкъ, въ которомъ живы были гусарскія традиціи сильнѣе, чѣмъ въ любомъ гусарскомъ полку, полкъ, славившійся удивительнымъ Денисомъ Давыдовымъ, гулякой,

гусаромъ, партизаномъ, поэтомъ, котораго Толстой вывелъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ въ лицѣ Васьки Денисова, полкъ, давшій трехъ братьевъ Панаевыхъ, красу и гордость русской конницы, какъ это, не оспаривая этого званія, признавала вся русская кавалерія, этихъ трехъ удивительныхъ рыцарей, влюбленныхъ религіозной, мистической любовью въ свое ратное дѣло и въ свой полкъ, считалъ въ своихъ послѣднихъ рядахъ и Ерофѣева.

Онъ былъ средняго роста, съ круглымъ, совсѣмъ юношескимъ лицомъ, хотя иногда и истрепаннымъ. Онъ не былъ красивъ, но былъ очень привлекателенъ. И что не часто въ казачествѣ, онъ былъ прекрасно воспитанъ и обладалъ тѣмъ внутреннимъ тактомъ, который давалъ ему возможность быть любимымъ всѣми до простого казака или гусара.

Безпутности онъ былъ необычайной. Никто больше его не любилъ выпить и закусить, но всегда онъ былъ милъ, остроуменъ и блестяще веселъ. Талантовъ, и самыхъ серьезныхъ, у этого молодого человѣка лѣтъ 25-26, было множество. Онъ прекрасно писалъ стихи, самъ перекладывалъ ихъ на музыку, игралъ на гитарѣ, балалайкѣ, гармоникѣ, мило пѣлъ, былъ прекраснымъ рассказчикомъ, безупречнымъ, умѣлымъ, вдумчивымъ писателемъ и удивительнымъ каррикатуристомъ.

По своей разнообразности таланта, по своей безпутности, онъ во многомъ напоминалъ мнѣ тонкаго, блестящаго, слишкомъ скоро забытаго, Юрія Бѣляева.

Бѣляевъ былъ крупнѣе Ерофѣева; его удивительный талантъ былъ больше, можетъ быть на много, но онъ вѣдь умеръ въ 40 лѣтъ, надъ нимъ и его полусушительной работой склонялся мой отецъ А. С. Су-

воринъ, которому обязанъ своимъ расцвѣтомъ, какъ Чеховъ, такъ и Бѣляевъ.

Кто-же могъ вести къ славѣ этого маленькаго офицера, да еще во время германской и гражданской войнъ, кромѣ его поразительной чуткости и молодого таланта?

Бобочка былъ прекрасно молодъ. Его молодость сквозила во всемъ, какъ и у Бѣляева.

Возьмете ли вы каррикатуры Бѣляева, его „Барышень Шнейдеръ“, статью по обожаемому имъ театру, его пьесы — все въ Бѣляевѣ дышетъ той бодрой сверкающей молодостью, передъ которой былъ безсиленъ критическій старый разумъ моего отца, въ 70 лѣтъ увлеченный этимъ прекраснымъ образцомъ художественной богемы и прощавшій Бѣляеву всю его дорогую всѣмъ его сверстникамъ и друзьямъ безпутность.

Таковъ-же былъ и Ерофѣевъ.

Трудно писать объ этомъ потерянномъ другѣ, не имѣя и не надѣясь получить когда-нибудь того, что онъ творилъ такъ весело и безпечно. Все погибло въ страшные годы большевизма. Все, что я могу воздать его памяти, это обрывки воспоминаній о немъ.

Если французы могутъ похвастаться своей „guerre en dentelles“, мы можемъ похвастаться веселой войной Бобочки Ерофѣева. Будучи прекраснымъ офицеромъ и нѣсколько разъ раненымъ, онъ, благодаря своему мягкому юмору, всѣ лишенія и ужасы войны скрадывалъ въ безпечной молодой доблести. Онъ и воевалъ по своему, какъ воевалъ Денисъ Давыдовъ и недаромъ мы всѣ, какъ и его товарищи по полку, считали его воплощеніемъ и гордостью славнаго традиціоннаго полка.

*

*

*

Я жилъ въ Ростовѣ у моего пріятеля армянина. Я не смѣю назвать фамиліи милаго, гостепріимнаго Авета.

Какъ-то разъ весной, рано, рано утромъ я былъ разбуженъ громкимъ стукомъ въ ставни и почти въ то-же время въ дверь квартиры.

Время было военное и всякія непріятности возможны. Я безъ большого удовольствія пошелъ открывать дверь. На площадкѣ стоялъ Бобочка, приложивъ руку къ козырьку фуражки, и докладывалъ:

„Господа офицеры Ахтырскаго, Бѣлгородскаго и Стародубовскаго полковъ (12-ая дивизія ген. Каледина) просятъ васъ подойти къ окну.“

Онъ повернулся, щелкнулъ шпорами и исчезъ.

Я пошелъ къ окну и открылъ его. Немедленно въ меня полетѣли нѣсколько мокрыхъ отъ росы вѣтвей цвѣтущей акаціи.

Господа офицеры, уходя на фронтъ, прощались со своими друзьями, тутъ-же порубивъ шашками пряные душистые цвѣты.

„Развѣ можно рубить деревья и цвѣты“, возмутится обыватель, а у меня тогда и мысли объ этомъ не было, и я съ радостью пожималъ руки этихъ малознакомыхъ людей и желалъ имъ счастья.

Могъ ли журналистъ, въ наше тяжкое кровавое время получить лучшій знакъ вниманія, чѣмъ эти милые, мокрые, душистые цвѣты?...

Бобочка лыбилъ неожиданности.

Въ другой разъ, это было въ Крыму — въ Феодосіи (много позднѣе), я крѣпко спалъ.

Проснулся я отъ звуковъ гитары. Напротивъ меня сидѣлъ Ерофѣевъ и одинъ изъ офицеровъ его полка. Ему не спалось въ скучной стоянкѣ, и онъ

пришелъ къ намъ, зная какъ любили и цѣнили мы его безпутную прелестную веселость.

Какимъ-то образомъ появился боченокъ вина, зашипѣла на бензинкѣ яичница, потомъ изъ моря вставало солнце и съ пѣснями провожали мы гусаровъ.

Въ бояхъ онъ былъ тѣмъ-же. Про него рассказывали, что онъ ходилъ въ атаку съ балалайкой и плясалъ съ гармоникой на окопахъ передъ удивленными нѣмцами.

Это была особая военная богема, не знавшая хвастовства и честолюбія. Ему не нужны были благородныя слова о чувствѣ долга. Онъ воевалъ, былъ храбръ потому, что это нужно было, и чтобы это не было скучно и тяжело, онъ воевалъ весело.

Когда онъ прїѣзжалъ ко мнѣ въ отпускъ въ Крымъ, онъ лѣнтяйничалъ, ходилъ кое-какъ одѣтымъ, много ѣ весело пѣлъ и завоевывалъ сердца всѣхъ.

Я не знаю, остались ли еще въ живыхъ его товарищи по полку (въ 26 лѣтъ онъ былъ старшимъ ахтырцомъ), но если есть они, всѣ они подтвердятъ, что ни его безпутство, ни его лѣнь никогда не мѣшали ему быть прекраснымъ офицеромъ и внимательнымъ, умнымъ командиромъ.

За мѣсяць до его смерти, въ сентябрѣ 1920 года, я получилъ отъ него письмо съ фронта. Онъ сообщалъ мнѣ, что его раны и его ревматизмъ заставляютъ его уѣхать отдыхать при наступленіи холодовъ, и что онъ прїѣдетъ ко мнѣ.

Къ великому моему огорченію онъ не отдохнулъ у меня. Я уѣхалъ въ Парижъ, не предполагая катастрофы, постигшей Армію, а Ерофѣевъ погибъ на своемъ посту, командуя ахтырцами.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онъ хоронилъ въ Феодосіи старшаго ахтырца — полковника Псела.

Пселы отъ дѣдовъ къ внукамъ были ахтырцами. Послѣдній Псель былъ лихой офицера и ахтырецъ. Шальной снарядъ убилъ его, когда онъ въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ послѣ тяжелой боевой работы хотѣлъ осушить стаканъ другой вина.

Бобочка погибъ послѣ удачной конной атаки. Гусары, имѣя его во главѣ, возвращались на стоянку. Бой кончился. Но кто знаетъ предѣлъ боевой удачи.

Вдругъ Ерофѣевъ склонился къ сѣдлу. Къ нему бросились, онъ былъ мертвъ. Какая-то шальная пуля, столько разъ миловавшая его, убила его.

Я узналъ объ этомъ уже въ Парижѣ.

Не стало милаго Бобочки, не стало гусара, таланта, дорогого друга. Погасъ яркій факель его молодой жизни и погибнетъ его молодое, свѣжее, какъ тѣ мокрая кисти акаціи, творчество. Онъ ничего не оставилъ послѣ себя и только мы, его друзья, можемъ вспомнить и его талантъ, и его безпечное веселіе, не оставлявшее его до самой смерти, его особую безшабашную доблесть.

Съ нимъ закрылась загадочная для многихъ, непонятная страница исторіи русской казачьей и гусарской доблести. Погибъ ахтырецъ и партизанъ-чернецовецъ. Какъ Денисъ Давыдовъ, онъ бѣлъ партизаномъ. Сто лѣтъ раздѣляло ихъ, а невѣдомыя нити тянулись отъ славнаго гусарскаго вождя и партизана къ этому молодому гусару, прирожденному вождю, которому жизнь улыбнулась, не выдержавъ взгляда его милыхъ веселыхъ глазъ, которому она второпяхъ принесла всѣ свои лучшіе дары — молодость, талантъ и безбрежное веселіе. А за спиной его подкарауливала смерть и маленькая рана въ за-

тылкѣ положила конецъ его скромному, но триумфальному шествію по жизненному пути.

Милый Бобочка, какъ далека ты отъ понятія смерти, я вижу тебя близко, близко; я не оскорблю твою память, если налью до краевъ стаканъ вина и, вставъ, въ твою благоуханную молодую память я осушу его.

Въ сердцѣ моемъ все еще звучитъ твой голосъ:

„При славномъ Царѣ Алексіи
Въ степяхъ, гдѣ дрались казаки
На граняхъ великой Россіи
Рождались наши полки“ . . .

Такъ пѣлъ ты своему полку, и сейчасъ я съ радостью чувствую твое присутствіе и выпитый залпомъ стаканъ вина еще больше приближаетъ меня къ тебѣ — мой милый гусарь, нашъ Бобочка милый!

* * *

Вѣра Энгельгардтъ. Бобочка Ерофѣевъ.

Какъ далеки они и какъ близки. Могилы ихъ неизвѣстны. Трудъ, доблесть, подвигъ привелъ ихъ къ смерти отъ руки русскихъ-же людей.

Вѣра Энгельгардтъ служила долгу. Въ ней много было отъ Саванароллы и Франциска Ассизскаго, отъ Гермогена и Шарлотты Кордэ.

Бобочка былъ внѣ долга. Все въ немъ было отъ талантливой молодости, отъ прелести молодости, давшей ему мечъ въ руки.

Но общее въ нихъ такъ сильно, такъ великъ порывъ этой дѣвушки и этого юноши къ жертвенному служенію своей Родинѣ, что я не раздѣляю ихъ служеніе, хотя они другъ друга и не знали.

Я вижу задумчивые прекрасные большіе, по

русски вырѣзанные, глаза Вѣры Энгельгардтъ, я вижу веселый взглядъ Бобочки Ерофѣева.

Они были бы чуждыми другъ другу.

Но страданія, испытанія Родины связали ихъ жизни, соединили ихъ стремленія и смерть на полѣ брани связала ихъ воспоминанія.

Въ тихую, зрѣздную ночь, когда замираетъ шумъ великаго города, я, ихъ неожиданный лѣтописецъ, склоняю колѣни передъ ихъ памятью и тщетно въ небѣ ищу я мягкіе лучистые глаза святой дѣвушки и веселый очаровательный взглядъ безпутнаго гу-сара.

XVI.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.

Возвращеніе на Донъ нашей маленькой усталой арміи совпало съ тремя очень важными событіями. Самымъ значительнымъ для насъ было появленіе нѣмцевъ на Дону, совпавшимъ съ успѣхами донского возставшаго казачества, и, еще большая неожиданность, приходъ частей полковника Дроздовскаго, совершившихъ необычайно трудный походъ изъ Румыніи черезъ весь югъ Россіи на соединеніе съ нашей арміей.

Мало кто въ Европѣ знаетъ объ этомъ подвигѣ, исполненіе котораго было еще труднѣе, такъ какъ ни наша армія, ни полк. Дроздовскій въ точности ничего не знали другъ о другѣ. Отрядъ Дроздовскаго совершилъ необычайное дѣло и ему пришлось нанести *le coup de grâce* большевизму на Дону.

Пришли они за нѣсколько дней до нѣмцевъ и выгнали большевиковъ изъ Ростова на второй или третій день Пасхи. Однако удержаться въ громадномъ городѣ съ полумилліоннымъ населеніемъ Дроздовцы, какъ сразу стали ихъ называть, не смогли и двинулись къ Новочеркаску, уже занятому казаками полк. Денисова, Полякова и Семилѣтова. Доблестные Дроздовцы (или Дрозды, какъ ихъ ласково звали) явились въ тотъ самый моментъ,

когда большевики съ необычайной энергіей пробовали вырвать вновь городъ изъ рукъ казаковъ. Побѣда уже склоняла свое измѣнчивое лицо къ краснымъ, когда нѣсколько броневиговъ и подоспѣвшая кавалерія Дроздовскаго опрокинула всѣ ихъ планы.

Дроздовскій въ этомъ бою сыгралъ ту-же роль, какъ корпусъ Блюхера подъ Ватерлоо и дивизія Дэзэ подъ Маренго. Какъ Дэзэ, онъ могъ сказать: „сраженіе проиграно, но у меня есть время выиграть новое.“ Новочеркасскъ былъ освобожденъ, большевики окончательно разбиты и выброшены изъ столицы Дона, которая увидѣла вновь большевиковъ только въ концѣ декабря 1919 года.

Мои друзья, пережившіе первую большевицкую окупацію Новочеркаска, рассказывали мнѣ, что въ этотъ день въ городѣ царила полная паника. Они уже оставили свою маленькую дочь у родственниковъ и собирались уходить, куда глаза глядятъ, когда пришла радостная вѣсть о приходѣ Дроздовцевъ.

* * *

Позвольте мнѣ отвлечься на мгновеніе и рассказать удивительный случай, происшедшій съ нынѣ покойнымъ моимъ другомъ военнымъ врачомъ.*)

Какъ-то передъ крушеніемъ большевизма, когда обыски, разстрѣлы и аресты стали особенно многочисленны, какъ всегда это бываетъ съ красными, видящими быстрое сверженіе своей власти и мстящими беззащитному населенію, къ нимъ позвонили. Д-ръ, жившій со своей женой и маленькой дочкой на квартирѣ своего зятя во второмъ этажѣ, пошелъ открыть дверь.

*) Фамилію его не называю, не зная судьбы его семьи.

Внизу его ждали три вооруженных красноармейца и сразу спросили, здѣсь ли живетъ Ахитовъ. Фамилія была совершенно неизвѣстна, но красные слѣдователи настаивали на правильности этого имени, причѣмъ, какъ доказательство, предъявили письмо . . . самаго Х.; но подпись его (его имя начиналось на А.) была такъ неразборчива, или, вѣрнѣе, такъ случайно похожа на „Ахитова“, что этимъ полуграмотнымъ людямъ и въ голову не пришло это совпаденіе.

А письмо для большевиковъ было очень важное. Въ немъ мой другъ указывалъ одному офицеру, арестованному большевиками, какъ нужно обращаться съ тѣми ядами, которые онъ ему послалъ въ тюрьму, чтобы раздѣлаться со стражей. Почему-то онъ указалъ и свой адресъ. Офицеру удалось бѣжать, но впопыхахъ онъ забылъ это письмо у себя на столѣ.

Х. не растерялся, увѣрилъ, что никакой Ахитовъ здѣсь не живетъ, хотя предложилъ имъ для выигрыша времени справиться у сосѣдей. Въ это время онъ успѣлъ подняться къ себѣ и въ двухъ словахъ рассказать испуганнымъ женщинамъ о недоразумѣніи.

Когда представители красной юстиціи явились къ нимъ на квартиру, тщетно разыскивая таинственнаго Ахитова, бывшаго въ ихъ рукахъ, комедія уже была готова къ постановкѣ и блестяще разыграна. Для большей убѣдительности одна изъ дамъ рассказала, что дѣйствительно недавно кто-то съ похожей фамиліей звонилъ имъ по телефону и собирался снять у нихъ комнату, но что изъ этого ничего не вышло, такъ какъ онъ, дескать, обѣщался зайти и внести задатокъ и не сдѣлалъ этого.

Большевики ушли, выпивъ вина и заявивъ, что

они немедленно „поставятъ къ стѣнкѣ“ этого неуловимаго Ахитова, какъ только его поймають.

Когда я открылъ газету въ томъ же Новочеркасскѣ, я предложилъ Х. выбрать имя Ахитова, какъ псевдонимъ, что онъ и сдѣлалъ. Къ сожалѣнію д-ръ Х. былъ недолговѣченъ. Въ 1919 году, страдая отъ тяжелой контузіи, полученной имъ въ великую войну, онъ отравился средствами отъ головной боли, мучившей его, и скончался за двѣ недѣли до моего друга Н. Н. Щтиглица, погибшаго отъ испанки въ томъ-же злополучномъ Ростовѣ.

* * *

Итакъ, получилась такая странная картина. На Донѣ, гдѣ безраздѣльно царствовали большевики, явились сразу въ Новочеркасскъ возставшее казачество и Дроздовцы, въ Ростовъ вошли нѣмцы, а на южной границѣ Дона расположилась Добровольческая Армія.

Я тогда находился еще при штабѣ ген. Алексѣева въ станицѣ Егорлицкой. Точно ничего не было извѣстно ни о нѣмцахъ, ни о Дроздовцахъ. Съ одной стороны говорили о громадной ихъ численности, съ другой о томъ, что они пришли съ нѣмцами. Ни то, ни другое оказалось не вѣрнымъ и полк. Дроздовскій немедленно подчеркнул свое желаніе подчиниться ген. Алексѣеву и Деникину.

Съ пустыми руками приходитъ на Донъ ген. Деникинъ не хотѣлъ и, давъ короткій отдыхъ своимъ войскамъ, онъ, неожиданно для большевиковъ, вновь короткимъ ударомъ вернулся на Кубань и тремя колоннами ген. Богаевского, Маркова и Покровскаго разгромилъ большевиковъ у станцій Леушковс-

кой, Сосыки и Крыловской. Въ наши руки попали и орудія и снаряды, пулеметы, патроны и цѣликомъ нѣсколько поѣздовъ со всякимъ добромъ, которое красные спѣшили увозить изъ Ростова на Кубань.

Экспедиція эта, въ которой я имѣлъ честь принимать участіе, продолжалась нѣсколько дней и мы вернулись въ станицу Мечетанскую, гдѣ уже подробнѣе узнали о событіяхъ въ Ростовѣ и въ Новочеркасскѣ. Ген. Богаевскій уѣхалъ въ Новочеркасскъ, гдѣ уже былъ избранъ Атаманомъ ген. Красновъ, который предложилъ ему мѣсто предсѣдателя совѣта министровъ и портфель иностранныхъ дѣлъ. Красновъ призналъ нѣмцевъ „дорогими гостями“ и повелъ опредѣленно германофильскую политику, не порывая, однако, съ нашей Арміей, что видно изъ переписки ген. Алексѣева съ Милюковымъ (май, іюнь „Новое Время“ въ Бѣлградѣ за 1921 годъ). Красновъ былъ вообще очень способнымъ дипломатомъ и нѣкоторое время сумѣлъ лавировать среди всякихъ подводныхъ камней, угрожавшихъ ему и казачеству.

Не надо забывать, что это происходило въ маѣ 1918 года, когда нѣмцы были побѣдоносны, что мы были отрѣзаны совершенно отъ общенія съ союзниками и слѣдовательно всѣ новости къ намъ приходили исключительно изъ нѣмецкихъ источниковъ и нужно было много твердости, чтобы удержаться на союзнической оріентаціи. Украина была въ рукахъ нѣмцевъ и тамъ фиктивно правилъ гетманъ Скоропадскій, ѣздившій на поклонъ къ Вильгельму II; на Дону ген. Красновъ, его ближайшій помощникъ командующій донской Арміей ген. Денисовъ и его начальникъ штаба ген. Поляковъ не скрывали своихъ нѣмецкихъ симпатій. Ген. Красновъ былъ остороженъ, но его помощники, кромѣ ген. Богаевского,

оставшагося вѣрнымъ Добровольческой Арміи и ея принципамъ, подчеркивали свою ненависть къ нашей Арміи и ея вождямъ и свою вѣрность нѣмцамъ. Они то и заставили, впоследствии, совершенно сойти со сцены талантливаго организатора ген. Краснова.

Казакоманія ген. Денисова и Полякова доводила ихъ до совершенно ненужныхъ скандаловъ. Такъ, наприимѣръ, за то, что я всегда подчеркивалъ заслугу Добровольческой Арміи и ея Вождей, эти два генерала собрались меня выслать и закрыть мою газету „Вечернее Время“.

Это имъ не удалось.

Въ другой разъ у меня произошелъ слѣдующій довольно забавный инцидентъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ правительства Всевеликаго Войска Донского, какъ назвалъ новое государство ген. Красновъ, увлеченный исторіей своего войска. Я не называю сейчасъ имени этой эфемериды, да онъ ничѣмъ особенно не отличался, кромѣ того, что недурно игралъ на гитарѣ.

Министръ вызвалъ меня, чтобы ознакомить съ выговоромъ, съ которымъ обратилось черезъ его голову ко мнѣ германское правительство.

Дѣло въ томъ, что въ Ростовъ тогда прибылъ изъ Варшавы бывший офицеръ германскаго штаба — полякъ по національности. Онъ былъ по раненіямъ отпущенъ со службы. Ему пришлось быть свидѣтелемъ начала наступленія ген. Фоша и онъ въ разговорѣ съ друзьями передалъ о впечатлѣніи „начала конца“ германской побѣды. Это дошло до меня, и я, насколько мнѣ позволяла цензура, напечаталъ это неожиданное извѣстіе и могу похвастаться, что былъ первымъ на югѣ Россіи журналистомъ, сообщившимъ эту вѣсть.

Нѣмцы потребовали объясненія въ довольно наглыхъ тонахъ, опровергая все отъ начала до конца. Министръ принялъ меня очень сухо, ознакомилъ меня съ нѣмецкимъ документомъ и иронически спросилъ: „откуда вы это узнали. У васъ есть прямой проводъ съ французскимъ штабомъ“?

Я отвѣтилъ ему совершенно для него неожиданнымъ образомъ. „Нѣтъ, сказалъ я, эти свѣдѣнія я получилъ изъ германскаго штаба.“

Министръ больше не настаивалъ.

* * *

Маленькая, но все увеличивавшаяся Добровольческая Армія, однако держалась самостоятельно, какъ нѣкоторый оазисъ среди нѣмцефильства и большевизма-порожденія нѣмецкой политики. За это короткое время я не могу не указать тѣхъ случаевъ, когда наши вожди Алексѣевъ и Деникинъ доказали всю свою лояльность и вѣрность данному союзникамъ слову.

Несмотря на уговоры Милюкова, на его уговоры о пользѣ восстановленія монархіи (ген. Алексѣевъ всегда считалъ, что конституціонная монархія единственный подходящий для русскаго народа режимъ) ген. Алексѣевъ посылаетъ въ Москву своего любимаго офицера полк. Шаперона дю Ларрэ къ военному представителю р е с п у б л и к а н с к о й Франціи. Въ этомъ фактѣ наши союзники могутъ ясно увидѣть, какъ, несмотря на всѣ соблазны, нашъ старый мудрый вождь относился къ своему слову и, можетъ быть, у многихъ изъ его французскихъ соратниковъ въ великой войнѣ сожмется сердце при той величайшей

несправедливости, которая была оказана его дѣтищу — Арміи отъ имени союзной Франціи.

Ген. Деникинъ также остался вѣрнымъ союзникамъ. Когда нѣмцы потребовали выдачи въ широковѣщательномъ и грозномъ приказѣ чеховъ, бывшихъ у насъ въ Арміи, какъ австрійскихъ подданныхъ, я, по ихъ просьбѣ, побывалъ у ген. Деникина и выяснилъ ему ихъ опасенія.

Генераль улынулся и сказалъ, что „пусть идутъ подъ нашу высокую руку и ихъ не тронуть“.

„А если нѣмцы потребуютъ выдачи,“ спросилъ я. „А если потребуютъ, я имъ дамъ бой.“ — И это было сказано такъ рѣшительно, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно такъ и было бы.

Кстати, нѣмцы и не настаивали.

Когда наши войска уже перешли въ наступленіе во второй Кубанскій походъ, нѣмцы подъ видомъ „помощи“ арміи пошли слѣдомъ за ней. Ген. Деникинъ приказалъ полк. Кутепову вернуться къ донской границѣ и взорвать большой Кушевскій мостъ, что тотъ сдѣлалъ такъ откровенно, что куски камней попали въ станицу, гдѣ стоялъ нѣмецкій штабъ. Намекъ былъ понятъ и нѣмцы дальше не пошли.

* * *

Я хочу нѣсколько остановиться на своихъ переживаніяхъ, раньше чѣмъ перейти къ послѣднимъ главамъ моей книги, къ описанію второго Кубанскаго похода, закончившагося нашей побѣдой и смертью нашего вождя ген. Алексѣева.

Итакъ, въ бездѣйствіи я жилъ вмѣстѣ съ Шаперономъ въ Мечетинской. Генераль Алексѣевъ имѣлъ

какіе-то виды на меня и не отпускала. Временно онъ поручилъ мнѣ изданіе „Полевого Листка Добровольческой Арміи“, который выходилъ въ форматѣ листка блокнота и то изрѣдка.

Наконецъ я получилъ разрѣшеніе и немного денегъ, таъ какъ былъ совершенно нищъ, а ген. Алексѣевъ былъ очень экономенъ, и поѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Поздно вечеромъ выѣхали мы на лошадахъ въ станцію Манычскую, но во время грозы запутались въ степи и вернулись. Всетаки, на другой день мы выѣхали и, протрясаясь въ тачанкѣ версть 50, добрались до Манычской, лежащей при впаденіи рѣки Маныча въ Донъ.

Донъ и Маныч разлились и всѣ окрестности были подъ водой. Отсюда мы должны были ѣхать на пароходѣ, но пароходъ ушелъ, не дождавшись насъ, и мы воспользовались случайнымъ моторнымъ катеромъ, возвращавшимся въ Ростовъ.

Тутъ произошелъ невѣроятно глупый инцидентъ. Кто-то на катерѣ заявилъ, что по Дону плаваютъ мины. Какъ это ни странно, ѣхавшій съ нами артилерійскій офицеръ повѣрилъ этому и одно мгновеніе намъ грозила опасность остаться на берегу. Напрасно утверждалъ я и мой спутникъ, извѣстный славянскій журналистъ Геровскій, только-что пріѣхавшій въ Армію, что это вздоръ, напрасны были наши утвержденія, что мины вверхъ по теченію не плаваютъ, что имъ неоткуда взяться. Наконецъ мы уговорили команду и пассажировъ и особенно владѣльца, указавъ ему на то, что два пассажира уже слѣзли и что онъ всѣхъ потеряетъ, если не отчалить немедленно.

Онъ такъ и сдѣлалъ.

Донъ удивителенъ во время разлива. Вездѣ, какъ оазисы, виднѣются церкви станицъ и на высокой горѣ за 25 верстъ блеститъ своимъ куполомъ великолѣпный Новочеркасскій соборъ.

Мы должны были вылѣзти на ст. Аксай и пересѣсть на жел. дорогу.

Здѣсь впервые увидѣлъ я нѣмцевъ.

Они стояли на пристани въ уродливыхъ каскахъ и фуражкахъ. Какъ было ужасно видѣть на своей землѣ этихъ гордыхъ побѣдителей, какъ тяжело было чувствовать ихъ торжество и свою беспомощность. Послѣднихъ нѣмецкихъ солдатъ я видѣлъ плѣнными въ 1917 году.

Да но вѣдь съ тѣхъ поръ была „великая побѣда революціи“!

Я взобрался безъ спроса въ воинскій эшелонъ Дроздовцевъ. Какъ только узнали, что мы изъ Арміи, къ намъ отнеслись съ большимъ радушіемъ и рады были уступить мѣсто въ товарномъ вагонѣ.

Странно мнѣ было видѣть желѣзную дорогу, двигающіеся безпрепятственно поѣзда. Вѣдь мы только и дѣлали, что взрывали полотно и бѣжали отъ желѣзныхъ дорогъ, а тутъ вдругъ я сагусь въ поѣздъ, беру билетъ и никто меня не пытается взорвать.

Бхаль я въ лихорадочномъ ожиданіи Новочеркаска. Послѣ трехъ мѣсяцевъ скитаній и лишеній я возвращался къ культурѣ. 12-го феврала я уѣхаль изъ Новочеркаска и 12-го мая возвращался въ него. День въ день, часъ въ часъ три мѣсяца.

Около шести часовъ я на ходу соскочилъ съ поѣзда и со своимъ маленькимъ чемоданчикомъ, въ которомъ ничего не было, кромѣ Евангелія, записныхъ кни-

жекъ и моихъ замѣтокъ, я побѣждалъ искать извозчика и нашелъ единственнаго.

Мнѣ показалось, что я попалъ въ Петербургъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Были дома, извозчики, гостиницы, мостовыя, гуляли прохожіе.

Боже, какая радость! Я буду жить въ гостиницѣ и куплю себѣ бѣлья. Въ Ростовѣ у меня цѣлый чемоданъ съ платьемъ. Я одѣнусь, буду спать въ кровати, ѣсть по заказу, а не вѣчный ненавистный борщъ. Буду пить вино, а не скверную водку и ту не всегда. Вообще, я черезъ четверть часа буду европейцемъ.

Я влетѣлъ въ свою старую гостиницу и удачно поймалъ прекрасный номеръ. Мальчишка Семка, какъ я его называлъ Симеонъ Гордый, былъ въ восторгѣ, какъ и хозяйева. Я подбѣжалъ къ телефону. Вы подумайте, настоящій телефонъ — нужно долго вертѣть его ручку, сердиться на барышню, все что такъ скучно и что казалось такимъ новымъ и недоступнымъ двѣ недѣли тому назадъ.

Я засталъ только хозяйку: „никому не говорите и прямо приходите къ ужину. Я всѣмъ устрою сюрпризъ“.

Я пошелъ по улицамъ купить себѣ бѣлья. Я былъ въ ужасномъ видѣ. Въ рваныхъ штанахъ, въ рваномъ пиджакѣ безъ пуговицъ, въ толстой фуфайкѣ на голое тѣло, въ рваныхъ сапогахъ, потрепанныхъ крагахъ и въ громадной папахѣ.

Увы, всѣ магазины были закрыты. Я грустно вернулся къ себѣ въ гостиницу. Положеніе мое ухудшалось тѣмъ, что я вовсе не былъ увѣренъ, что по мнѣ не поползетъ какое нибудь отвратительное животное.

Здѣсь я засталъ барышень Энгельгардтъ. Мы

не видались всего двѣ недѣли, но послѣ похода, когда такъ свыкаешься, казалось, что мы долго, долго не видались.

Было уже поздно, когда я, волнуясь, позвонилъ къ д-ру Х. Навстрѣчу мнѣ выбѣжала его жена. Гости уже были за столомъ, когда она ввела меня, не бритаго, грязнаго, рванаго, къ столу.

Какой контрастъ я представлялъ со всей этой обстановкой уютнаго комфорта, съ этими людьми, хорошо одѣтыми. И какъ я гордъ былъ своимъ видомъ и своимъ походомъ, тѣмъ болѣе, что за столомъ сидѣлъ блестящій офицеръ блестящаго полка, одѣтый съ иголки, не пожелавшій рискнуть пойти на нашъ походъ.

Я переходилъ отъ однихъ объятій къ другимъ. Не знали, какъ быть мнѣ пріятнымъ. Столъ, скатерть, серебро, тарелки, рюмки — все было вновь до такой степени, что, забывъ, что я не въ хатѣ съ глинянымъ поломъ, выплеснулъ недопитую рюмку на паркетъ. Но и это показалось очаровательнымъ.

Кончилась четверть водки, ходили къ какому-то портному за виномъ, опять пили, опять ходили къ портному.

Я пилъ, говорилъ и былъ несказанно счастливъ, забывая и о своей фуфайкѣ и о возможной интервенціи вшей.

Кузьма Прутковъ, — нашъ ироническій философъ, изрекшій больше истинъ, чѣмъ Толстой и всѣ другіе философы, сказалъ:

„Двѣ вещи, однажды начавъ, трудно кончить: чесать, гдѣ чешется, и бесѣдовать съ вернувшимся съ похода другомъ.“

Я и чесался по привычкѣ и бесѣдовалъ о походѣ, и, Боже мой, сколько мы выпили.

XVII.

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОДЪ.

Положеніе Арміи ген. Алексѣева и Деникина было таково. Съ одной стороны армія быстро управлялась отъ усталости похода. Черезъ Украину на Донъ перебирались къ намъ офицеры и армія росла. Большевизмъ на Дону былъ почти раздавленъ и съ этой стороны опасности никакой не грозило.

Черезъ ту же Украину на Донъ къ казакамъ нѣмцы милостиво пропускали русское-же оружіе, часть котораго попадало въ Армію. Такимъ образомъ она окрѣпла и численностью и вооруженіемъ.

Можетъ быть духъ уже не былъ тотъ, который царилъ въ несравненномъ походѣ. Было слишкомъ много новыхъ, которые завидовали старымъ и кромѣ того нельзя отрицать, что и старые подчеркивали иногда эту разницу. Но, все таки, войска второго похода, можетъ быть и уступая первоходникамъ, представляли собой прекрасныя воинскія части, во многомъ превышавшія тѣ, которыя двинулись въ 1919 году на Москву.

Держать Армію въ такое тревожное время безъ работы, да еще въ сосѣдствѣ съ Украиной, переманивавшей офицеровъ за хорошія деньги къ себѣ, и съ нѣмцами, дѣлавшими все, чтобы ослабить армію, нельзя было. Нѣмцы выдумали даже специально

астраханскую и южно-русскую армию, гдѣ платили дороже и лучше снабжали людей.

Ген. Красновъ звалъ ген. Алексѣева на осаду Царицына, но этому мѣшали два главныхъ соображенія. Во первыхъ, этимъ самымъ мы какъ-бы дѣлались союзниками нѣмцевъ, идя съ донскими казаками — ихъ союзниками, и порывали съ Антантой, чего избѣгалъ всячески ген. Алексѣевъ. Съ другой стороны у Алексѣева и Деникина были нравственныя обязательства передъ Кубанцами, которые пошли съ нами на Донъ только для пополненія и для того, чтобы вернуться къ себѣ на родину.

Необычайная донская казакманія окружающихъ атамана Краснова и его страсть къ казачеству не дѣлала Добровольцевъ желанными гостями на Дону, а на Кубани, гдѣ то и дѣло подымались возстанія, нашу армию ждали съ нетерпѣніемъ, какъ избавительницу.

Эти причины заставили ген. Алексѣева и Деникина двинуться вновь на Екатеринодарскую дорогу.

Этотъ походъ я не продѣлалъ съ арміей, издавая свое „Вечернее Время“, находясь по возможности съ ней въ связи.

На этотъ разъ наша армія не уклонялась отъ встрѣчи съ врагомъ, а шла на него. Самыми важными центрами были на лѣвомъ флангѣ — ст. Торговая и Великокняжеская, гдѣ у большевиковъ были большіе склады, и Тихорѣцкая, гдѣ они были еще больше.

Первые-же бои принесли намъ радость побѣды и за нею тяжелое извѣстіе о смерти ген. Маркова.

Онъ только-что пріѣхалъ отдохнуть въ Новочеркасскъ и прочелъ блестящую лекцію, послѣ которой оваціямъ не было конца. Въ тотъ же вечеръ мы съ нимъ встрѣтились въ Европейской гостини-

ницѣ. Онъ былъ еще полонъ того блеска, который человѣкъ носитъ въ себѣ послѣ большого успѣха. Онъ былъ счастливъ, блестящъ, веселъ. Его немного Донкихотское лицо оживлялось безпечной улыбкой. Я напомнилъ ему, какъ онъ меня зря обругалъ у Медвѣдовской, напомнилъ ему „жеребцовъ“ и „уполномоченныхъ“ и разстались мы съ нимъ съ тѣмъ, что онъ вызоветъ меня передъ отъѣздомъ, чтобы поговорить о многомъ.

Но его вызвали на фронтъ и больше я его не видѣлъ. Черезъ три-четыре дня, а можетъ быть и раньше, онъ былъ смертельно раненъ послѣ боя у Шабліевки около Торговой 12-го іюня, а 13-го скончался.

Вотъ какъ это произошло со словъ близкаго ему офицера.

Великокняжеская была взята. Бой окончился. Ген. Марковъ находился въ хатѣ въ Шабліевкѣ съ нѣсколькими офицерами. Стрѣльба почти совершенно прекратилась. Ген. Марковъ, очень довольный результатами боя, былъ веселъ и жизнерадостенъ. Почему-то онъ вышелъ изъ хаты, но никто за нимъ не пошелъ. Въ это время раздался взрывъ снаряда неподалеку. Офицеры вышли и увидѣли генерала, лежащаго раненымъ. Послѣ этого шального снаряда не было ни одного. Этотъ человѣкъ, всегда и всюду рисковавшій собой, погибъ почти-что въ мирной обстановкѣ затихшаго боя. Его, какъ и Корнилова, унесла отъ насъ дикая случайность.

Приведу вкратцѣ его біографію.

Ген. Сергѣю Леонидовичу Маркову было немного больше сорока лѣтъ когда настигла его смерть.

Окончилъ онъ Константиновское Артиллерійское Училище и Академію Генеральнаго Штаба. Вы-

пушень былъ во вторую гвардейскую артиллерійскую бригаду. Участвовалъ въ японской войнѣ.

Великая война застаеъ его начальникомъ штаба такъ называемой „желѣзной“ стрѣлковой бригады, покрывшей себя славой еще въ турецкую кампанію. Командовалъ бригадой ген. Деникинъ. Около года онъ командуетъ полкомъ той-же бригады и, благодаря своей доблести и безстрашію, получаетъ георгіевскій крестъ и золотое оружіе.

Отнынѣ вся судьба Маркова связана съ Деникинымъ, и когда ген. Деникинъ въ 1917 году назначается командующимъ юго-западнымъ фронтомъ, Марковъ у него является начальникомъ штаба. Но революція и ея глава Керенскій не цѣнятъ героевъ и сильныхъ людей. Послѣ „заговора“ Корнилова Керенскій бросаетъ въ тюрьму Деникина и Маркова.

Лучшіе русскіе генералы не угодны революціи — Алексѣевъ въ опалѣ, Корниловъ въ тюрьмѣ въ Быховѣ, а Деникинъ съ Марковымъ въ Бердичевѣ, гдѣ народный социалистъ Іорданскій, еще недавно выклянчившій себѣ георгіевскую медаль у генераловъ, торопится ликвидировать ихъ, отдавая подъ судъ линча озвѣрѣвшей солдатни. Много трудовъ пришлось перенести друзьямъ доблестныхъ русскихъ людей, чтобы спасти ихъ и перевести подъ охрану вѣрныхъ Корнилову Текинцевъ въ Быховъ, гдѣ они были въ сравнительной безопасности.

Нынѣ, этотъ-же Іорданскій, получая совѣтскія награбленныя деньги, работаетъ на большевицкую пропаганду за границей. Предатель, какой-бы онъ личиной не прикрывался, не могъ не вернуться къ предательству. Такъ по библейскому выраженію „песъ возвращается на свою блевотину“.

Подъ видомъ денщика „прапорщика“ (ген. маіора)

Романовскаго, Марковъ бѣжить къ Алексѣеву и Корнилову на Донъ и тутъ онъ защищаетъ Ростовъ со стороны Батайска съ вѣрными арміи моряками.

Еще недавно меня посѣтилъ одинъ изъ его славныхъ сослуживцевъ — кап. I ранга Потемкинъ. Онъ проститъ мою нескромность. Этотъ веселый, очаровательный другъ мой, участникъ Цусимы, командуя морской ротой у Батайска, былъ тяжело раненъ въ голову, въ область лѣваго глаза. Въ это время армія покидала Ростовъ и начались звѣрства надъ офицерами. Потемкинъ, почти съ вывалившимся глазомъ, съ незажившей раной, съ кое какой перевязкой уходитъ изъ Ростова пѣшкомъ и, сдѣлавъ 50 верстъ, приходитъ въ Новочеркасскъ, гдѣ мой другъ д-ръ Х. дѣлаетъ ему первую перевязку. Операція очень болѣзненная, но Потемкинъ куритъ и напѣваетъ цыганскіе романсы.

Армію ему уже не догнать. Подъ видомъ рабочаго онъ пробирается въ Кисловодскъ, тамъ занимается малярнымъ дѣломъ и оттуда послѣ безконечныхъ приключеній, достойныхъ пера Майнъ-Рида, онъ пробирается къ Каспійскому морю, на лодкѣ приплываетъ въ Астрахань и оттуда пѣшкомъ пробирается на Донъ, приведя къ ген. Алексѣеву четырехъ мальчиговъ кадетовъ и юнкеровъ.

Откомандовавъ бронепоездами, онъ нынѣ въ гостепріимной Франціи ведетъ тихую жизнь владѣльца фермы въ Пиренеяхъ.

*) Читатели обратили можетъ быть вниманіе на полк. Б., о которомъ я писалъ, какъ объ удивительномъ развѣдчикѣ, первымъ пробравшимся къ Кубанцамъ и первымъ обрадовавшимъ насъ извѣстіемъ о возстаніи на Дону. Нынѣ его назвать можно. Это былъ полк. Барцевичъ, недавно замученный большевиками.

Вотъ такими людьми былъ окруженъ Марковъ, самъ не знавшій что такое опасность, ходившій впереди въ атаку съ одной нагайкой.

Въ первый походъ онъ выходитъ во главѣ I-го офицерскаго полка. Подъ Лежанкой, Кореневкой, Екатеринодаромъ онъ покрывается славой, а подъ Медвѣдовской *) онъ спасаетъ армію.

Въ его частяхъ (офицерскій полкъ и первый кубанскій, позднѣе ген. Алексѣева, полкъ) дисциплина была строжайшая. Рѣзкій, вспыльчивый, онъ могъ быть иногда несправедливъ, но столько благородства было въ его характерѣ, столько неутомимой энергіи и неукротимой доблести, что никому и въ голову не приходило пожаловаться на его обхожденіе. Онъ любилъ „крѣпкія“ слова, но кто былъ въ бою, тотъ знаетъ, что они значатъ, какъ дѣйствуютъ они какъ шпоры на усталыхъ и нерѣшительныхъ и не воспѣлъ ли Гюго „le mot de Cambonne“.

Крѣпкія слова сопровождались иногда и жестами противъ тѣхъ, кто не сразу слушался, но все забывалось потому, что онъ былъ то, что французы называютъ „un grand capitaine“.

На ст. Сосыкъ, брошенной большевиками и железнодорожниками, онъ очутился одинъ со своимъ адъютантомъ. Наши части еще не подошли и онъ первый вскочилъ на дебаркадеръ. Въ это время съ большерицкой стороны приближался какой-то поѣздъ.

Это могъ быть эшелонъ красныхъ, но Марковъ и не подумалъ уходить и остался его ждать. Поѣздъ, однако, повернулъ обратно. Его адъютантъ разсказывалъ мнѣ, что онъ пережилъ нѣсколько очень

*) См. главу 10.

непріятныхъ минутъ, но Марковъ нисколько не измѣнился въ лицѣ и только послалъ послѣдняго вѣстового торопить отставшія части.

Въ немъ былъ и талантъ и прекрасное знаніе труднаго военнаго ремесла и необычайная смѣлость. Нѣтъ человѣка, служившаго подъ его начальствомъ, который бы не вспоминалъ объ этомъ съ искренней гордостью.

И этотъ человѣкъ погибъ отъ русской руки, какъ и ген. Корниловъ.

Послѣ его смерти ген. Деникинъ издалъ слѣдующій приказъ:

„Русская Армія понесла тяжелую утрату: 12-го іюня, при взятіи ст. Шабліевской, палъ смертельно раненый ген. лейтенантъ Марковъ.

Рыцарь, герой, патріотъ, съ горячимъ сердцемъ, мятежной душой, онъ не жилъ, а горѣлъ любовью къ Родинѣ и браннымъ подвигамъ.

Желѣзные стрѣлки чтутъ его подвиги въ минувшую войну. Въ непрестанныхъ бояхъ, въ двухъ кампаніяхъ вражеская пуля пощадила его. Самой судьбѣ угодно было, чтобы великій русскій патріотъ и генераль палъ отъ братоубійственной русской руки. Вѣчная ему память.

Для увѣковѣченія памяти перваго командира I-го офицерскаго полка, части этой впредь именоваться „I Офицерскимъ ген. Маркова полкомъ“.

Скончался онъ въ полной памяти, уговаривая офицеровъ, бывшихъ съ нимъ, продолжать святое дѣло борьбы за Родину.

„Скажите моимъ кубанцамъ, сказалъ онъ, завѣщая имъ свою икону, что они за меня умирали, а теперь я умираю за нихъ.“

„Не теряйте надежды, вѣрьте какъ я вѣрю, что Россія снова будетъ великой и могучей.“

Такъ ушелъ отъ насъ этотъ герой безъ страха и упрека, до послѣдней минуты своей призывавшій къ борьбѣ съ насильниками.

* * *

Послѣ трагической кончины Маркова изъ видныхъ первопоходниковъ оставался одинъ полк. Кутеповъ, которому суждено было сыграть громадную исключительную роль въ нашей Арміи.

Сынъ офицера изъ мелкаго дворянства, окончивъ первымъ въ 1904 году Владимірское Училище, онъ, несмотря на то, что долженъ былъ выйти въ гвардію, выбираетъ одинъ изъ полковъ, уходящихъ на Японскую войну и тамъ отличается при извѣстной атакѣ такъ называемой Путиловской сопки. Раненый, онъ возвращается въ строй и возвращается въ Россію только послѣ конца кампаніи.

Здѣсь онъ попадаетъ въ Преображенскій полкъ и сразу обращаетъ на себя вниманіе своихъ командировъ. Во время войны онъ ротный командиръ, потомъ баталіонный. Революція застаётъ его временно командующимъ полкомъ. Развалъ завладѣваетъ и гвардіей. Съ необычайнымъ тактомъ онъ даетъ возможность почти всѣмъ офицерамъ уйти изъ полка и присоединиться кто можетъ къ Добровольческой арміи. Всѣ реликвіи старѣйшаго полка имъ спасены.

Боясь, что кадры хорошихъ солдатъ могутъ укрѣпить большевизмъ, онъ фактически уничтожаетъ временно полкъ и приѣзжаетъ въ Армію въ декабрѣ 1917 года.

„Товарищи“ его смѣнили какъ командира, „не признающаго завоеваній революціи, и стратега стараго режима“, и назначили писаремъ.

Этотъ „стратегъ стараго режима“ дѣйствительно въ декабрѣ и январѣ 1917 и 1918 годовъ показалъ „товарищамъ-стратегамъ новаго режима“, чего онъ стоитъ и съ кучкой офицеровъ и юнкеровъ онъ билъ ихъ гдѣ и когда хотѣлъ.

Первый походъ онъ началъ ротнымъ командиромъ у Маркова, т. е. всегда въ головныхъ частяхъ.

Человѣкъ большой личной храбрости, нѣсколько разъ раненый, награжденный георгіевскимъ крестомъ и георгіевскимъ оружіемъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно не походилъ на ген. Маркова.

Онъ былъ всегда очень выдержанъ и спокоенъ. Не любилъ особенно рисковать ни собой, ни своей частью. Совершенно не ораторъ онъ, однако, нѣсколькими словами могъ заставить себя слушать, какъ никто. Желѣзная дисциплина, которой онъ самъ охотно подчинялся, была особенно характерна въ его частяхъ. Старыя Петровскія традиціи Преображенскаго полка были для него всегда священными, и дѣйствительно полкъ въ великую войну показалъ себя на должной высотѣ. До конца войны онъ потерялъ убитыми и ранеными двойное число того количества офицеровъ, которое вышло въ походъ въ 1914 году. Около 10 офицеровъ полка погибло во время антибольшевицкой борьбы, не считая разстрѣлянныхъ большевиками.

Второй Кубанскій походъ онъ начинаетъ, временно командуя бригадой. Подъ Кореневкой онъ со своими частями спасаетъ положеніе, угрожавшее Арміи быть разрѣзанной ловкимъ маневромъ большевицкаго начальника талантливаго фельдшера Сорокина.

Послѣ этого испытанія, Армія, опрокидывая большевиковъ, доходитъ до Екатеринодара, который беретъ штурмомъ въ началѣ августа. Кутеповъ первымъ входитъ въ столицу Кубани. Кутепову предоставляется преслѣдованіе разбитаго непріятеля, и онъ гонитъ безжалостно его къ Новороссійску и беретъ этотъ городъ, уничтожая всюду комиссаровъ. Не останавливаясь на этомъ, онъ продолжаетъ преслѣдованіе и только такъ называемая грузинская граница около Гагръ является предѣломъ, и то не по его винѣ, его блестящихъ успѣховъ.

Итакъ, второй Кубанскій походъ, начавшійся 10 іюня 1918 г., черезъ три мѣсяца привелъ нашу Армію къ Черному морю. Вся сѣверная и западная часть Кубани была освобождена.

Армія уже имѣла территоріи не казачьи. Большевики еще держались въ Армавирскомъ и Баталпашинскомъ „отдѣлахъ“ и въ Терской области. Честь ликвидаціи ихъ принадлежитъ ген. (тогда войсковому старшинѣ) Шкуро, Покровскому и Врангелю, только что блестяще начавшему службу въ Арміи взятіемъ Ставрополя.

Но я не могу растягивать свой рассказъ и закончу эту главу краткой передачей дальнѣйшей дѣятельности ген. Кутепова, съ которой, все мы вѣримъ, намъ еще, съ Божьей помощью, часто придется встрѣчаться.

* * *

Послѣ взятія Новороссійска и до очищенія его нѣмцами и ихъ союзниками я побывалъ тамъ въ то время, когда ген. Кутеповъ былъ тамъ губернаторомъ, а кап. II ранга Потемкинъ командиромъ надъ портомъ. Городъ былъ приведенъ въ порядокъ, но пустынный

портъ производилъ тяжелое впечатлѣніе. Нѣкогда Новороссійскъ былъ самымъ оживленнымъ портомъ послѣ Одессы на югѣ Россіи, — теперь онъ былъ безжизнень. Громадные элеваторы не работали, суда, стоявшія у пристаней, всѣ были покалѣчены и кое-гдѣ торчали мачты потопленныхъ судовъ. Наполовину изъ воды вылѣзалъ подорванный французскій транспортъ, неудачно взорванный при приходѣ нѣмцевъ въ Крымъ.

Далеко за моломъ, на днѣ Морскомъ, похоронена была „Воля Россіи“ — нашъ лучший дредноутъ, переименованный такъ изъ „Имп. Екатерины“ свободолобивымъ Временнымъ Правительствомъ, дѣйствительно утопившимъ волю Россіи въ развалѣ, грабежахъ и убійствахъ.

Ген. Кутеповъ, всю свою жизнь пробывшій въ строю, съ трудомъ справлялся съ незнакомымъ дѣломъ, но его строгость, честность и добросовѣстность всетани привели Черноморскій округъ въ порядокъ, вызывая въ сосѣдней грузинской печати, цѣловавшей руку нѣмцевъ, постоянныя нападки. Соціалистическая печать даже нашла, не лишенное юмора, названіе для округа — „Кутепія“.

Дѣйствительно, человекъ порядка, Кутеповъ, пережившій на фронтѣ всѣ ужасы разложенія арміи соціалистическими экспериментами, не давалъ ходу соціалистамъ, благодаря которымъ еще въ началѣ 1918 г., въ томъ же Новороссійскѣ, было утоплено 65 офицеровъ, возвращавшихся изъ Трапезунда.

Въ 1919 году онъ на короткое время командуетъ на Царицинскомъ фронтѣ дивизіей, потомъ получаетъ первую дивизію, состоящую изъ Корниловскаго, Марковскаго, Алексѣевскаго и Дроздовскаго полковъ. Послѣдній полкъ былъ такъ названъ въ честь его

командира—доблестнаго ген. Дроздовскаго, умершаго отъ ранъ I-го января 1919 года, полученныхъ при бояхъ у Ставрополя, послѣ ампутаціи ноги.

Въ это время Добровольческая Армія значительно расширяется и раздѣляется на три арміи. Первую (ген. Май-Маевскій), Кавказскую (ген. Врангель) и Донскую (ген. Сидоринъ).

Кутеповъ получаетъ въ первой арміи первый Добровольческій корпусъ изъ старыхъ названныхъ полковъ, часть которыхъ обращена уже въ бригады (и позднѣе въ дивизіи) Корниловскую, Марковскую и Дроздовскую и полковъ Самурскаго и Бѣлостокскаго.

Въ іюнѣ 1919 г. во главѣ корпуса съ нѣкоторой помощью англійскихъ танковъ и авіаціи большевицкій фронтъ прорванъ и ген. Кутеповъ съ боемъ входитъ въ іюль въ Харьковъ, очистивъ опасный рудничный раіонъ. Онъ же беретъ Курскъ и Орель въ августѣ. Здѣсь останавливаются успѣхи арміи, о причинахъ чего мнѣ не хватаетъ мѣста рассказать въ этой книгѣ, и Кутеповскій корпусъ на своихъ плечахъ выдерживаетъ все отступленіе, въ которомъ во многомъ былъ виноватъ распущенный, полупьяный Май-Маевскій. Онъ доходитъ до Ростова и останавливается на лѣвой сторонѣ Дона. Въ то время, какъ Кубанская и Донская арміи совершенно разложены, корпусъ его совершаетъ чудеса и по приказу главнокомандующаго 8 февраля 1920 года беретъ обратно Ростовъ. Казаки не подходятъ и корпусъ вновь прикрываетъ отступленіе до самаго Новороссійска. Здѣсь уже полный развалъ. Кое какъ Кутепову удается вывезти свои части, которыхъ также неминуемо коснулось разложеніе, въ Крымъ въ Феодосію. Это было въ мартѣ, а въ маѣ уже отъ уста-

лости, развала нѣтъ слѣда и желѣзная воля Кутепова заставляетъ эти славныя полки прорвать Перекопскую линію. Армія входитъ въ сѣверную Таврію. Побѣдамъ нѣтъ конца. Но осенью опять несчастье. Фронтъ прорванъ, благодаря громадному преимуществу въ силахъ красныхъ, которымъ „благородно“ поляки предоставили возможность перебросить силы на югъ, и армія уходитъ въ Турцію.

Но и здѣсь понадобилась энергія и воля ген. Кутепова. Несмотря на преслѣдованіе арміи союзниками, на болѣзни, холодъ и голодъ*), Кутеповъ сохраняетъ свой маленькій корпусъ въ полномъ порядкѣ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ человекъ, вѣрный данной Родинѣ присягѣ, выведетъ его еще не разъ на путь побѣды.

Такими людьми, какъ Марковъ и Кутеповъ русская армія всегда должна гордиться и имена ихъ залогъ того, что Армія наша, не забывшая завѣтовъ Петра Великаго, Суворова, Скобелева, вновь станетъ могучимъ союзникомъ для друзей и грозной опасностью для враговъ.

*) Ген. Кутеповъ жилъ, какъ и всѣ его офицеры, полуголоднымъ. Ему пришлось все продать вплоть до шубы.

XVIII.

ПОСЛѢДНЕЕ ДѢЛО НА ЗЕМЛѢ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСѢВА.

Когда ген. Алексѣевъ предпринялъ задачу основанія Арміи, онъ сказалъ своимъ близкимъ: это мое послѣднее дѣло на землѣ.

Не отличаясь никогда крѣпкимъ здоровьемъ, страдавая болѣзнью почекъ, онъ не вынесъ тяжести Кубанскаго похода и неустанные труды ускорили его кончину, 8-го октября (25 сент. по нашему стилю) 1919 г. его не стало.

Имя ген. Алексѣева хорошо было извѣстно за границей и среди союзниковъ и нашихъ враговъ; съ самого начала войны, призванный немедленно начальникомъ штаба юго-западнаго фронта, ген. Алексѣевъ подготавливаетъ блестящее начало нашихъ галиційскихъ операций, когда наши войска докатились до Карпатъ, взяли Перемышль и угрожали Кракову. Когда на сѣверномъ фронтѣ стало плохо, ему поручено было спасти армію и ему удалось ее вывести до Двины, гдѣ онъ остановилъ окончательно наступленіе противника.

Когда Государь рѣшилъ принять на себя верховное командованіе, Алексѣевъ былъ назначенъ начальникомъ его штаба и ему пришлось фактически нести все командованіе на себѣ.

Во время революціи онъ назначается на короткое время верховнымъ главнокомандующимъ, но развалъ, совѣты и комитеты солдатскіе ему противны, и онъ уходитъ, вернувшись на самое короткое время, чтобы спасти жизнь Корнилову и другимъ русскимъ генераламъ, которымъ предатель Керенскій готовилъ подлую расправу.

* * *

Жизнь ген. Алексѣева была полна труда.

Онъ родился въ 1857 году въ Вязьмѣ въ бѣдной офицерской семьѣ. Какъ это полагается, въ Россіи, гдѣ отъ офицеровъ такъ много требовали, имъ ничего не давали, кромѣ грошеваго жалованья, такой же пенсіи и права учить своихъ дѣтей въ военныхъ корпусахъ.

И М. В. Алексѣевъ сталъ военнымъ. Въ 1877 году онъ выходитъ прапорщикомъ въ Казанскій полкъ, съ которымъ проводитъ русско-турецкую войну.

Его прекрасныя способности могли дать ему возможность вскорѣ послѣ войны идти въ Академію Генеральнаго Штаба, но онъ хочетъ лучше изучить военное дѣло на практикѣ и только черезъ десять лѣтъ, откомандовавъ ротой, изучивъ русскаго солдата, его нужды, и его духъ, онъ попадаетъ въ Академію и прекрасно оканчиваетъ ее.

Сынъ скромныхъ родителей, самъ крайне скромный, онъ не могъ стать тѣмъ типичнымъ дѣлательемъ карьеры, которыхъ такъ много, къ сожалѣнію, выпускаетъ высшая военная школа.

До Японской войны ген. Алексѣевъ проходитъ всѣ необходимыя стадіи, читаетъ лекціи въ Академіи и особенно посвящаетъ себя изученію Суворова.

Въ Японскую войну онъ былъ генераль-квартирмейстеромъ одной изъ армій, вернулся въ генеральный штабъ, былъ начальникомъ штаба Кіевскаго военного округа и командиромъ корпуса, съ которымъ ушелъ на великую войну.

* * *

Первая моя встрѣча съ нимъ была въ Сѣдлецѣ въ 1915 году, гдѣ стоялъ штабъ главнокомандующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ.

Знакомый офицеръ генеральнаго штаба ввелъ меня въ небольшую комнату, увѣшанную картами, гдѣ работала ген. М. В. Алексѣевъ.

Онъ сразу сталъ говорить мнѣ о роли печати и общественной помощи во время войны: „надо понять, сказалъ онъ, что у насъ совершенно не понимаютъ, что понято Германіей и Франціей, что начинаетъ понимать Англія, что эту войну ведутъ не арміи, а народы“. Война доказала полную неподготовленность къ такой борьбѣ и общество должно положить всѣ силы, чтобы прійти на помощь арміи.

Онъ говорилъ очень горячо, набрасывая планъ военно-промышленныхъ комитетовъ, и требовалъ, чтобы печать вся прониклась важностью минуты. Онъ предвидѣлъ крупныя неудачи. Безъ снарядовъ, безъ дѣйствительной мобилизаціи промышленности, мы были безсильны-надо будетъ спасать армію и передъ важностью этой задачи должны быть забыты географическія названія. Онъ очевидно предсказывалъ паденіе Варшавы и всей западной укрѣпленной нашей линіи. О бояхъ на заграничныхъ фронтахъ онъ утверждалъ, что разъ протники перешли къ окопной войнѣ, трудно и тѣмъ и другимъ при-

вести свои усилія къ побѣдѣ. По его мнѣнію Дарданельская операція была ошибкой и что лучше всего было-бы поддержать Сербскую армію, такъ какъ на востокъ онъ только и видѣлъ серьезный ударъ.

Отъ значительнаго нажима можно заставить рухнуть австрійское лоскутное государство и заставить нѣмцевъ заботиться о своемъ тылѣ; т. е. отказаться отъ агрессивной тактики. Одно это уже половина успѣха, говорилъ онъ.

Мнѣ говорили много позднѣе, что маршалъ, а тогда генераль, Фошъ былъ того-же мнѣнія.

Въ это время онъ рѣзко оборвалъ разговоръ и, обращаясь къ полковнику, находившемуся тутъ-же, спросилъ его, каково положеніе нашихъ первыхъ раненыхъ, отравленныхъ газомъ. Первая газовая атака принесла намъ страшныя потери.

Этотъ доложилъ и Алексѣевъ вдругъ преобразился. Онъ вскочилъ, сталъ стучать кулакомъ по столу и кричать, что это позоръ и подлость. Это тѣмъ болѣе было неожиданно, потому что онъ только что говорилъ, что мы недооцнили нѣмецкую армію и особенно ея офицерскій корпусъ.

„Имъ мало убить нашего солдата, имъ нужно унижить его, мучить его, видѣть его, какъ червя, извивающагося, безсильнаго, у ихъ ногъ“.

Его маленькіе глаза изъ подъ очковъ и нависшихъ бровей метали искры, онъ не могъ сдерживаться. Глубокая любовь къ солдату не могла простить даже врагу невиданный, гнусный способъ борьбы. Мы тоже стояли и ждали момента, чтобы уйти; онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы продолжать бесѣду.

Онъ рѣзко пригласилъ меня обѣдать и протянулъ холодную отъ нѣдра руку.

Черезъ часъ я шелъ съ нимъ по улицамъ Сѣд-
леца. Генераль здоровался съ каждымъ солдатомъ,
называя его часть: „Здравствуй, стрѣлокъ“, „здорово,
драгунъ“, „здравствуй, братецъ или голубчикъ“,
когда онъ не разбиралъ формы застывшаго „во
фронтъ“ солдата.

Безконечное количество нищихъ вылѣзало на
улицу, по которой шелъ генераль; онъ отставалъ
отъ нашей группы и совалъ имъ въ руку мелочь. И
такъ каждому.

* * *

Много тяжелыхъ дней прошло съ тѣхъ поръ, когда
я его вновь увидѣлъ въ Новочеркасскѣ.

Ген. Алексѣевъ зналъ, что тяжелая болѣзнь не
оставить его и торопился дѣлать „свое послѣднее
дѣло на землѣ — Добровольческую Армію“.

Онъ былъ занятъ съ утра до поздней ночи. Вся
подготовка, финансовая сторона, гражданская, всѣ
переговоры съ нашими бездарными политиками, съ
новыми казачьими властями, все было въ его рукахъ.

Съ Корниловымъ онъ не особенно ладилъ.

Властный характеръ Корнилова не допускалъ
раздѣленія власти. Алексѣевъ во всемъ уступалъ
ему, зная, что Корниловъ нуженъ арміи. Всѣ сим-
патіи его были на сторонѣ Деникина — „этого
лучшаго русскаго человѣка и генерала“, какъ онъ
писалъ мнѣ въ своемъ историческомъ письмѣ, въ
которомъ онъ требовалъ, чтобы русская печать
сдѣлала все отъ себя зависящее, чтобы вырвать изъ
рукъ негодяя Іорданскаго, заточеннаго въ Берди-
чевѣ, ген. Деникина.

На походѣ онъ былъ окруженъ извѣстнымъ почетомъ, но начальникъ штаба ген. Романовскій старательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы онъ не могъ вмѣшиваться въ распоряженія его и ген. Корнилова.

Быль ли такъ виновенъ, какъ это указывала молва, ген. Романовскій, трудно намъ судить, но онъ умеръ, убитый русскимъ офицеромъ, унеся съ собой кличку „злого генія Добровольческой Арміи“.

Страданія ген. Алексѣева на походѣ были особенно тяжелы. Напрасно его врачъ, д-ръ Кельвинъ и Н. П. Щетинина, уговаривали его взять коляску, ѣхать съ кое-какими удобствами, онъ отказывался отъ всего этого и ѣхалъ на простой линейкѣ, которая трясла безжалостно его старое больное тѣло.

Духъ его всегда былъ здоровъ. Его спокойный взглядъ на будущее, вѣра въ святость своего послѣдняго дѣла, со знаніе, что онъ долго не проживетъ на этомъ свѣтѣ, его глубокая религіозность поддерживали его слабѣющія силы. Но тяжелыя испытанія и страшный трудъ подтачивали организмъ.

Въ серединѣ сентября въ Екатеринодаръ пріѣхалъ Гегечкори — министръ грузинской республики. Его наглый тонъ вывелъ изъ себя ген. Алексѣева.

По природѣ необычайно добрый человекъ, онъ иногда неудержимо вспыхивалъ гнѣвомъ и всегда только тогда, когда дѣло касалось не его лично, а его службы, вѣрнѣе его служенія.

Онъ не выдержалъ, вскочилъ и покинулъ засѣданіе. Легкая простуда оказалась роковой и 25 сентября (8 октября) 1919 г., какъ разъ въ то время, когда мы получили свѣдѣнія о томъ, что Германія проситъ мира, признавая себя побѣжденной, онъ скончался.

Его сынъ, ротм. Алексѣевъ*), рассказывалъ мнѣ, что онъ читалъ ему послѣднія телеграммы, но генераль уже былъ въ забытьѣ.

* * *

Я сидѣлъ у себя на чердакѣ въ редакціи въ Новочеркасскѣ, когда мнѣ позвонили съ военнаго телеграфа: „Вамъ пришла телеграмма изъ Екатеринодара, приказано ее немедленно передать по телефону: генераль Алексѣевъ скончался сегодня ночью“.

Это было какъ ударъ молота по голевѣ. Помню, что я закачался и едва успѣлъ сѣсть. Мы не вѣрили въ смертельную опасность его болѣзни. Мы все надѣялись, что Богъ спасетъ нашего великаго старика.

Главнокомандующій издалъ по поводу кончины ген. Алексѣева слѣдующій приказъ по Арміи:

„Сегодня окончилъ свою полную подвига, самопожертвованія и страданія жизнь генераль Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ. Семейныя радости, душевный покой, всѣ стороны личной жизни принесъ онъ въ жертву служенія Отчизнѣ.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый трудъ, боевая дѣятельность офицера Генеральнаго Штаба, огромная по нравственной отвѣтственности работа фактическаго руководителя всѣми вооруженными силами Русскаго Государства въ Отечественную войну — вотъ его крестный путь. Путь, озаренный кристалической честностью и горячей любовью къ Родинѣ и великой и растоптаной; когда не стало

*) Уланскаго Его Величества полка.

арміи и погибла Русь, онъ первый кликнулъ кличъ русскому офицерству и русскимъ людямъ.

Онъ же отдалъ послѣднія силы свои, созданной руками его, Добровольческой Арміи. Переноса и травлю, и непониманіе, и тяжелыя невзгоды страшнаго похода, сломившаго его физическія силы, онъ съ вѣрой въ сердце и съ любовью къ своему дѣтищу шелъ съ нимъ по тернистому пути къ завѣтной цѣли спасенія Родины.

Богъ не судилъ ему увидѣть разсвѣта.

Но онъ будетъ, и рѣшимость Добровольческой Арміи продолжать его жертвенный подвигъ до конца пусть будетъ дорогимъ вѣнкомъ на свѣжую могилу Собрателя Земли Русской“.

Нельзя лучше въ короткихъ словахъ изложить характеристику нашего стараго любимаго вождя.

Похороны его въ Екатеринодарскомъ соборѣ привлекли громадное количество народа. Въ городѣ нельзя было найти пучка цвѣтовъ, — всѣ они были положены на его могилу.

Въ нижней церкви покоился его прахъ.

Могилу его покрыта была крестообразной клумбой цвѣтовъ цвѣта георгіевской ленты. Тамъ, на далекой Кубани, какъ и Корниловъ, сложилъ свои кости великій патріотъ и страстотерпецъ.

Смерть его въ преддверіи европейскаго мира лишила насъ единственнаго защитника русскихъ интересовъ. Если бы онъ былъ живъ, съ Россіей не могли поступить такъ несправедливо, какъ поступила съ нами знаменитая Версальская конференція.

Даже, если нашу дипломатію не пустили въ залу зеркаль Версальскаго дворца, гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ Бисмаркъ диктовалъ свои условія побѣжден-

ной Франціи, даже, если услужливые люди въ восторгѣ побѣды могли забыть Россію и ея роль въ великой войнѣ, они никогда не могли бы игнорировать ген. Алексѣева, такъ честно съ 1914 года по самый послѣдній день своей жизни державшаго знамя Франко-Русскаго союза. Мы всѣ, для которыхъ память его священна, увѣрены въ томъ, что, раздѣленные Германіей во время войны, его соратники Жоффръ, Фошъ, Петэнъ, Кастельно, По и др., не могли бы допустить мысли о томъ, что этотъ человѣкъ, который оказалъ такія услуги общему нашему дѣлу, въ минуту опасности никогда не колебавшійся въ вопросѣ, какъ относиться къ Франціи, несмотря на всѣ нѣмецкія искушенія и ихъ русскихъ друзей вроде Милюкова, могъ быть изъятъ изъ этой конференціи, такъ неудачно рѣшившей въ Версалѣ слишкомъ тяжелую задачу, въ которой голоса настоящихъ побѣдителей не имѣлъ того глоса, который онъ имѣлъ бы право требовать.

Фошъ, Жоффръ, Петэнъ, Хэггъ, Битти не играли той роли, которую игралъ въ ней какой-нибудь Мандэль.

* * *

Когда наша армія покидала Новороссійскъ, нашлись люди и во главѣ ихъ вдова покойнаго А. Н. Алексѣева и жена его сына Е. А. Алексѣева, которые добились возможности вывезти останки ген. Алексѣева въ Сербію. Тамъ въ кафедральномъ соборѣ покоится его тѣло.

Тѣло ген. Корнилова бѣшенная толпа сожгла и уничтожила; ген. Алексѣева приютила братская Сербія.

И въ этомъ видимъ мы символъ. Въ этомъ послѣднемъ изгнаніи ген. Алексѣевъ еще разъ, уже не по своей волѣ, связалъ свое имя съ союзниками, которымъ онъ всегда оставался вѣрнымъ.

Мы ждемъ и надѣемся, что это изгнаніе не вѣчно и будетъ день, когда мы поклонимся его памятнику, его святой могилѣ въ нашей Москвѣ.

XIX.

VIVENT LES ALLIÉS.

Вѣсти о перемѣнѣ боевого счастья стали доходить до насъ разными путями, много раньше гибели германскаго фронта. Украинское (полунѣмецкое) телеграфное агентство УТА, или, какъ мы его называли, „утка“, начало сбавлять тонъ. Случайно, имѣя когда-то хорошія автомобильныя карты, проѣхавъ въ 1913 году, не торопясь, изъ Парижа въ Реймсъ, Аррасъ, Альберъ, Амьень, Валенсьень, Лиль, Остендэ, я имѣлъ представленіе объ этихъ мѣстностяхъ, но германскія сообщенія не говорили объ эвакуаціяхъ крупныхъ городовъ, а только деревень, но все же можно было догадаться, что дѣло у нихъ обстоитъ плохо.

Сначала нѣмцы очень заволновались и, подозрѣвая ген. Богаевского, предсѣдателя совѣта управляющихъ Всевеликаго Войска Донского, въ „измѣнахъ“, симпатіяхъ къ союзникамъ, доказывали ему всю тщетность надежды на ихъ побѣду и неминуемую побѣду Германіи. Въ подтвержденіе своихъ словъ они подарили ему громадную превосходную карту фронта, занимавшую цѣлую стѣну кабинета генерала. Вотъ по этой то картѣ и стали намъ очевидны „стратегическія“ отступленія на „заранѣе подготовленныя“ позиціи нѣмцевъ.

Одинъ изъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ полковникъ Патроновъ, доблестный офицеръ Генеральнаго Штаба, тяжело раненый въ глазъ во время нашего похода, велъ въ „Вечернемъ Времени“ военный отдѣлъ и почти съ математической точностью разсчиталъ, гдѣ можетъ остановиться германское „стратегическое“ отступленіе. Разсчитать, не имѣя свѣдѣній, предугадать быстроту Германской революціи, крушенія Балканскаго фронта, бѣгство Вильгельма и Кронпринца, было конечно трудно, но мы уже видѣли, что дѣло плохо, а при этомъ нѣмцы перестали вмѣшиваться .

Замѣтно это стало и на нашемъ дипломатическомъ фронтѣ, т. к. мы имѣли и такой. Отношеніе къ нашей арміи значительно улучшилось. Кажется въ Потсдамѣ состоялось свиданіе Гетмана Скоропадскаго, фотографіи котораго мы только что видѣли въ великолѣпномъ журналѣ „Око“, издававшемся нѣмцами на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Вездѣ почтенный гетманъ былъ снятъ съ Вильгельмомъ и всей своей фигурой и выправкой этотъ политическій игрокъ старался показать фотографу и „Господину Войны“ свое глубокое почтеніе. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, болтались его министры, почетные караулы, все то, чѣмъ отблагодарилъ Скоропадскаго за его службу Вильгельмъ, отъ чего отказались наши вожди и на что не пошелъ прекрасный дипломатъ атаманъ Красновъ.

Во время рѣчи Атамана Краснова, онъ, какъ это любятъ казаки, говорилъ весьма краснорѣчиво и сравнилъ Украину съ древнимъ княжествомъ Кіевскимъ, откуда пошли богатыри, воспѣлъ казачество и сравнилъ Добровольческую Армію съ древнимъ богатыремъ Ильей Муромцемъ, крѣпко держащимъ

русскія заставы на югѣ Россіи. Эта аналогія меня привела въ восторгъ и я перепечаталъ эту рѣчь изъ харьковской цензурованной газеты проф. Погодина.

Донская военная цензура генерала Денисова всполошилась и велѣла печатать рѣчь такъ, какъ ей нравилось, безъ лестныхъ словъ о Добровольческой Арміи, но было уже поздно. Я предложилъ арестовать номеръ и объяснить Атаману, что это сдѣлано за его рѣчь.

Наконецъ, мы узнали о перемиріи и о томъ, что въ Германіи революція и что нѣмцы спѣшно очищаютъ Югъ Россіи.

До этого мнѣ было осторожно указано, чтобы я не засиживался въ Ростовѣ, да и я самъ, пріѣзжая туда, по дѣламъ, съ трудомъ выносилъ нѣмецкое торжество. Еще противнѣе были жалкіе австрійцы, дрянненькіе и не воинственные, которые всетаки являлись господами, пока наша бездомная Армія искала себѣ уголокъ подъ солнцемъ на Кубани.

Теперь я свободно пріѣхалъ въ Ростовъ. Сразу было замѣтно паденіе дисциплины. Нѣмецкіе солдаты почти открыто торговали казеннымъ имуществомъ. Отданіе чести стало рѣдкимъ явленіемъ и пропала выправка. Я переѣхалъ въ лучшей Ростовскій Паласъ-Отель, который былъ отведенъ германскому штабу и сразу занялъ комнату, гдѣ жили нѣмецкіе офицеры, утромъ выѣхавшіе оттуда.

Я все таки знаю нѣмцевъ, путешествовалъ по Германіи, и былъ потрясенъ грязью и разореніемъ комнаты. Обои въ многихъ мѣстахъ были сорваны, на полу, въ какихъ то отвратительныхъ пятнахъ, стояли грязныя лужи. Мебель была исковеркана такъ, что хозяинъ просилъ меня переночевать въ кабинетѣ ресторана, пока онъ приведетъ въ порядокъ

комнату, которую занимали культурные нѣмецкіе офицеры.

Неужели проигрышъ войны, революція могли сразу сбить съ нихъ весь внѣшній лоскъ? Можетъ быть это могла была мечь „русской свиньѣ“, которая будетъ жить „послѣ насъ“? Я уѣзжалъ изъ Варшавы въ 1915 году за одинъ или два дня до ея взятія. Я точно зналъ, что нѣмцы войдутъ и, уѣзжая изъ „Бристоля“, мнѣ въ голову не пришло какой нибудь мерзостью отмѣтить свое пребываніе.

Я и теперь не вѣрю въ большевизированіе нѣмцевъ. Этотъ упадокъ дисциплины и духа можно только объяснить, если принять во вниманіе, что нѣмецкую армію воспитывали исключительно на понятіи своей непобѣдимости... Были, говорятъ, и бунты и даже убійства офицеровъ. Это я, къ стыду нашему, скорѣе припишу вліянію русской распущенной среды на солдатъ. Вѣдь тѣ же нѣмцы, когда большевики не послушались ихъ приказа нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, безжалостно разстрѣляли нѣсколько тысячъ обезоруженныхъ красноармейцевъ, высаженныхъ около Азова.

* * *

Мышленіе газетчика особенное, и я, назвавъ свою книгу „впечатлѣніями журналиста“, можетъ быть злоупотребляю этимъ стипльчезомъ событій, но я еще разъ нарушу хронологію, чтобы передать одинъ эпизодъ.-

Какъ только можно было наладить связь съ Парижемъ, бывший министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ съ Нератовымъ явились по его приглашенію къ ген. Деникину, бывшему на Кубани.

Оттуда они сдѣлали дипломатическій визитъ атаману Краснову.

Не помню почему, но чествованіе гг. Сазонова и Нератова было перенесено въ Ростовъ изъ Новочеркасска и при этомъ въ отсутствіи Атамана. Наши дипломаты, являвшіеся отъ ген. Деникина, котораго, какъ мы всегда были увѣрены, должны были признать наши союзники, оказавшіеся столь близорукими, должны были обѣдать въ собраніи офицеровъ Лейбъ-Казачьяго полка.

Долженъ сказать, что въ Донскихъ войскахъ было всего два гвардейскихъ полка — лейбъ-казачій, имѣвшій шефомъ Государя, и Атаманскій, шефомъ котораго былъ наслѣдникъ, являвшійся по традиціи Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Оба полка настроены были опредѣленно монархически, и дисциплина и выправка въ нихъ была всегда, и много позднѣе, и въ удачныя и неудачныя поры, удивительныя. Откровенно говоря, не думаю, чтобы какая нибудь кавалерійская часть могла съ ними сравниться.

Неожиданно для себя я былъ единственнымъ штатскимъ, приглашеннымъ на этотъ обѣдъ. Предсѣдательствовалъ командиръ полка, прекрасный офицеръ, тогда еще полковникъ В. А. Дьяковъ.

Кромѣ Сазонова и Нератова были приглашены военныя власти Ростова. Обѣдъ былъ торжественный съ хоромъ музыки. Рядомъ со мной сидѣлъ знаменитый ростовскій градоначальникъ К. М. Грековъ, славившійся необычайной редакціей своихъ приказовъ, всегда ироническихъ и иногда очень рискованныхъ по формѣ.

Послѣ перваго тоста за Атамана хоръ сыгралъ чудный донской гимнъ „Всколыхнулся, взволновался,

православный Тихій Донъ“. На тосты въ честь ген. Деникина и гостей хоръ отвѣтилъ „Преображенскимъ“ маршемъ — официальнымъ въ Добровольческой Арміи. Но тутъ В. А. Дьяковъ не упустилъ случая сказать и по моему адресу нѣсколько горячихъ и дорогихъ мнѣ словъ, какъ „о пѣвцѣ доблести Добровольческой Арміи“. Я отвѣтилъ здравицей за командира полка и за славный полкъ, которому желалъ скорого возвращенія на старыя квартиры въ „державный“ Петербургъ. Тутъ произошло что-то неожиданное. Хоръ сразу грянулъ „Боже Царя храни“, офицеры подхватили „ура“ и подъ его звуки Сазоновъ и Нератовъ, эти великіе нейтралитетки во внутренней политикѣ, должны были чокаться со мной.

Это было мнѣ особенно пріятно, тѣмъ болѣе, что г. Сазоновъ никогда не отличался ни ко мнѣ лично, ни къ нашимъ газетамъ, которыя не щадили его политическихъ ошибокъ, особыми симпатіями.

* * *

Итакъ, обстановка круто мѣнялась, и, казалось, въ пользу Добровольческой Арміи и насъ, оставшихся вѣрными союзникамъ.

Первые союзники, которыхъ мы увидѣли, были нѣсколько офицеровъ и матросовъ съ французскаго миноносца и нѣсколько англичанъ. Ихъ чествовали до такой степени, что въ концѣ одного вечера французскій красавецъ-матросъ, переставъ стѣсняться, въ залѣ кафе-шантана, гдѣ оканчивалось чествованіе, ходилъ чуть ли не по столамъ и не отказывалъ дамамъ въ своихъ весьма опредѣленныхъ предложеніяхъ.

Ихъ возили на фронтъ. Кричали „Vive la France“ (англичане не ѣздили), пили съ ними, напаявали и вернули на корабль, вѣроятно, въ безпамятствѣ.

Но даже и эта бутафорія подѣйствовала на большевиковъ, сильно струсившихъ. Только много позднѣе, увидѣвъ союзную неразбериху, большевики поняли, что никакой дѣйствительной помощи союзники оказать не собираются, и это особенно скверно въ послѣдствіи отозвалось на Донскомъ фронтѣ, который не могъ простить красиряя слова, которыя обращали къ нему эти „гастролеры“, показавшіеся самозванцами.

* * *

Въ первыхъ числахъ ноября ожидалось открытіе засѣданія Кубанской Краевой Рады, на которой ген. Деникинъ долженъ былъ произнести программную рѣчь и отозваться на побѣду союзниковъ.

Я былъ на этомъ памятномъ засѣданіи.

Происходило оно въ городскомъ театрѣ. Весь партеръ былъ занятъ членами Рады, всѣ въ черкескахъ. Этотъ парламентъ въ черкескахъ производилъ очень оригинальное впечатлѣніе. За предсѣдательскимъ столомъ сидѣли предсѣдатель Рады Рябоволь, въ послѣдствіи убитый, предсѣдатель правительства, не безызвѣстный даже и въ Парижѣ, куда онъ пріѣзжалъ жаловаться на ген. Деникина, Бычь и другіе.

Ложи были полны почетными гостями.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали рѣчи главнокомандующаго ген. Деникина. Среди необычайной оваціи онъ взошелъ на эстраду.

Я уже писалъ объ удивительномъ ораторскомъ

талантъ ген. Деникина. Рѣчи его прекрасно составлены, безъ всякихъ трафаретовъ. Онѣ рѣдки и всегда необычайно сильны. Прибавьте къ этому удивительный голосъ, властный, сильный и глубокий. Если сравнивать его искусство съ Бриановскимъ, то „виолончель“, сравненіе съ которой любятъ друзья и враги талантливаго французскаго оратора, должна уступить мѣсто мастерскому управленію голосомъ ген. Деникина.

Онъ говорилъ о великой, сильной и единой Россіи, о роли и доблести казачества, Добровольческой Арміи и офицерства.

Кто изъ насъ, современниковъ великихъ событій, не помнитъ его громовую рѣчь на офицерскомъ сѣздѣ въ Могилевѣ, которую онъ закончилъ безсмертной фразой, которая должна быть отмѣчена огненными буквами въ каждомъ офицерскомъ собраніи, въ каждомъ военномъ училищѣ всего міра.

„Помните, сказалъ онъ, что офицерство, какъ часовой, оберегаетъ честь Арміи, и что этого часового можетъ смѣнить только смерть.“

Въ военной литературѣ всѣхъ временъ и народовъ едва-ли вы найдете болѣе исчерпывающую формулу роли офицерства.

Рѣчь его прерывалась постоянными аплодисментами. Экзальтированные казаки вскакивали со своихъ мѣстъ и вновь глаза всѣхъ впивались въ спокойное съ живыми огненными глазами лицо вождя.

Генераль подошелъ къ побѣдѣ союзниковъ, и взывалъ къ объединенію, къ единому командованію, которое дало побѣду надъ нѣмцами, которое дастъ ее и намъ надъ ихъ агентами — большевиками.

„Когда соберется конференція, сказалъ онъ, ко-

торая рѣшить судьбы міра послѣ небывалой войны, нужно, чтобы Россія, израненная, несчастная, слабая (голосъ его падалъ) могла прійти на эту конференцію какъ единая и не просить (и тутъ загремѣлъ его удивительный голосъ), а требовать, да требовать! *)

Что тутъ стало. Всѣ стояли, заль гремѣлъ аплодисментами. Нѣсколько минутъ всѣ были въ такомъ восторгѣ, что ничего не было слышно, кромѣ грохота и криковъ „Ура“. Экспансивные казаки запѣли пѣсни и долго не смолкаль шумъ.

Въ это время адъютантъ ген. Деникина полк. Шаперонъ дю Ларрэ передалъ телеграмму ген. Врангеля, командовавшаго тогда отдѣльнымъ корпусомъ, сообщавшаго о томъ, что взять Ставрополь.

Вновь „ура“, пѣсни, „слава ген. Деникину“ и безконечные аплодисменты.

Рябоволь подносить генералу званіе почетнаго казакъ Кубанскаго войска и вновь, казалось, не будетъ конца восторгамъ.

Но Рябоволь и Бычь, оба крайніе кубанскіе шовинисты, не могли оставить безъ отвѣта потрясающей успѣхъ ген. Деникина и идеи великой единой Россіи. Ихъ сеператическія стремленія были тяжело потрясены блестящей рѣчью ген. Деникина, и немедленно вскочилъ Бычь и на украинскомъ языкѣ обратился къ послу гетмана Скоропадскаго — какому-то очень таинственному австрійскому барону съ привѣтствіемъ „нянько“ (старшей сестрѣ) Украинѣ и ея державному гетману. Это послѣ призыва къ союзникамъ, привѣтъ германскому ставленнику. ко-

*) Къ сожалѣнію я не могу дословно привести его прекрасныя слова.

торый черезъ два или три дня позорно бѣжалъ изъ Кіева, предавъ доблестнаго ген. Келлера на убійство. Впрочемъ, австрійскій баронъ мигомъ перекрасился и вскорѣ его уличили въ вѣрно-подданничествѣ Петлюрѣ.

Но температура, достигнутая рѣчью ген. Деникина, была такова и такова была (и таковой осталась) наивная экспансивность парламента въ черкескахъ, что и тутъ гремѣли апплодисменты и вновь пѣлись пѣсни.

Эта любовь къ пѣснѣ удивительна въ казачествѣ. Каждое самое серьезное засѣданіе можно сорвать пѣсней, которыя всѣ до единого поютъ удивительно хорошо. Казачьи военные (особенно кубанскіе и терскіе) хоры безъ сомнѣнія могли бы произвести своей удивительной непосредственностью, музыкальностью, невиданными въ Европѣ модуляціями, строеніемъ хора и прекрасными голосами, громадное впечатлѣніе. Прибавьте къ этому лихія воинственныя пляски и было бы отчего на полъ сезона свести Парижъ съ ума.

Такъ закончился этотъ знаменательный день.

Черезъ очень короткое время я встрѣтился съ нынѣшнимъ депутатомъ, тогда скромнымъ лейтенантомъ, Жаномъ Эрлишъ, бывшимъ гостемъ вмѣстѣ съ безличнымъ полк. Фукэ ген. Деникина.

Мои французскіе читатели лучше меня знаютъ горячность и талантъ оратора депутата Парижа, но онъ офиціально игралъ только второстепенную роль. Первую роль игралъ Фукэ и онъ дѣлалъ все, чтобы затмить себя ролью англичанъ, приславшихъ

ген. Пуля, бывшаго на Архангельскомъ фронтѣ, фигуру значительно болѣе крупную, чѣмъ французскій представитель, при этомъ старательно остававшуюся въ тѣни.

Въ это время безраздѣльно правилъ Франціей Клемансо, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ ненавидѣвшій одно время, а потомъ цинически терпѣвшій, Россію, уступая ей право проливать кровь, но не дальше.

Эрлишъ былъ въ Москвѣ, прекрасно говорилъ по русски, посидѣлъ при большевикахъ, увидѣлъ всю прелесть большевизма и какъ французъ, узнавшій Россію, онъ былъ искреннимъ другомъ Россіи не столько по своей горячности и сентиментальности (вовсе не такое дурное чувство, какъ это думаютъ господа политики), сколько на основаніи совершенно правильныхъ практическихъ выкладокъ.

Я довольно часто встрѣчался съ лейт. Эрлишъ, и не сомнѣвался въ томъ, что если бы онъ былъ снабженъ какими-либо серьезными полномочіями, союзники, и главнымъ образомъ Франція, не надѣлали бы столько непоправимыхъ ошибокъ. Но онъ былъ то, что англичане называютъ „вольное копьѣ“ — *a free lance*. Правда, онъ со своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, но все же онъ оставался, если мнѣ позволять продолжать на англійскомъ языкѣ, *outsider* омъ. Англичане, тѣ хоть производили впечатлѣніе генеральскими погонами ген. Пуля и надменнымъ характеромъ полк. Киза. Противъ нихъ, такъ какъ и тогда Антанта страдала своимъ и нынѣшнимъ грѣхомъ, былъ безличный Фуке и пламенный Эрлишъ.

Благодаря Эрлишу, какъ-то разъ мы провели прекрасный вечеръ, гдѣ онъ своимъ талантомъ сумѣлъ

объединить насъ русскихъ и поляковъ. Это были дни большой неизсякаемой вѣры въ справедливость. Вѣдь это были дни торжества Вильсона, Ллойда-Джоржа, Клемансо, Тардые и Манделя, котораго такъ хорошо называютъ „l'horrible Mandel“. И почему то жемчужина Франціи, округъ Жиронды, могъ послать отъ себя Манделя. Не потому ли только, что мы всегда въ каждой „carte des vins“ склонялись передъ крѣпкимъ и густымъ „Mouton-Rothschild“!

Впрочемъ, и эти первые союзники принесли намъ не одни разочарованія. Благодаря имъ, особенно ген. Пулю, былъ признанъ принципъ единого командованія. Но какой дорогой цѣной. Ушелъ ген. Красновъ. Онъ могъ бы сговориться съ ген. Деникинымъ, но его генералы Денисовъ и Поляковъ увлекли его въ такое противорѣчіе со всѣмъ, что ожидали отъ общаго командованія, что онъ не сумѣлъ выйти иначе, какъ уйдя въ отставку, не покинувъ Денисова и Полякова, главныхъ виновниковъ распри между Добровольческой Арміей и казачествомъ. Я не хочу быть адвокатомъ ген. Деникина. И онъ, и особенно его правительство не могли не дѣлать много тяжелыхъ ошибокъ, и первая изъ нихъ, можетъ быть, заключалась въ томъ, что не дооцѣнили атамана Краснова. Но въ этой винѣ большая часть ея падаетъ на Денисова и Полякова.

Фактическимъ результатомъ прихода союзниковъ (варяговъ, какъ многіе ихъ называли) было объединеніе фронта. Этотъ результатъ былъ очень важнымъ. Во главѣ Дона сталъ Атаманъ Богатевскій — генераль Добровольческой Арміи, а во главѣ Кубани — полковникъ, а вскорѣ и, по необы-

чайной любви къ производству, ген. лейт. Филимоновъ. Оба участники перваго нашего похода.

Какъ въ своей рѣчи въ Екатеринодарѣ, такъ и на историческомъ засѣданіи въ Кущевкѣ, ген. Красновъ призналъ главнокомандованіе ген. Деникина. Деникинъ подчеркивалъ съ горячей искренностью, а въ искренности этого солдата никто, даже злѣйшіе его враги, никогда не сомнѣвались, что онъ беретъ на себя всю тяготу власти, потому что она не можетъ миновать его. Онъ принималъ ее, жертвуя собой. Будь живъ ген. Алексѣевъ, всѣ согласились бы на немъ, какъ на главѣ; Деникинъ доказалъ это позднѣе, подчинившись адмиралу Колчаку, какъ разъ въ то время, какъ адмиралъ Колчакъ думалъ подчиниться Деникину — наслѣднику Алексѣева и Корнилова.

Ген. Хорватъ, старый, испытанный жизнью человекъ, на Дальнемъ Востокѣ много лѣтъ олицетворявшій русскую власть, подчинившійся своему подчиненному адм. Колчаку, узнавъ о передачѣ власти ген. Деникинымъ ген. Врангелю, сказалъ про Врангеля:

„Вотъ еще одинъ несчастный человекъ“.

* * *

Потомъ мы стали ждать помощи, и не буду скрывать, что ждали мы ее отъ Франціи больше, чѣмъ отъ Англіи. Мы начали войну съ Франціей и Сербіей. Нашими далекими могилами ген. Жоффръ украсилъ торжество Франціи на Марнѣ и наши галиційскіе успѣхи, такъ называемаго Брусиловскаго наступленія, облегчили судьбу героической защиты Вердена.

Англія съ ея могущественнымъ флотомъ была для насъ дальше. Я самъ пошелъ добровольцемъ въ бригаду, которая должна была драться во Франціи, но насъ оставили въ Россіи на сѣверномъ фронтѣ. Тяга наша всегда была къ Франціи, а не къ Англіи.

Но съ первыхъ дней, когда кончились обѣды и рѣчи, въ нашемъ сознаніи людей и до сихъ поръ, несмотря на всѣ испытанія, не измѣнившихъ идеи франко-русскаго союза, поднялись сомнѣнія.

Союзники, особенно французы, ничего для насъ не дѣлали. Англичане, черезъ полъ года, наладили танки и авіацію, французы же только оскорбительно провалились въ Одессѣ и Крыму.

Получилось впечатлѣніе bluff'a. Французы обѣщали и обманули. Сколько бы Господь Богъ не оставилъ мнѣ еще лѣтъ для жизни, какъ бы я не любилъ Францію и не вѣрилъ въ дѣйственность франко-русскаго союза, до конца дней своихъ буду я утверждать, что французы тогда упустили изъ рукъ великое оружіе франко-русской дружбы. Все это было слѣдствіемъ той ужасной политики, которая вырвала почву изъ подъ ногъ маршала Фоша, ген. Вейгана и Пуанкарэ, чтобы возвести на пьедесталь Клемансо со своими его еврейскими аколитами. Естественнымъ слѣдствіемъ была диктатура Ллойд-Джоржа и Вильсона. И былъ выдуманъ неестественный миръ безъ Россіи.

Клемансо металъ свои рѣзкія „boutades“, Вильсонъ плавалъ въ облакахъ Лиги Націй, а le troisième larron дѣлалъ свое дѣло.

Дѣло помощи русской антибольшевицкой арміи было проиграно и къ чести французскихъ военныхъ круговъ долженъ сказать со всей убѣжденностью, не военными, а политиками. Вильсонъ увлекся

конференціей на Принкипо, гдѣ долженъ былъ сидѣть рядомъ Бронштейнъ съ Деникинымъ; Клемансо выдумалъ самую бессмысленную вещь, которая могла прійти въ его горячую голову, затуманенную Тардье и Манделемъ, проволочное загражденіе — *le fil barbelé* — такъ называлъ его „тигръ“. То, что это было уже загражденіе безпроволочное, онъ не понималъ, и кололъ Россію на кусочки къ великой радости англичанъ.

На много лѣтъ Клемансо и его аколиты лишили Францію сильнѣйшаго союзника и поставили его въ зависимость исключительно отъ каприза (а не дружбы) Англій. Съ Англичаниномъ можно быть дружнымъ — съ Англійей никогда. Это не понялъ утомленный Клемансо и предпочелъ Румынію, Польшу, Эстонию, Латвію, Азербейджанъ — всѣ эти „лимитрофы“, о которыхъ онъ едва ли помнитъ что-нибудь по учебнику географіи своего далекаго дѣтства, — единой, сильной, могущественной Россіи. Версальскіе мудрецы, такъ справедливо возмущенные раздѣломъ Польши, воздали ей должное, и, даже больше того, они признали раздѣлъ Россіи.

Толстая книга Тардье, восхваляющая плоды его работы и легкомыслія Клемансо, ушедшаго въ будады, недостойныя его сѣдинъ, не спасетъ ни Францію, ни Клемансо отъ тяжелаго обвиненія, которое и до сихъ поръ ваши политики не понимаютъ.

Для многихъ французовъ политика это Клемансо, Мильеранъ, Дешанель, Лейгъ, Брианъ и *chi lo sa*. Цѣлый народъ, уступающій по численности только китайцамъ, которыхъ вы тоже уступили американцамъ, англичанамъ, японцамъ и нѣмцамъ, брошенъ вами и брошенъ былъ именно въ концѣ 1918 и 1919 гг., когда малѣйшій жестъ связалъ бы надолго

насъ Русскихъ съ вами, Французами. Вы уступили пальму первенства англичанамъ, не потому что вы не могли ее удержать, но потому что вы не можете смотрѣть глубже въ свою, а не въ нашу, исторію. Такъ оттолкнете вы несчастный народъ и къ нѣмцамъ, какъ толкали насъ отъ себя къ англичанамъ, которые только и думали о гибели великой Россіи.

Я бы, можетъ бысь, не говорилъ бы этихъ грустныхъ словъ, если бы я не зналъ, что заподозрить наши газеты, память моего отца и меня лично, въ отсутствіи симпатій къ Франціи нельзя. Мы доказали это.

Послѣднюю главу своей книги я посвящаю своимъ товарищамъ коллегамъ по ремеслу; фактически я кончаю книгу этой главой и вновь я возвращаюсь къ тому, что говорилъ.

Вся наша борьба 1917 и 1918 годовъ была направлена не только противъ большевиковъ, но и противъ нѣмцевъ. И Корниловъ и Алексѣевъ и Деникинъ это доказали, но развѣ ихъ поняли? А если поняли, оцѣнили ли?

Если бы живъ былъ въ дни побѣды союзниковъ ген. Алексѣевъ, онъ въ мудрыхъ словахъ нашель бы доступъ къ сердцу и разуму маршала Фоша, Петэна и Жоффра, Дугласа Хэгга и Битти. Но этихъ людей уже не было у власти. „Мавры сдѣлали свое дѣло и ушли“, остались политики, и Сасунъ при Ллойд-Джоржѣ и Мандель при Клемансо значили больше чѣмъ тѣ, которые спасли своимъ геніемъ и Францію и дѣло союзниковъ.

Э П И Л О Г Ъ

XX.

СЪ ЧЕРДАКА ДО ПОДВАЛА.

Вамъ мои дорогіе коллеги посвящаю эту послѣднюю главу моей книжки-книги впечатлѣній Журналиста. Если требовательный, скучающій читатель отброситъ ее съ первыхъ страницъ и потянется за чѣмъ нибудь болѣе интереснымъ, я не буду такъ огорченъ, какъ если вы, если книга случайно попадетъ вамъ въ руки, не прочтете ее, если не до конца, то по крайней мѣрѣ конецъ ея — мой эпилогъ, посвященный вамъ или, лучше сказать, намъ журналистамъ, лучше еще газетчикамъ — „news papermen“, какъ насъ называютъ въ Америкѣ и часто въ Россіи.

Мы вѣдь особые люди, и потому что мы не нормальные люди. Конечно, среди насъ есть исключенія. Есть люди, добившіеся извѣстности (слава намъ недоступна) и положенія, денежнаго успѣха, депутатскаго или сенаторскаго кресла, министерскаго портфеля или мѣста въ банкѣ, и успокоившіеся на своихъ или чужихъ лаврахъ.

Но развѣ это газетчики?

Нѣтъ, мы, повторяю, другой народъ, спокойный, всегда почти несправедливый, не знающій чего онъ хочетъ въ точности, ищущій той новости, которой онъ не знаетъ и, не узнавъ ее, бросающійся въ другую сторону.

Война, миръ, театры, балетъ, спортъ, политика, послѣдній романъ или послѣдній скандалъ, — это объединяетъ журналистовъ всѣхъ племень и народовъ.

Замѣтили ли вы, что никогда актеръ не станетъ журналистомъ и не станетъ журналистъ актеромъ. Мы не играемъ роли и не можемъ выносить автора и режиссера; у насъ своя дисциплина, но, ради Бога, пусть помощникъ режиссера не кричитъ мнѣ, что сейчасъ „мой выходъ“. Я его уже провалилъ. А вотъ вырваться на сцену жизни, перевернуть толпу на улицѣ, въ кафе, въ гостинной, въ кабинетѣ политика или ученаго, и уйти торопливо, позабывъ проститься, оставивъ запахъ хорошей или плохой (судя по сегодняшнему кошельку) напирасы, недотушенной въ пепельницѣ, — это наше дѣло. Наши редакторы, я самъ редакторъ, только тѣ же газетчики, потерявшіе подвижность и насильно организовавшіе въ какой то порядокъ свою жизнь. Но развѣ есть редакторъ, который, узнавъ новость, не выругается, не накинется на неповиннаго репортера или метранпажа, развѣ онъ не скажетъ, будучи, какъ я, зная это, утверждаю тысячу разъ неправъ, что такъ газетой заниматься нельзя и если бы я былъ и. т. д. . . .

Какая прелесть газета, какъ завидую я вамъ, мои дорогіе французскіе коллеги, что вы можете такъ работать, какъ смѣшны мнѣ кажутся ваши „huissiers“ съ цѣпями и вашъ бюрократизмъ, которыми вы думаете обмануть публику.

Я вѣдь знаю, всякій журналистъ такъ „страшно“ занять, редакторъ „заваленъ“ работой, ему нѣкогда вздохнуть. Боже мой, какіе вы несчастные и какъ я завидую вамъ.

Было время, когда и мои разсылные (а при отцѣ моемъ называли ихъ „молодцами“) внушительно вводили въ пріемную испуганныхъ начинающихъ авторовъ, особенно поэтовъ, всегда или перепуганныхъ до смерти или храбрыхъ до отчаянія, барышень влюбленныхъ въ вашу послѣднюю статью, а вовсе не въ васъ и, наконецъ, вы ихъ знаете, эту ужасную секту — обиженныхъ и оскорбленныхъ, чаще всего правительствомъ, людей.

А почта? И вдругъ вы въ ней видите что-то молодое, сильное, живое, вамъ нравится не важный почеркъ и не обиходное выраженіе, и вся эта кипа, кипучая чужими мыслями, оживаетъ.

Вамъ мѣшаютъ безпрестанно, вамъ не даютъ работать. Вы выскакиваете въ другую комнату и просите не кричать, но такъ съ перомъ въ рукѣ вы и остаетесь тамъ, слушая послѣднюю новость, о чемъ? Не все ли равно! Намъ важна новость, какъ спортсмену ничтожная, казалось бы, одна десятая секунды.

Потомъ, опять несправедливо выбравшись, вы возвращаетесь въ свой кабинетъ.

Замѣчали ли вы, что единственные уравновѣщенные люди въ редакціи — это разсылные. Всѣ остальные или полупомѣшанные или авгуры.

Да, потому-что авгурство намъ нужно.

„Попросите подождать“.

„Попросите г-на X.“

„Простите, но ваша рукопись по нѣкоторымъ соображеніямъ не подходит“.

„Ваше превосходительство, какъ радъ я васъ видѣть, чѣмъ прикажете служить“.

„Скажите, что я только-что ушелъ“.

„Да, пошлите ее къ секретарю“.

Вѣдь вы это говорите, мои дорогіе конфреры, и не чувствуете, какая это радость и прелесть нашего бытія.

Въ немъ есть и горе, и неудачи, но меньше чѣмъ гдѣ-нибудь и зато есть успѣхи не только свои, но и газеты.

Попробуйте отрицать это, жалуйтесь на эксплуататоровъ-издателей (я самъ былъ издателемъ), на дороговизну жизни, на то, что редакторы чаще всего свиньи (я самъ былъ редакторомъ), и все-таки попробуйте внутри себя, если вы газетчикъ, отказаться отъ нашего ремесла.

Передъ вами безработный, завистливый журналистъ, редакторъ и издатель. Не вѣрьте ему, будьте логичны въ своемъ ремеслѣ; но и по той же логикѣ, по тому же любопытству, какой журналистъ не любопытенъ, прочтите краткую исторію одной газеты, выброшенной изъ своихъ особняковъ на большую дорогу борьбы за существованіе.

* * *

Итакъ, въ 1917 году, когда дѣло нашихъ газетъ достигло своего апогея, большевики уничтожили его.

Чтобы дать понятіе читателямъ о томъ, чего мы лишились, я вкратцѣ изложу состояніе нашихъ дѣлъ. Я былъ главнымъ редакторомъ „Новаго Времени“ и двухъ самыхъ распространенныхъ вечернихъ газетъ Петрограда и Москвы „Вечерняго Времени“ и „Времени“. Я же былъ предсѣдателемъ совѣта

контрагентства на желѣзныхъ дорогахъ А. С. Суворина и Ко, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до 500 ж. д. кіосковъ. Товарищество наше, въ которомъ я былъ однимъ изъ крупныхъ пайщиковъ и дѣятельныхъ членовъ совѣта, имѣло въ Петроградѣ двѣ газеты, три дома, два магазина, двѣ конторы (обѣ на Невскомѣ), красочную фабрику, типографію и крупнѣйшее издательское дѣло. Я самъ отдѣльно занимался издательствомъ и имѣлъ два журнала: одинъ англо-русскій „The Russko-Britanskoïe Vremia“ — промышленный журналъ и спортивный „Конскій Спортъ“. Мы же были русскими Bottin, издавая „Весь Петербургъ“ и „Всю Москву“.

Въ Москвѣ у насъ была газета „Время“, контрагентство ж. д. и книжный магазинъ. Кромѣ того у насъ были книжные магазины въ Саратовѣ (два), въ Ростовѣ на Дону, въ Харьковѣ и въ Одессѣ. И, наконецъ, бумажная фабрика въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи съ 30.000 десятинъ лѣса. Я не говорю уже о частной собственности нашей семьи, о имѣніяхъ, о моемъ конскомъ рысистомъ заводѣ, бѣговой конюшнѣ и объ удивительной библиотекѣ моего покойнаго отца, одинъ заграничный каталогъ которой заполнялъ книгу въ 300 слишкомъ страницъ.

Все это пришлось намъ потерять въ угоду великой революціи и, такъ какъ ни копейки мы не имѣли въ заграничныхъ деньгахъ, стать нищими.

Такъ захотѣли наши новые владыки большевики и евреи, ненавидѣвшіе „Новое Время“ и память моего отца.

Вернувшись съ перваго кубанскаго похода, я ничего буквально не имѣлъ, кромѣ грошеваго жалованія, какъ служащій политическаго отдѣла, отъ

котораго я немедленно отказался. Надѣялся я на то, что мнѣ перешлютъ изъ контрагентства тысячъ 60, которые мнѣ оставались должны, но вмѣсто этихъ тысячъ я получилъ извѣстіе о томъ, что всѣ мои деньги захвачены большевиками. Въ этотъ моментъ, какъ сейчасъ помню, у меня было ровно 60 копеекъ и я, сообщивъ своему другу Э. эту грустную новость, занялъ въ конторѣ своей газеты нѣсколько рублей и мы пошли ихъ пропить въ памятный мнѣ кабачекъ, носившій названіе столицы перваго пьяницы патриарха Ноя-Араратъ.

Мой газетный опытъ въ Арміи, куда меня вызвали въ 1917 году, хотѣли нѣсколько разъ использовать. Сначала ген. Алексѣева запугалъ Миллюковъ, этотъ хамелеонъ русской политики, потомъ предлагали мнѣ ежемѣсячникъ „Смутное Время“.

На походѣ я долженъ былъ издавать крошечный листокъ — „Полевой Листокъ Добровольческой Арміи“; впрочемъ, это мое дѣтище умерло по желанію ген. Романовскаго, начальника штаба Арміи, на третьемъ номерѣ. Я не пролилъ на его могилѣ ни одной слезы.

Потомъ ген. Алексѣевъ предложилъ мнѣ издавать газету Добровольческой Арміи, но тотъ-же ген. Романовскій возсталъ противъ этого и газета была передана нѣкоторымъ благороднымъ незнакомцамъ и провалилась.

Наконецъ, я попросилъ у ген. Алексѣева 10.000 рублей въ долгъ и открылъ 7-го іюня 1918 г. свою газету „Вечернее Время“ въ Новочеркасскѣ и купилъ въ товариществѣ съ нѣсколькими друзьями маленькую типографію.

Контора и редакція помѣщались тамъ-же. Чтобы добраться ко мнѣ „въ кабинетъ“, гдѣ набирали

газету наборщики, нуж о было взобраться по крутой лѣстницѣ на чердакъ. Тутъ же, среди наборщиковъ, брошюровщиковъ (я сразу занялся издательствомъ и издалъ прекрасную книгу Атамана Краснова — „Степь“) я и работаль и принималь посѣтителей. Тутъ же сидѣли корректоры и наши телефонистки. Было не легко рабо : ть, но когда въ 3½ часа мы выпускали изъ закрытыхъ до этого времени широкихъ воротъ нашей типографіи десятки мальчишекъ, галдѣвшихъ „Вечернее Время“, мнѣ вспоминались прежніе годы успѣховъ, когда гремѣла моя газета въ Питерѣ. Я со своими 4000 тиража былъ далекъ отъ 200.000 Петрограда, но часто я гордился своимъ маленькимъ дѣломъ.

Единственнымъ газетчикомъ въ газетѣ былъ я. Полковникъ Патроновъ, неожиданно доказавшій свой безусловный талантъ журналиста, былъ находкой. Средствъ не было искать другихъ сотрудниковъ и намъ съ нимъ пришлось вдвоемъ работать на нашъ успѣхъ.

Не забудьте, что въ 50 верстахъ отъ Новочеркасска былъ громадный городъ (600.000 жителей) Ростовъ со своей громадной еврейской газетой „Приазовскій Край“, что въ Новочеркасскѣ издавался „Донской Край“, официальное издание, крупнѣе, конечно, и богаче моего, не имѣвшаго ни копейки денегъ за собой.

Но вотъ тутъ я хочу указать своимъ коллегамъ, какъ важно желаніе побѣдить, какъ важна традиція и увѣренность въ побѣдѣ. Мы были въ глубокой провинціи, мы были бѣдны и техническія средства наши были ничтожны — двѣ плоскихъ машины (конечно нѣмецкихъ) и ручной наборъ. У насъ не было денегъ, чтобы имѣть корреспондентовъ на

мѣстахъ и репортеровъ, тогда я сталъ издавать маленькую Петербургскую газету, не обращая вниманія на ея оторванность отъ мѣстныхъ интересовъ и мы побѣдили. Я былъ первымъ, сообщившимъ о взятіи Екатеринодара, и какъ мнѣ было пріятно обѣдать въ своей гостинницѣ подъ заказаннымъ мною плакатомъ о взятіи его.

Ушли нѣмцы изъ Ростова и въ концѣ декабря 1918 г. „Вечернее Время“ выходитъ уже въ Ростовѣ. Правда, мы опять на чердакѣ, но у насъ контора на лучшей улицѣ въ бельэтажѣ и я начинаю себя чувствовать бариномъ. „Вечернее Время“ становится побѣдителемъ вмѣстѣ съ Арміей. Мы оставались вѣрными союзникамъ и союзники побѣдили, мы вѣрили въ Добровольческую Армію и она побѣждала. Нашъ тиражъ уже доходитъ до 20.000, мы вспоминаемъ съ нѣжностью наше Новочеркасское сидѣніе. Я ѣду на казачій фронтъ, а потомъ въ Константинополь. Оттуда я пишу въ „Morning-Post—“. Миражъ стараго успѣха вновь предо мной. Наши взяли Харьковъ и мы тамъ открыли газету. Я бросаю Царьградъ и ѣду въ Харьковъ. Здѣсь у насъ неважная тифографія, но чудное помѣщеніе для редакціи. У меня уже двѣ газеты. Но этого мало. Армія продвигается къ Москвѣ и беретъ Курскъ. Тамъ нужна газета.

За это время ко мнѣ съ громадными трудностями сквозь большевицкіе кордоны пробрались трое изъ моихъ сотрудниковъ — Штиглицъ, Острожскій и Весеньевъ. Мы дѣйствительно — редакція. Моя завѣдующая конторой рекомендуетъ мнѣ свою сестру.

„Что можете вы дѣлать“, спрашиваю я м-ль Анненкову.

„Я все могу“, говорить она, краснѣя, и я ей поручаю секретарство новой газеты въ Курскѣ.

У меня уже три газеты.

Это былъ мой максимумъ,³ достигнутый съ успѣхами Арміи. Тогда у меня были и люди и были деньги. Съ тѣхъ поръ начались разочарованія. Черезъ нѣсколько дней я узнаю о неожиданной смерти моего ближайшаго помощника д-ра Э., я оставляю въ Курскѣ Бурнакина, Буханцева и Анненкову, въ Харьковѣ новаго моего сотрудника Никашина — московскаго присяжнаго повѣреннаго и журналиста изъ „Утра Россіи“ и самъ возвращаюсь въ Ростовъ.

Смерть Э. меня ужасно потрясла, но это не былъ конецъ испытаній.

Армія должна была покинуть Курскъ и наша газета, выйдя послѣдней, стала отступать. Буханцевъ и Анненкова открывали газеты въ Изюмѣ, Бѣлгородѣ, Славянскѣ, пока не дошли до Харькова. Но въ это время эвакуировался и Харьковъ, и всѣ они пришли въ Ростовъ.

У меня опять была одна газета.

Настроеніе было ужасное. Успѣхи большевиковъ, поддержанные полнымъ разваломъ казачества, устроеннаго ихъ политиками, грозили Ростову и Новочеркассу.

Мы все-же держались. Наше бюро помощи арміи работало превосходно, мы не опускали флага и все еще надѣялись на успѣхъ. Холодъ, скверное интенданство, распря съ казачествомъ сдѣлали свое дѣло и мы должны были уйти изъ Ростова.

Но, Богъ видитъ, что „Вечернее Время“ сдѣлало все, чтобы не было возможнымъ бросить ему упрека въ дезертирствѣ.

Въ октябрѣ умеръ д-ръ Э. Это былъ жизнерадостный, красивый, молодой человекъ, далекій отъ журнализма, неожиданно для себя полюбившій всей душой журнализмъ и нашу газету. Ему я поручилъ съ основанія своего дѣла всю администрацію моихъ дѣлъ и онъ справлялся съ дѣлами такъ, какъ я особенно цѣню — весело и легко.

Его контузія и страшныя головныя боли (онъ былъ участникомъ двухъ войнъ — японской и нѣмецкой) требовали отъ него извѣстнаго режима, но въ его очаровательномъ безпутствѣ онъ не могъ его держаться. Всякіе наркотики облегчали его страданія и въ концѣ концовъ отравили его и онъ умеръ, оставивъ за собой неизгладимыя воспоминанія блестящаго, осторожнаго дилетанта. Въ медицинѣ, въ жизни, въ войнѣ, въ журналистикѣ онъ вездѣ былъ тѣмъ-же очаровательнымъ, веселымъ, прекраснымъ товарищемъ и всѣ мы съ глубокимъ горемъ разстались съ нимъ.

* * *

Другая смерть подстерегала другого моего друга и ближайшаго сотрудника. Въ серединѣ декабря умеръ Н. Н. Штиглицъ. Этотъ человекъ явился ко мнѣ съ самаго начала газеты моей въ Петроградѣ. Я зналъ его, какъ лучшаго спринтера Россіи, прекраснаго знатока спорта и поручилъ ему отдѣлъ спорта въ „Вечернемъ Времени“. Молодой журналистъ сразу сталъ выказывать удивительныя способности и уже въ 1917 году онъ былъ „выпускающимъ“ и однимъ изъ моихъ ближайшихъ помощниковъ.

Онъ пробрался къ намъ съ необычайными трудностями черезъ большевиковъ. Со смертью д-ра

Э. я его просилъ взять администрацію моего дѣла въ свои руки. Онъ отдался ему всей душой. Но въ декабрѣ онъ простудился и 19-го декабря (1-го января н. ст.) скончался отъ испанки.

Когда мы черезъ недѣлю покинули Ростовъ, мы оставили тамъ двѣ могилы. На ихъ крестахъ ничего не было написано. Рядомъ лежать эти два друга „Вечерняго Времени“ и Богъ вѣсть найдемъли мы ихъ могилы, когда вернемся въ Россію.

Штиглицъ былъ настоящимъ журналистомъ, горячимъ, искреннимъ, обожающимъ свое дѣло, онъ и погибъ, поѣхавъ простуженнымъ на Царицинскій фронтъ по дѣламъ газеты.

* * *

26-го декабря (8 января н. ст.) утромъ мы узнали, что Новочеркасскъ оставленъ казаками и что грозитъ неминуемая опасность и Ростову. Но насъ увѣрили, что Ростовъ будетъ удержанъ или во всякомъ случаѣ продержится нѣсколько дней.

Газета наша вышла, какъ всегда, около трехъ часовъ дня. Въ четыре часа я отправилъ на лошадяхъ вдову д-ра Э. и нашу завѣдующую конторой съ ихъ дѣтьми въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, и всадниковъ-дагестанцевъ, т. к. съ четырехъ часовъ свѣдѣнія приходили все болѣе и болѣе паническія. Часть моихъ сотрудниковъ (Никашинъ между ними) раньше уѣхали въ Крымъ для открытія тамъ газеты въ Феодосіи, уѣхали и Острожскіе.

Насъ оставалось: Анненкова, Буханцевъ, Весеньевъ, Шумлевичъ, Мякинъ, Шучкинъ и помощникъ д-ра Э.

Мы собрали военный совѣтъ. Грохотъ орудій

явно говорилъ о приближеніи врага, а безконечные обозы — о начавшемся отступленіи. Но начальникъ гарнизона утверждалъ, что газета еще должна выйти завтра.

Хорошіе это были Рождественскіе праздники. Наконецъ, вечеромъ я узналъ, что Ростовъ съ часу на часъ оставляютъ. Мы собрались на моей квартирѣ и рѣшили уходить, надѣясь попасть на поѣздъ ген. Кутепова, всегда послѣднимъ уходившимъ изъ оставленныхъ городовъ. Намъ пришлось бросить все свое имущество, весь нашъ архивъ, котораго такъ мнѣ не хватаетъ, и уйти поздно вечеромъ въ догонку за отступающей Арміей.

Въ одиннадцатомъ часу мы добрались до поѣзда ген. Кутепова, готоваго къ отходу.

Ночью 27]XII мы покинули Ростовъ. Въ какихъ условіяхъ мы передвигались, мои заграничные коллеги представить себѣ не могутъ. Первую ночь, напимѣръ, мы провели втроемъ на одномъ пулеметѣ. Одинъ на лафетѣ, другой на самомъ пулеметѣ, третій на жестянкѣ съ лентами. Потомъ насъ перевели въ вагонъ-мастерскую. Въ немъ было то страшно жарко отъ печки, то ужасно холодно. Ничего теплаго у насъ не было. Щучкинъ заболѣлъ и я ожидалъ тифъ. Всѣ мы спали кое-какъ на голыхъ доскахъ, но веселая бодрость журналистовъ насъ не покидала и, помню, что мы прекрасно встрѣтили новый годъ на ст. Кавказской. Насъ было отъ генерала до солдатъ человекъ 20 въ вагонѣ и мы ѣхали въ Новороссійскъ съ полной урѣвенностью, что мы еще понадобится для нашего дѣла.

Четвертаго января мы были въ Новороссійскѣ и 9 — обратите на это вниманіе, мои дорогіе коллеги — уже вышло „Вечернее Время“.

Благодаря любезности сербскаго офицера, я нашла маленькій домикъ, въ которомъ мы всѣ жили въ двухъ комнатахъ. На этотъ разъ редакція помѣщалась въ подвалѣ. Мы перешли изъ чердака въ подвалъ еврейской типографіи.

Кругомъ лежала бумага и ящики. Мебели не было. На двухъ ящикахъ лежала доска — это былъ мой редакторскій столъ. Мое изломанное кресло не имѣло спинки и его замѣняли веревки, кое-какъ натянутыя. Къ намъ вела крутая лѣстница изъ еврейской типографіи, которую мы наняли. Свѣта не было — его замѣняли свѣчки въ бутылкахъ и маленькое толстое, полуотбитое стекло надъ моей головой въ тротуарѣ.

И тамъ мы работали.

Когда Бурцевъ пришелъ ко мнѣ, онъ пришелъ въ восторгъ.

Мы люди разныхъ лагерей, но это желаніе быть журналистомъ и говорить, что думаешь, это презрѣніе ко всякимъ препятствіямъ восхитило и этого стараго революціонера. Не думаю, чтобы въ самые жестокіе времена революціонеры могли работать въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ наше удивительное „Вечернее Время“.

Тутъ-же рядомъ, на доскахъ стояла машинка Анненковой, заболѣвшей тифомъ. Изъ этого подвала мы шли домой на окраину города. Нашъ домикъ сотрясалъ нордъ-остъ, было холодно, ѣли мы кое-какъ, но газета выходила. Пусть тѣ, которые смѣютъ смѣяться надъ нашей газетой, похващаются такимъ-же рекордомъ.

Да, мы умѣемъ издавать газеты и въ дворцахъ въ Петроградѣ, на чердакахъ въ Новочеркасскѣ и

Ростовѣ и въ подвалѣ въ Новороссійскѣ. И вездѣ ненавидѣла насъ, и меня по наслѣдству, еврейская печать. Она была права.

Она видѣла ту энергію, которую она въ своихъ мечтахъ считала исключительно своей собственностью. Она неожиданно для своего близорукаго вниманія увидѣла крѣпкихъ русскихъ людей, которые были гораздо сильнѣе ихъ безталанной, но всегда богатой, печати. Даже въ подвалѣ мы были сильнѣе ихъ наглыхъ и въ тоже время жалкихъ листковъ.

Какъ старый спортсменъ, я съ понятной гордостью и безъ всякаго хвастовства могу сказать: газета независимо отъ обстоятельствъ всегда и вездѣ была своихъ конкурентовъ и только благодаря тому, что она была русской газетой и тому, что ни лишенія, ни болѣзни, ни смерть, ни опасности не останавливали насъ передъ работой.

Господь дастъ, и вновь возродится наше громадное дѣло, но никогда не забуду я нашихъ трудовъ въ этомъ городѣ нордъ-оста, нашей работы въ подвалѣ, нашей нищеты и безпредѣльной вѣры въ успѣхъ. Тамъ закалились мы и, если мы вернемся, не тѣмъ журналистамъ, привыкшимъ ко всякимъ удобствамъ, а намъ, знавшимъ всю роскошь „Новаго Времени“ и честно, не обращая вниманія на испытанія, продолжавшимъ свое дѣло, предстоитъ сказать свое слово подрастающему журнализму.

Хорошая, крѣпкая гордость охватываетъ меня, когда я, безработный журналистъ, вспоминаю о героической эпохѣ моей газеты.

Потомъ опять послѣдними, въ трюмѣ парохода, я съ Анненковой и завѣдующимъ типографіей добрался въ Крымъ. Тамъ вновь взвился флагъ

„Вечерняго Времени“ въ Феодосіи и въ Симферополь.

И тамъ, у чуднаго моря, такой же нищій какимъ я былъ въ Новороссійскѣ, я чувствовалъ гордость быть русскимъ журналистомъ, честно исполняющимъ свое дѣло.

Все было противъ насъ. Организациа печати была отврагительна и гнусна. Она попадала въ руки не только всегда бездарныя, но часто преступныя и всегда жалкія. Парамоновъ, Энгельгардтъ, Соколовъ этому первые свидѣтели.

Бумаги не было, а если и была, то ее расхищали или пользовались ей какъ дураки, какъ бездарные чиновники. Рабочій трудъ былъ поставленъ отврагительно. Наборщикъ зарабатывалъ значительно больше, чѣмъ писатель. Вся жизнь наша была сплошная борьба съ начальствомъ, съ поставщиками, съ рабочими. Всѣ они, ничего не понимая въ дѣлѣ, выжимали изъ насъ послѣдніе соки, но все-же мы, русскіе газетчики, жили.

Я не былъ въ Крыму*), когда наши газеты, опять таки послѣднія, должны были его покинуть, но до конца мы оставались вѣрными Арміи. Моя жена пробовала изъ Севастополя пробраться въ Симферополь и уѣхала дѣйствительно послѣдней. Среди всѣхъ этихъ воспоминаній, среди всѣхъ лишеній, которыя едва ли пришлось испытать какому нибудь изъ моихъ заграничныхъ коллегъ, я вижу и горжусь тѣмъ, что никогда не падалъ духомъ, что наслѣдство моего отца осталось въ хорошихъ рукахъ.

Развѣ не доказываетъ это мой братъ, на гроши издающій „Новое Время“ въ Бѣлградѣ.

*) Я выѣхалъ за мѣсяць по дѣламъ въ Парижъ, когда ничего не угрожало арміи.

Нѣтъ, мои дорогіе коллеги, мы, можетъ быть, для васъ дикіе люди, но мы съ нашими сотрудниками незамѣтно для васъ доказали то, съ чѣмъ каждый журналистъ можетъ умереть съ честью.

Черезъ всѣ препятствія и лишенія мы пронесли любовь къ своей Родинѣ, никогда не измѣнили мы своимъ принципамъ, и пусть вновь стануть передъ нами новыя препятствія, новыя голодовки и лишенія, я, какъ журналистъ, изъ послѣднихъ силъ крикну вамъ:

„Да здравствуетъ наше дѣло и наше ремесло.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	3
I. Два бриджа	5
II. Рожденіе арміи	13
III. Калединъ и казачество	27
IV. За Родиной	44
V. Ледяной походъ	62
VI. Бой у села Филиповскаго	72
VII. Таинственный другъ	81
VIII. Осада Екатеринодара	88
IX. Смерть Корнилова	102
X. Въ темную ночь	121
XI. Въ тачанкѣ	136
XII. Пробужденіе донского казачества	144
XIII. Кровь	152
XIV. Свѣтлая заутреня	161
XV. Вѣра Энгелгардъ и Бобочка Ерофеевъ	169
XVI. Между молотомъ и наковальней	183
XVII. Второй кубанскій походъ	195
XVIII. Послѣднее дѣло на землѣ Генерала Алексѣева	208
XIX. <i>Vivent les Alliés!</i>	218
XX. Эпилогъ. Съ чердака до подвала	235

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.2
.S8

